

СМЕШНАЯ ЛЮБОВЬ

16+

СЕРГЕЙ ЕРМОЛОВ

Сергей Ермолов

Смешная любовь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=47113381

SelfPub; 2020

Аннотация

Я хочу быть прав только в одном. Жить без любви нельзя. Моя любовь никогда не закончится. Никогда. А может быть, любовь – всего лишь иллюзия?

Содержание

1	5
2	13
3	22
4	29
5	43
6	49
7	58
8	65
9	71
10	81
11	87
12	95
13	106
14	117
15	129
16	138
17	149
18	159
19	170
20	180
21	189
22	197
23	204

24	214
25	224
26	230
27	236
28	243
29	248

1

В Наташе что-то было. Может быть, рот. Или глаза. Я не знал. Что-то манящее. И очень сильно. Мне не удавалось вообразить себя способным понравиться ей. Наташа слишком красива, чтобы оказаться доступной.

Я еще молод. Моложе ее. Иногда молодость – это неудобство. Чтобы понравиться женщине, я выдумываю себя. Я устал быть нелюбимым.

Я старался использовать все возможности своего обаяния. Мне следовало быть настойчивее. Никогда не следует высказывать сомнения в привлекательности женщины. "Не ищи красивых," говорил я себе. "Ты не сможешь их удержать". У меня есть правила на все случаи жизни. Но желание любви может изменить любое правило.

Для меня все имело значение. Она оказалась очень умна. Меня это разочаровало. Ни одной иллюзии. Лучший выбор женщины делает только слепой. Решение не бывает простым. Не у меня.

Наташа выглядела невероятно красивой и смотрела только на меня. Я даже обернулся, чтобы убедиться, что она улыбается именно мне, а не кому-то другому, кто случайно оказался у меня за спиной. Я выдумывал Наташу для себя.

– Ты удивительно выглядишь, – восхитился я.

– Надеюсь, что ты заметишь, – ответила Наташа.

– У тебя красивые руки.

– Сейчас они ужасные. Я не нашла нужного лака.

– Я обожаю тебя.

– Хороший мальчик.

– Перестань мучить меня.

– Я тебя мучаю?

– Да. Ты смеешься надо мной.

– Не будь смешным.

Я не чувствовал уверенности. Не знал, что Наташа думает обо мне.

Наши взгляды встретились, и она как будто даже растерялась от неожиданности. Я сидел и ждал, что произойдет в следующий момент.

– Значит, я тебе нравлюсь? – спросила Наташа.

– Конечно, нравишься.

– Что бы это могло значить? – у нее был удивительно ласковый голос. Никто еще никогда в жизни не говорил со мной таким голосом. – Откровенно говоря, я удивлена.

– Значит, ты догадалась.

– Это не трудно. Достаточно взглянуть на твое лицо.

– Ты, кажется, не то хотела сказать.

– Но вовремя остановилась.

Иногда я почти был уверен: в этот раз будет все. Но тут же говорил себе: нет, нет, только не сейчас, не в этот раз, в другой. Смотрел на ее лицо и пытался понять: что это зна-

чит? Когда это произойдет? Я не спросил.

– Что с тобой? – спросила Наташа. – Уж не влюблен ли ты?

– Не знаю. Я об этом подумую.

– Какой же ты еще малыш? Может быть, ты действительно влюблен в меня?

Вот когда я впервые подумал, что она умнее меня. Я старался привыкнуть к роли выжидающего, к ощущению, что действуют все, кроме меня. События должны развиваться сами, без моей помощи. И либо Наташа неизбежно достанется мне, либо нет и тогда мне не в чем будет себя упрекнуть.

– Ты всегда такой вежливый? – поинтересовалась она.

– Нет.

– Я так и думала. Никто не знает, какой ты на самом деле. Ты начинаешь мне нравиться. И что мы будем с этим делать?

Смотрел на ее волосы, и мне казалось, что я давно знал их на ощупь. Ожидание не всегда утомительно.

– Ты меня хоть немножечко любишь? – опять спросила она.

– Ты и сама знаешь, – ответил я. – Знаешь же.

– Откуда ты это знаешь? Откуда?

– Ты нужна мне. Почему ты упрямисься? Ты какая– то старомодная. Говоришь "нет" только для того, чтобы я тебя упрашивал.

– Откуда ты так хорошо знаешь, чего мне хочется? – Наташа быстро посмотрела на меня, отвела глаза.

Я не встречал сопротивления своему безразличию. Недо-

верие женщины всегда вынуждает быть более изощренным в обмане. Решение вроде бы не такое уж и важное, но почему-то оно кажется важным. Не могу понять, что хочу от себя. Неизвестное всегда пугает. Не знаю почему, но я чувствовал, что краснею. Нужно уметь любить. Я не хочу учиться ничему другому. Любовь для меня – все в жизни.

– Что ты сказал? – переспросила Наташа.

– Что я люблю тебя.

– В самом деле? А тебе не кажется, что мы давно выросли из этой игры?

– Я еще не знаю, чего хочу.

– А чего ты хочешь приблизительно?

– Приблизительно – всего.

– Какие глупые слова. Но слушать их от тебя почему-то приятно.

Наташа смотрела на меня с любопытством, и я почувствовал, что она рассматривает и оценивает меня. Все, что происходило не было похоже на реальность. Человек, который старается убедить, никогда не бывает правдив.

Я подумал – первый шаг сделан. Надо делать второй.

– Какое счастье быть хорошенькой женщиной, – сказала Наташа.

– Я хочу, чтобы мне завидовали.

– Какой ты, оказывается ребенок.

Я возразил, что мне уже шестнадцать. Я боялся оказаться не готовым к любви. Мне всегда не хватает уверенности.

– Пытаешься мне понравиться? – Наташа смотрела на меня так, словно знала все мои мысли.

– Да, но, кажется, не слишком успешно.

– Не стоило и начинать. Я всегда смогу сказать нет.

– Попробуй.

– Зачем?

Женщина способна на всякие хитрости, если хочет заманить мужчину в ловушку. Но меня заманивать было не надо.

– Ты мне веришь?

– Хочу верить.

– Можешь верить.

– Что– то ты очень говорлив сегодня.

А я был счастлив. И мне было все равно, что говорить.

– Я тебе нравлюсь? – это одна из тех фраз, которыми пользуются женщины, чтобы обратить на себя внимание мужчин.

– Конечно, – ответил я.

– Чем?

– Мне это известно.

– Тогда хорошо.

Я ждал и не делал лишнего. Так просто испортить хорошее. Не делал того, что хотел. Вот она проблема. Надо назвать ее. Необходимо знать, что нужно опасаться в такой ситуации. Моя неловкость развлекала Наташу. Может быть, я остановился за минуту до того, как она уже была готова согласиться.

– Я хочу спросить, – прежде мне не удавалось быть таким

откровенным. – Не хочу, но надо.

– О чем же?

– Ты чувствуешь то же, что и я?

– Я не знала, что для тебя это будет интересно.

– Зачем тебе так необходимо мучить меня?

– Наверное, я к тебе равнодушна.

– Что полагается делать в таких случаях?

– Давай не будем говорить об этом сейчас.

Я боялся молчания в присутствии любимой женщины. Не всегда мог придумать, что бы такое сказать. Излишняя скромность, вот что это было. И ничего другого.

Наташа открыла рот, собираясь что– то сказать, снова закрыла его, и, наконец, тихо спросила:

– Ты уверен в себе?

– Нет, – ответил я. – Не всегда.

Но почему именно так? Ужасно неудобно. Хочется увидеть во плоти мои грешные мысли. Чувствовал, что Наташе это было необходимо не меньше, чем мне. Я могу только гадать, как оно бывает с любимой женщиной. Воображаю всякие подробности. Мне это нравится. Мне всегда казалось, что ноги – самая некрасивая часть тела, но у нее они мне нравятся.

– Ты еще маленькая – не обижайся, – попросила Наташа. – Ты еще наивный.

– Это было очень давно. Сейчас я не наивный.

– Да? – засмеялась она.

– Да, – я сказал "да" и подумал: странно, что она смеется.

– Ты ужасно упрям.

– Так и мама говорит.

– Можно мне дать тебе совет?

– Я их не часто слушаю.

– Ты не обращай внимания, когда я такая. Я не хочу быть некрасивой перед тобой. Ты знаешь, о чем я думаю?

– Нет. – Откуда я мог знать? Я не знал даже, о чем думал сам.

– Мы оба знаем, чего хотим. Я буду откровенна. Мне казалось, что я могу обойтись без тебя. Но я не могу.

Может быть, мне просто повезло, что Наташа обратила на меня внимание.

Я тщательно подыскивал слова, чтобы ей ответить. Боялся одного – как бы не сказать банальность. Наташа должна быть моей, быть со мной, подумал я. Мне нравятся улыбающиеся лица. Она уже все поняла. Нам удалось понравиться друг другу.

– Не знаю, о чем говорить, – сказала Наташа.

– Тебе и не надо ни о чем говорить.

– Мы, наверное, сами создаем себе сложности.

– Я понял тебя, как надо.

– Тебе же лучше, глупенький. В моем возрасте женщина привлекательнее, когда она одета.

– Это понятно.

– Понятно? Тебе понятно? Как тебе может быть понятно?

Я мечтаю тебе уступить. Я не хочу, чтобы ты во мне ошибся.

Я обрадовался. Это – странно. Я совсем не веселый человек. Не долго же она сопротивлялась. Очень умна и знает, что делает. Я завидую людям, которые живут ни в чем не сомневаясь. До встречи с Наташей жизнь у меня была какая-то однообразная. День за днем одно и то же. Ничего не происходило. Жизнь проходила. Ускользала. Я не мог понять, почему мне не везло в любви. Хотел быть любим. Я пытался. Постоянно пробовал быть счастливым.

Никогда нельзя быть уверенным, что поступишь именно так, как пообещаешь себе. Мне необходимо повзрослеть. Мои желания притягивают меня к Наташе. Я влюбился в нее. Окончательно и бесповоротно. И рано или поздно придется задуматься, что с этим делать. Мне не хватает уверенности в себе. Я хотел, чтобы Наташа взяла инициативу в свои руки, подала мне знак, которого я ждал. Рядом с Наташей я не хочу быть смешным.

2

Я ничего не выдумывал. Наташа позволяла мне быть искренним с собой. Я это чувствовал. Я был честным в своих желаниях? Так почему же я так нервничал? Знаю, что меня пугало. Обычно женщина всегда сопротивляется чувствам мужчины.

Я понимал, что все написано у меня на лице, и скрыть это от Наташи не удастся. Невозможно избавиться от всех своих недостатков.

– Чего ты боишься? – спросила она.

– Тебя, конечно, – ответил я. – Разве не понятно?

– Возражения женщины никогда не удерживают мужчину.

– Неужели все так просто?

– Да, малыш.

На мгновение она повернула голову и посмотрела на меня широко открытыми глазами. Я не знал, что она хотела от меня. Ее безразличие ко мне выглядело естественнее моего безразличия к ней.

Спокойно, сказал я себе. Хорошо все обдумай. Надо быть хитрым. Времени хватит. Я никогда не был наивным. Наташа оказалась очень близко от меня. Так близко, что я боялся пошевелиться.

Я могу говорить лишь о том, что чувствую. Любовь долж-

на сделать меня увереннее.

– Недоступность женщины, – сказала Наташа, – лишь один из способов притворства, привлекающий мужчин.

– Если тебе нравится обманывать, мне следует научиться верить твоему обману.

– Солнышко, ты не мог бы говорить понятнее? Ты что– то от меня скрываешь.

– Я просто жду удобного момента, чтобы сказать.

– Сейчас удобный момент. Милый, я понимаю, что ты чувствуешь. Ни одной женщине не нравится сомневаться в любви мужчины. – Наташа посмотрела на меня со снисходительной улыбкой. – Женщины только жадны. Думать иначе наивно.

Я верил: она думает то, что говорит. У меня дурацкая привычка краснеть, когда я застигнут врасплох. Я мог упустить что– то, имеющее огромное значение. Внутри у меня все время что– то вертелось, стараясь найти удобное место, как человек, у которого бессонница, старается подыскать удобное положение на кровати.

– О чем ты думаешь? – спросил я.

– Вот сломала ноготь и теперь вспоминаю, где и когда это случилось. Как ты себя чувствуешь?

– Неуверенно.

– Я смущена еще больше, чем ты.

Мы поддавались друг другу. Мы не пытались постоянно доказывать, что кто– то из нас лучше другого.

Наташа получала все, что хотела. Я уступал неожиданно для себя. Не мог ни в чем отказать этой женщине. Не хотел ни в чем ей отказывать. Мне нравилось подчиняться Наташе. Просто я был уверен, что она этого хочет.

Я вдруг подумал, что Наташа – эгоистка. Возможно, что и так. Но меня это не волнует.

– Ты все еще нервничаешь? – спросила она.

– Я не хочу разрушать твое мнение обо мне.

– Ты зря тратишь время на объяснения. Все понятно без слов.

– Ты для меня больше, чем просто красивая женщина, – я старался, чтобы она поверила мне.

– На меньшее я никогда не соглашусь. Ты любил когда-нибудь? Не каждый мужчина может полюбить.

Наташа перестала говорить и прижалась ко мне. Она хотела меня успокоить. Или успокоиться сама, кто знает? Не нужно воображать женщину более искренней, чем она искренна в действительности. Не следовало говорить Наташе все, что знаешь о себе. Но я не сумел притвориться. Разучился быть искренним во лжи.

– Не слишком ли далеко мы зашли? – спросила она.

– Это только начало.

– У тебя все мысли в одном направлении.

Я не чувствовал победу, скорее, смущение. Легко лишь сказать – не волнуйся. Наташа казалась мне простодушной и наивной, ведь она так и не догадалась о моих намерениях.

Мне хотелось быть безгранично нежным и терпеливым. Любовь учила меня нежности.

– У тебя лицо человека, который обманывает, – сказала Наташа.

– Я постоянно обманываю.

– Я знаю. Но меня – нет.

Хотел возразить, но передумал. Я видел, что моя покорность ее обезоружила, что ей уже меня жаль. "Что я теперь должен делать?" Чувствовал, что наши роли переменились и что теперь инициатива принадлежит Наташе. То самое, что мне было необходимо.

– О чем ты думаешь? – спросил я.

– О тебе. Размышляю, сможешь ли ты сделать меня счастливой. Это будет очень трудно.

– А что для тебя важно Наташа? – глупо спрашивать женщину, сомневаясь в возможном ответе.

– Ты должен постоянно напоминать мне о моей привлекательности.

– Какая ты пошлая.

– Тебе очень понравится. Иди ко мне. Иди, иди.

Наташа погладила меня по голове едва ощутимым прикосновением и тут же убрала руку.

Мне хотелось спросить у нее, почему все становится легче и проще, когда она рядом. Первое впечатление от человека никогда не оказывается правильным. Я хотел воспользоваться желаниями Наташи. Мне они нравились.

Вот она любовь, подумал я. Здесь. Сейчас. Наконец— то я понял. Все было серьезно. Она не шутит. Чтобы понимать женщину, ее надо любить. Никогда не думал, что ожидание любви так мучительно. Может быть, мне предстоит узнать что—нибудь более неожиданное о себе. В жизни все так по взрослому.

— Каждая женщина боится своей откровенности перед мужчиной, — сказала Наташа.

— Я не хочу заставлять любить себя.

— Видел бы ты сейчас выражение своих глаз. Ты сам не знаешь, на что толкаешь меня.

Я не хотел ей отвечать, не знал, как выразить свои чувства словами. Лишь ощущал, что мне все сложнее сдерживать себя. Остановиться было невозможно. Но я не знал, что должен делать.

Я нашел женщину, которую искал. У меня нет возможности справиться с желанием любви. Хочу быть любим. Ничего другого я не хочу. Радовать себя безразличием к любви невозможно.

— Ты такой же, — услышал я голос Наташи.

— Какой такой?

— Как все. Женщина может ждать. И долго, если надо. Не знал этого?

Было ясно, что она никуда не спешит. "Разве так можно?" подумал я. "Почему так долго? Может быть, что—то не так?"

Я почувствовал, что больше не нужно пытаться. Пока.

Только пока. Словно боялся, что она плохо подумает обо мне. Что я забыл сделать? Какая– то смутная мысль вертелась в голове, не давая покоя. Чувствовал, что мне обязательно нужно было что– то сделать. Но что? Мне казалось, что от этого зависела моя любовь.

– Я тебя погублю, – сказала Наташа.

– Лучше ты, чем другая, – я не позволял ей сомневаться в искренности моих слов.

– Ты просто очень плохо знаешь женщин.

– Да? Не делай из меня дурака.

– Просто я тебя немного поддразниваю.

По ее голосу я чувствовал, что она не шутит. В ее словах я находил подтверждение своим ощущениям любви.

Я не могу привыкнуть к своим новым чувствам. Они не могут быть только выдумкой. Признаваться в любви нужно лишь тогда, когда уже нет возможности молчать. Но любовь невозможно выразить словами.

– О чем ты думаешь? – спросил я.

– Разве я всегда должна о чем–нибудь думать? Ты меня все время спрашиваешь. У меня на лбу появилась новая морщинка. Я стара для тебя.

– Как ты думаешь, есть у меня хоть маленький шанс?

– Ну и вопросы же у тебя.

– Мне просто хочется узнать твое мнение.

– Иногда ты ведешь себя, как ребенок. Но мне нравится быть терпеливой. Именно это я называю любовью.

– Как неожиданно все получается, – я не хотел верить в случайность нашей встречи.

– Я знала. Знала, что у нас с тобой так будет. Знала, лишь только увидела тебя.

Только теперь я догадался, отчего это вдруг при виде Наташи мне становилось так хорошо, – ее отношение ко мне изменилось. Я поверил любви. Ничто не может остановить меня. Как хорошо быть так уверенным в себе. Наташа завидовала мне. Я должен признаться, что хочу этого. Ни с кем другим не чувствовал ничего похожего.

– Ты что– то хотел сказать мне? – спросила Наташа.

– Так, одну глупость. Не обращай внимания.

– Ведь ты не считаешь, что мы что– то упустили?

"Именно так", подумал я.

Живу только любовью и стараюсь ничего не выдумывать. Я никогда не был эгоистичным, злым, не был взрослым.

Несколько минут я обдумывал ее слова. Потом спросил:

– Я тебе, что ли, не нравлюсь?

– Как я хотела бы, чтобы это было так. Ты же еще совсем ребенок. Ты не можешь быть предоставлен самому себе.

– Ты серьезно?

– Разве похоже, что я шучу? – Наташа ответила не сразу, и, еще не зная ее слов, я вдруг понял, что она может сказать что– то такое, что поразит меня.

– Я ищу человека, который бы понял меня.

– Это нелегко. Тем более, если ты прячешься. Не отказы-

вай себе в удовольствии. Не осложняй себе жизнь.

– Я не говорил этого.

– Тебе и не нужно было говорить. Ты не представляешь, как мне нравится просто видеть тебя рядом. Я не знаю, как долго мне удастся сопротивляться. Мне необходимо твое уважение.

Вот как легко убедить женщину, если говорить ей правду. Наташа скрывала от меня свою доступность. Ожидание не может нравиться. Мне следовало быть более настойчивым. Найти так же просто, как потерять. Нужно лишь знать, где искать. Однажды следует стать мужчиной. Пришло время.

Я поверил Наташе. Почему – то именно ей. Она может обмануть. Не привыкай доверять красивым женщинам. Она обязательно найдет, что можно требовать взамен. В общем – то это понятное желание.

– Мне так стыдно, – я отказался от сомнений. Недостатки стали моими достоинствами.

– Ничего страшного.

– Ты веришь, что мне стыдно?

– Тебе? Нет. Не верю.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Не изображай из себя невинность.

И как это Наташа всегда угадывала, о чем я думал?

Я знал, что сейчас будет трудно. Но я не собирался ничего делать. Больше мне уже нечего было ей сказать. Теперь оставалось только ждать. Я не делал, что хотел. Старался быть

понятным. Когда любят не врут.

Что я сделал неправильно? Что я мог себе позволить? Взрослые говорят одно, а делают другое. Я ожидал от себя самых дерзких поступков и откровений – правда, пока еще не мог понять, каких именно. Боялся действовать слишком поспешно. Мне не хватало практики. Но я был счастлив уже только ожиданием. Я нравился себе.

Нужно уметь ждать. Терпеливым всегда везет. Я боялся ошибиться. В каждой женщине ощущается что– то опасное для меня. Неуверенность может помешать в любом деле. Я уже привык, что женщины не замечают меня. Они не видят во мне мужчину. Сомневаются. Неуверенность всегда была частью меня. Никто не ищет одиночество. Ни одна женщина никогда не торопилась понравиться мне.

Я не хочу бояться Наташу.

3

Во мне нет ничего способного удивить. В оригинальности я всегда был неудачен. Мне не следовало воображать, что я могу убедить в своей любви любую женщину. Не все удастся понять даже в собственных поступках. Меня привлекает в Наташе то, что совсем не соответствует моим прежним представлениям о женской привлекательности. Мне нравятся ее ноги. Но я никогда не говорил ей об этом. Старался не давать ей лишних козырей.

Обманывая любимую женщину, я всегда чувствовал, что обманываю себя.

Ожидание Наташи делало меня слабым. Не могу не просить женщину о том, что другим мужчинам она всегда предлагает сама. Я спешил. Никогда прежде я не боялся не успеть.

– Тебе не хватало меня? – предположила Наташа.

– Да.

– Очень не хватало? Мы с тобой еще поговорим об этом.

Ты умеешь польстить.

Я вообразил, что мне удалось почти все из задуманного. Верил от начала и до конца в то, что говорил. Я не обманывал.

– Я рада, что ты пришел, – Наташа позволяла мне чув-

ствовать любовь.

– А что, было много таких, которые отказывались? Неужели такое случилось?

– Ты этого не сможешь понять. Почему ты меня об этом спрашиваешь?

Я покраснел и смущенно рассмеялся. И не стал объяснять. Наташа тоже улыбалась моему детскому вопросу.

Мне нравилось думать, что она доверяет мне больше, чем мужчинам, которые были у нее раньше. Я очень легко поддался ее влиянию. У меня не появлялось возможности разоблачить женское притворство.

– Ты ребенок, – сказала Наташа.

– Да. – Это была правда.

– Тебе хорошо со мной? Я уже успела отвыкнуть от своей искренности. Иногда мне кажется, что самое хорошее в моей жизни – ты. Я обожаю тебя за это.

Я не заметил иронии. А может, ее не было.

Только Наташа могла заставить меня говорить о любви. Я не хотел сомневаться. Я нуждался в любви. Это желание всегда было во мне сильнее остальных желаний.

Заговорил неуверенно, не всегда зная, что скажу дальше. Я считал, что это важно – какие будут сказаны слова. Рассказывал Наташе о себе лишь то, что мне было выгодно. Когда я оказываюсь с ней рядом, ложь всегда становится правдой. Мне это нравится.

– Ты сейчас какой – то тихий, – сказала Наташа.

– Видимо, так удобнее.

– Ты кажешься мне скромным и робким.

– Это одна из моих лучших выдумок о себе. Внешность должна обманывать. В действительности я, конечно, всегда другой. Мне кажется, что хуже. Но это не оказывается недостатком, если получается скрыть.

– Однажды все откроется.

– Я не думаю о плохом. Мы ничего плохого не сделали.

– Иногда я думаю, что мы все делаем неправильно.

– Разве у меня есть выбор?

– Нет. Рядом с тобой я чувствую себя уютно. Тебе что– то хочется сказать мне? Что?

– Еще не знаю, но скоро буду знать.

– Я хочу, чтобы ты говорил обо мне. Не надо теперь меня стесняться. Запомнил?

– Да, Наташа.

– Мой большой– пребольшой мальчик.

Наташа понимала больше, чем я хотел сказать. Мои ошибки не удивляют никого, кроме меня. Я не знал, что она ждала от меня. Я был счастлив. Любовь учила меня терпению.

Не мог удержаться от улыбки, и она сразу выдала меня. Не следует быть искренним с женщиной больше, чем необходимо.

– И когда ты только повзрослеешь, – сказала Наташа.

– Не надо так говорить.

– Это просто шутка. Люблю пошутить. Я ведь несерьез-

но. Сам понимаешь, что не это имеет значение. Мы с тобой взрослые люди. Наша разница в возрасте – это всего лишь случайность.

Я сказал – да, мне кажется, что да. И улыбнулся Наташе.

Я чувствовал любовь. Это ощущение очень важно для меня. Прежде я мог лишь догадываться о своих желаниях. Я был только неловок, когда дразнил себя возможностью любви.

И вдруг Наташа улыбнулась, как озорной ребенок. Я подумал, что, возможно, она и правда влюблена в меня.

– Ты совсем не такая, как я ожидал, – я верил, что Наташа сделает меня счастливым.

– Знаю.

– Я не могу понять, почему.

– Глупенький, в таких случаях не существует никаких "почему".

– Как же я тебя люблю.

– Ты должен был это сказать. Какой ты мальчик. Рядом с тобой я боюсь ощущать свой возраст.

– Я ничего не выдумываю.

– Я верю. И давно ты так чувствуешь?

– С самого начала.

– Это неправда.

– Я вижу, что ты мне не веришь. Но это глупо.

– Ни одна женщина не согласится с мужчиной, даже если уверена в его правоте. Такое теперь редко встречается. Ты

сам увидишь. Ты же известный врун. Разве можно верить вруну?

– С чего ты решила, будто я вру?

– Любая наивность имеет предел, как ты думаешь?

– Ты что– то знаешь обо мне, – усмехнулся я.

– Да так, кое– что. Ты всегда думаешь о чем–нибудь таком?

– Стоит мне перестать быть наивным, все говорят – стал умным.

Вдруг Наташа рассмеялась, а вслед за ней рассмеялся и я. Мы не могли остановиться.

– Если бы ты видел, – сквозь смех проговорила Наташа, – какое у тебя было лицо. Не смотри на меня так. Я ведь на твоей стороне.

"Она права, она опять права", подумал я.

В искренности ее тона можно было не сомневаться. Я почувствовал, что получил в руки определенную власть. И, хотя это было бессмысленно и ни к чему, мне это было приятно. Я захотел узнать все, что Наташа старалась скрыть от меня. Никогда не следует торопиться узнавать о всех недостатках женщины.

Желая быть откровенным, я все испортил. Убедить женщину в своей любви всегда проще, чем убедить самого себя. Я никогда не был хорош на столько, чтобы обо мне можно было мечтать. Очень важно считать себя красивым. Я о себе так не думал.

Я не спешил. Не всякую поспешность можно назвать разумной. Первый шаг Наташа оставила мне: помучайся.

– Неуверенность женщины в общении с женщиной может быть признаком любви, – сказала она. – Не стесняйся признаться, что хочешь меня.

– Не хочу спешить, – ответил я.

Моя торопливость могла выдать мою неопытность. Над мной не сложно посмеяться. Вряд ли в действительности я так же хорош, как пытаюсь представить себя.

С самого начала наших отношений инициатива во всем исходила от Наташи. Это она меня выбрала и добилась того, чтобы мы были вместе. Только влюбленная женщина может увидеть мужчину таким, каким хочет увидеть. Я уступал Наташе чаще, чем следовало. Мне нравилось быть счастливым. Рядом с любимой женщиной я не боялся выглядеть смешным. Что– то ведь может быть одновременно смешным и правильным.

Ощущение себя влюбленным не может не удивлять. Я очень жалею, что нельзя дважды влюбиться в одну и ту же женщину. Истинная любовь возможна. Наташа лучше других. Только слепой этого не заметит.

Понравиться мне не сложно. До Наташи я ни разу не встречал женщину, которая была бы способна думать две минуты подряд. Не могу не выдумывать женщину, которую хочу полюбить. Я обманываю себя сам.

К победе нужно быть готовым. Так же, как к поражению. Я

не хочу удерживаться от любви всю жизнь. Но когда не уверен, совсем не обязательно спешить. Мне кажется, я впервые начинаю жить по настоящему. Ни о чем не следует жалеть. Подходящий случай. Вот что я жду. Важно не растеряться в нужный момент.

В моем характере слишком много услужливости, желания угодить. Тут уж не собственного достоинства.

Я не умею быть счастливым без любви. Это может сказать о себе любой человек. Наташа – первое, о чем я вспоминаю, когда просыпаюсь. Мне просто нельзя иначе. Я уже и так потерял много времени, не зная, что Наташа существует на свете.

Не хочу научиться отказываться от своих желаний. Я всегда завидовал мужчинам, которые не боятся женщин. Трусость вынуждала меня быть осторожным.

Смотрел в лицо Наташи, но пока по нему ничего нельзя было прочесть. Пока еще нельзя.

Если я начинал говорить какие– то слова, то они казались мне глупыми. Пытался остановить себя. Но это мне не удалось. Слишком многое еще было неясно. Если бы я только так не нервничал.

– Никак не могу понять, кого ты боишься – меня или себя? – спросила Наташа.

– А это имеет значение?

– Нет. Ничто не имеет значения, пока ты здесь, со мной. Я – совсем как ты. Я тоже не умею пользоваться словами.

Я слушал ее и не отрывал глаз от ее губ. Мне до боли хотелось дотронуться до Наташи. Так просто протянуть руку и провести пальцами по щеке. Так просто.

Хотел говорить с металлом в голосе, но не вышло. Дурацкая получалась сцена. Хотелось бросить все и бежать. У меня внутри что-то сжалось и вырвалось наружу – совсем неожиданно – хохотом. Любовь не должна просить.

Наташа смотрела на меня чуть прищурившись. Я выдержал ее взгляд. Сделал вид, что ничего не понимаю. Неужели ее нужно уговаривать? Эта мысль ошеломила меня. Я молчал. Эта женщина заставляла меня думать только об одном. У меня не было сомнений в своих желаниях.

– Не смотри на меня так, – сказала Наташа.

– Я вовсе не об этом думал.

– А о чем ты думал? Не ври, пожалуйста. Не разочарывай меня. Неужели ты не можешь просто сказать, что хочешь меня?

– Почему мы всегда делаем то, что хочешь ты?

– Мне нравится, когда ты такой уступчивый.

Наташа смотрела на меня ласково и с каким-то нетерпением. Я это заметил. И старался поменьше смотреть в ее сторону. Прятался за свою недоверчивость.

Мы оба хотели, чтобы это наконец произошло. Ведь рано или поздно оно все равно должно было случиться. Иначе и быть не могло. Наташа покраснела. По моему я тоже. Мною овладело странное чувство. словно все происходит не со мной. Смотрел на себя как бы со стороны. Не мог отвести взгляд от ее губ.

– Иди ко мне, – сказала Наташа. – Я должна тебя кое-

чему научить.

Мне стало трудно дышать. Она сделала то, чего не мог сделать я. Склонилась ко мне так близко, чтобы наши губы встретились. Мне было необходимо ее желание. Наташа знала, что делать, как и когда.

Я возражал, но не очень уверенно, не зная, можно ли настаивать. Я уже не был убежден в необходимости своего равнодушия. Не хотел, чтобы мне удалось отомстить Наташе за свои прежние неудачи в любви.

– Ты правда не знаешь, что происходит? – спросила она. – Все еще не знаешь?

– Не нужно со мной так. Все нормально. Просто я еще не привык, – я боялся своей любви.

– Мне не нравятся люди, которых приходится долго уговаривать.

– Ты дразнишь меня.

– Чуть– чуть.

– Я должен тебе кое– что сказать.

– Говори. Это легко произнести вслух. То, что ты собираешься сказать. Не так ли?

– Знаешь, Наташа, я тебя люблю.

– Надеюсь, – засмеялась она, – не хватало только, чтобы ты не любил меня. Я ведь говорила, что делала много глупостей.

– Хотелось бы узнать, что это за глупости.

– Знаешь, мне казалось, это как бы долг женщины – не

слишком приглядываться, выбирая мужчин. Будто неясно? Я что девочка?

Я был так взволнован, что не мог даже разговаривать. Я завидовал ее уверенности.

Наташа резко рассмеялась. Она почесала колено как бы в раздумье. Колено было крепкое, крупное. Выставленное без стеснения напоказ. Мне оно понравилось. Я ощущал ее смущение и одновременно вызов. Было такое впечатление, будто она предостерегает меня от какой-то неизвестной мне ошибки.

Мне хотелось уткнуться головой в ее плечо. Я был ребенком, который не знает, что делает. Мне было не нужно при творство. Я не понимал, что остановило Наташу. Не хотел спрашивать себя о том, о чем меня не спросила она.

– Не надо, – сказала Наташа.

– Почему?

– Потому, что мне это нравится. Ты весь дрожишь. Какой ты нервный. В этом все дело. Прямо комок нервов.

Смотрел на нее и, словно не видел, сосредоточенный на своем желании. Мне следовало перестать сомневаться. Наташа не могла так искусно обманывать. Я боялся разочаровать себя.

– Что ты делаешь? – удивилась она.

– Не знаю.

– Осторожнее. Вдруг кто-то подумает, что ты не такой уж невинный, каким кажешься.

Несколько мгновений мы не отрываясь смотрели друг на друга. Внезапно Наташа улыбнулась и спросила:

– Ты тоже волнуешься, как и я?

Я старательно гнал от себя сомнения. Мои слова были честны. Но я сознавал, что это только слова. Для того, чтобы поверить Наташе, мне было необходимо поверить самому себе. Любой мужчина может порадовать себя обманом женщины.

– Вот видишь? – улыбнулась Наташа. – Все получается.

– Так и должно быть.

– Я рада, что ты меня не стесняешься. Ты очень нежен ко мне, ты очень нежен. Ты и представить себе не можешь, какая я сладкая.

Она говорила очень тихо, словно кто– то мог нас подслушивать. Смотрел на нее и не мог поверить в то, что слышал, в то же время чувствуя облегчение, как будто я давно знал, что это должно произойти и давно хотел этого. У Наташи был опыт, которого у меня не было. Я не мог спросить. Это как бы следовало знать.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Наташа.

– Взрослым.

– Я опасалась, что ты меня боишься. Нет смысла притворяться, верно? Ни тебе, ни мне. Просто мы оба давно этого хотели. Ты что, боишься?

– Я нервничаю.

– Что– то всегда бывает в первый раз, – Наташа учила ме-

ня. И находила чему учить. – ах, ты, бесстыдник мой маленький, сокровище мое, – едва слышно шептала она.

– Зачем это?

– Мне так нравится.

Голос у меня дрожал, но теперь уже не от страха. Поцеловал ее волосы. Подумал, это должно было случиться. Я хотел перестать сравнивать Наташу с другими женщинами.

Провел кончиком пальца по ее изогнувшимся в улыбке губам. Я как– то странно трепетал, дрожа всем телом, и вдруг понял – это из– за Наташи. Словно впервые ощутил, какое у меня плотное, сильное тело. Ее нетерпение вызвало во мне удивленный смешок. Именно этого я и хотел. Разве нет?

Вот те подробности, которые вспоминаются.

– Я люблю твоими чулками, – для меня происходящее было более неожиданно, чем для Наташи. – Просто глаз не могу оторвать.

– Ты осторожен.

– Я хочу видеть, какая ты. Вся, целиком, – я не сомневался, что она чувствует то же, что чувствовал я.

– И не пытайся сравнивать, глупый.

– Ты мне и такой нравишься. Не беспокойся.

– Каждая женщина боится своих желаний.

– Не знаю даже, что сказать.

– Побереги слова.

Наташа ничего не говорила, а, приблизив ко мне свое лицо, подставила губы. Мы поцеловались. Мое притворство

ничем не отличалось от ее искренности. Желание делает женщину доступнее. Она взяла мою голову обеими руками и коснулась губ своими губами, оказавшимися более нежными, чем я себе представлял. Женщина никогда не стремится остановить мужчину своим сопротивлением.

Я высунул язык. Наташа осторожно дотронулась до него мягкими теплыми губами и втянула в себя. Невозможно доверять женщине больше, чем доверяю я.

– Теперь ты знаешь, чего я хочу, – сказала она.

– Знаю ли?

– Искренность женщины всегда делает ее уязвимой для мужчины.

Она словно боялась прикоснуться ко мне. Я почувствовал себя увереннее. Я никогда не умел довольствоваться малым. Это очень сложно для меня.

– Я смогу? – я даже в мечтах не мог предположить, как это произойдет.

– Сможешь. Не бойся. Поцелуй меня еще. Крепко. Целуй сколько хочешь. Когда у тебя еще будет такой шанс? Ты знаешь, что упускаешь? Только необходимость притворяться лучше, чем она есть в действительности, заставляет женщину сопротивляться желаниям мужчины.

Я чувствовал ее губы у своего уха. Она сказала теплым выдохом:

– Да, сейчас. Ты очень напряжен. Я чувствую. Не нервничай. Всеу свое время. У меня нежные пальчики.

Я был так возбужден, что почти не слышал ее. Ощутил прикосновение пальцев Наташи. Наши руки вдруг стали липкими от пота. Мне не удавалось сомневаться в ее искренности. Ничто не удивляет в Наташе сильнее, чем проявление любви. Ее губы были теплые и мягкие. Для меня очень важна моя нежность.

Она вздрогнула, прильнула ко мне, как маленькая. Я умею быть желанным. Наташа позволяла мне соблазнять ее. Поцеловал ее в плечо. От шеи исходил тонкий запах духов. Я очень чувствительный на запахи. Женщина может свести с ума.

Я удивился – какая она маленькая в моих объятиях. Это было моим заблуждением, впрочем, не первым и не последним.

– Что ты во мне нашел? – спросила Наташа.

– Я нахожу в тебе все, что только могу пожелать.

– Ты очень нежный мальчик. Представляю, что ты чувствуешь. Ты еще не умеешь целовать. Я тебя научу. Это надо уметь, маленький. Надо долго учиться.

– А я хотел всего и сразу.

– Тебе пора стать мужчиной.

Я не смотрел на нее. В ней было нечего разглядывать.

– Попробуй меня, – она издевалась. – Не бойся показаться неловким. Я хочу почувствовать твою силу.

Не надо удивляться тому, что рядом с ней я выглядел смешным.

– Малыш, ты останешься доволен. Я хочу знать, почему ты медлишь.

Ее пугающее «да». Мужчиной не становятся иначе.

– Ты испугался. Глупый. Совсем не этого следует бояться. Ты говоришь мне «да». Ты смотришь мне в глаза. Не важно, что произойдет дальше.

Я не мог ее удивить.

– Ты уже не маленький. Сам знаешь, что делаешь.

– Вот именно.

– Какой ты нетерпеливый. Какой ты жадный. Какой ты хорошенький. Мальчик. Ты просто мальчик. Успокойся, не волнуйся ни о чем. Поверь, тебе совсем– совсем не о чем беспокоиться.

Глаза у Наташи были огромные и еще как бы расширялись с каждым словом. Мне казалось, она понимала меня. Каждая женщина стремится упростить чувства мужчины.

Я не знал, что мне делать дальше. «Не будь дураком, только не будь дураком», просил я себя. «Не упускай свой шанс». Мне нравится усложнять свою жизнь любовью.

Наташа рассматривала меня с ног до головы и делала это очень непринужденно.

– Тебе так нравится? – спросила она.

– Да, – мне следовало выдумать свою уверенность. Руки у меня дрожали, но я уже решил отдаться воле случая.

– Я рада. Сюда, миленький. Господи, мальчик. Я лишь хотела тебе помочь. Ты не должен быть осторожен. Позволь те-

ду все решить за тебя. Не скрывай от меня свои желания. Позабавься. Меня сложно смутить.

Я не понимал того, что делал. Невозможно вести себя более глупо.

– Ты мне смущающийся не нужен, – Наташа делала со мной, что хотела.

Я не мог говорить. Закрыв глаза. Не хотел ничего видеть. Мне казалось достаточным, что я чувствовал. Я должен был захотеть сказать о любви. Слова всегда необходимы. Но мне не нужно было ничего говорить. Вообще перестал думать.

– Не спеши, – проговорила Наташа. – Мне не нравится, как ведут себя мужчины, когда они опаздывают.

Я хотел продолжать. Мужчина должен делать все, что от него ожидает женщина. У меня не богатое воображение. Помню себя только жадным.

– Быстрее, – попросила она. – Ах, еще быстрее.

Желание угодить Наташе не кажется мне глупым. Мне нравится быть желанным. Никогда не стану мечтать о чем-то ином. Слова благодарности не казались мне лишними. Я себе никогда прежде так сильно не нравился. Моя радость требовала слов.

Мне нравится ощущать свою молодость. Я пользуюсь успехом у женщин.

Больше я не двигался, как будто и не замечал, что она делала.

– Теперь ты успокоился? – спросила Наташа.

– Да, я теперь успокоился. Ты довольна?

– Ну, конечно. Конечно, я довольна.

– Ничего подобного я еще не ощущал.

– Не хочется даже шевелиться. Я жадная. Во мне плохого больше, чем хорошего. – Она взяла мою нижнюю губу большим пальцем и указательным и слегка ущипнула ее. – Ах, ты, лакомка. У тебя красивый рот. Вот ты своего и добился.

Мне нравилось чувствовать свое превосходство. Вдруг все стало другим. Я ощутил, что могу дышать, могу думать, могу говорить.

– Никогда не оставляй меня, – попросила Наташа.

– Не оставлю. Никогда тебя не оставлю.

– Желаемое выдаешь за действительное. Ты не шутишь?

Это серьезно?

– Я никогда не был серьезнее, чем сейчас.

– Не смейся.

Смеяться? Никогда в жизни у меня не было меньшего желания смеяться. Я смотрел на Наташу, не понимая ее слов да и не интересуясь ими.

– Тебе хорошо? – я позволял себе быть нежным.

– А ты сомневаешься?

– Я думаю, нам нравится одно и то же.

– кажется, да. Ты очень хороший. Я хочу сказать – хорошо себя ведешь.

– Тебе правда нравится? Правда?

Она посмотрела на меня, чуть улыбнулась и кивнула.

- Наверное, ты чувствуешь себя настоящим мужчиной?
- Это ирония? – я не поверил искренности ее удивления.
- Легко доставить удовольствие, а?
- Кому? Мне?

– Мужчинам. Пришлось обо всем позаботиться самой. Как, по– твоему, не плохо? Не надо ничего объяснять. Я знаю правду. Глупый. Мужчина может жить только желани-ями.

Я думал, как она. Наташа смотрела на меня. Без улыбки. Даже влюбленной женщине нравится злить любимого муж-чину.

– Я достаточно взрослый, – я хотел ощущать себя счаст-ливым.

– Я в этом не слишком– то уверена. Тебе всего шестна-дцать. За тобой нужен глаз да глаз, не то может случиться беда.

Наташа оперлась о локоть и водила пальцем по моему ли-цу, очерчивая его профиль. Она казалась задумчивой. И за-думчивым был ее голос, когда она сказала:

– Женщина, которой удалось убедить себя, что она лю-бима часто бывает более счастлива, чем женщина, которую действительно любят. Чему ты улыбаешься?

– Тебе.

– Доволен сам собою, да? В следующий раз тебе больше понравится.

– Теперь я здесь главный, – сомнения были не нужны нам

обоим.

– Я знала, что этим кончится, когда ты своего добьешься. Но это на тебя не похоже.

– Я сам не знаю, что на меня похоже, а что – нет, – я хотел быть искренним.

– Мужчины не умеют благодарить за любовь. Ты мне все еще ничего не сказал. Я любопытна, как все женщины.

– Ты знаешь меня лучше всех. Знаешь обо мне все, – я старался понять, что Наташа еще ждет от меня.

– Ты даже себе не представляешь, кто ты. Обними меня. Ничего не делай. Только обними.

– Ты счастлива? – странно, что я спросил об этом. Не все ли теперь стало равно. Я почувствовал себя обманщиком, произнося эти слова.

– Абсолютно. Ты сладкий мальчик. Поговори со мной еще немножко, – чуть слышно попросила она.

– Открой глаза.

Наташа только пожала плечами, как будто хотела сказать, что это не имеет значения.

Она любит меня. Эта мысль появлялась в мозгу, возникая снова и снова, как навязчивая рекламная фраза, которую невозможно выкинуть из головы.

Я должен был быть счастлив. Мне это удастся.

Наташа прижалась ко мне, обвила мою шею руками и уткнулась в плечо, впервые выражая покорность, женскую покорность. Мне хотелось, чтобы она почувствовала мою си-

ду. Меня привлекает возможность стать сильным.

Моей первой женщиной оказалась та, которая стала моей первой любовью.

Я вспомнил старинную китайскую поговорку: «Будь осторожен в своих желаниях. Ты можешь получить то, что хочешь».

За любовь надо платить. Все расплачиваются за любовь. Любить – значит отдавать. Так и случилось – а, может быть, и нет. Я не всегда такой, каким хочу казаться.

Каждый человек может почувствовать желание любви. Глупо мечтать о другом.

Глупо. Глупо. Глупо.

Не следует быть искренним больше, чем необходимо. Чувствую, что хочу изобразить себя не таким, какой есть. Ни один человек не может быть совершенен.

Наташа смотрела на меня. Я ей улыбался. Мне было легко с ней.

– Как поживаешь? – спросила она.

– Прекрасно. Но я тут не при чем.

– Нет, – подтвердила, глядя на меня.

– Ты меня в этом упрекаешь?

– Нет, завидую. Ты не притворяешься, что любишь меня?

– Ты думаешь, все можно превратить в шутку?

– Мне не нравится, как ты это произнес. Не будь таким самодовольным. Ты думаешь, что я не могла сказать «нет»?

Я посмотрел на себя, как бы со стороны и увидел, что стал совсем другим, почти незнакомым мне человеком. «Прекрати», сказал я себе. «Не может она подразумевать то, что мне показалось». Любовь Наташи сделала меня самоуверенным. Выдумывал себя для нее. Я очень нравился себе.

Я ощущал ее хрупкость и уязвимость. Искренность женщины убедительнее искренности мужчины. Ей требовались слова. Впрочем, как и мне. Я был тем, кем Наташа хотела меня видеть. Притворство убеждает. Обманывая, я никогда

не чувствовал себя обманщиком. Я мог сказать о любви более убедительно.

– Не смей меня, – попросила Наташа.

– Я всего лишь говорю правду.

– Нет не говоришь. Не будь наивным.

– Просто я оптимист, – я старался воспользоваться всеми выгодами своего положения.

Кто знает? Может быть, это и есть любовь? Я не могу думать ни о какой другой женщине. Из моих желаний исчезла противоречивость. Нет человека счастливее меня. Знаю, что это невозможно.

Наташа считает хитростью слова, в которых я всегда искренен. Любить – значит уступать. Мужчины менее расчетливы, чем женщины.

– Ты еще мальчик.

– Нет.

– Ты просто красивый мальчик. Стремясь понравиться любимому мужчине, женщина забывает о необходимости нравиться самой себе. Просто, наверное, это как раз то, чего мне не хватало.

Наташа притягивает своей необъяснимостью. Не понимаю, чем она нравится. Любовь вытеснила из меня чувство недовольства людьми.

– Не принимай такой озабоченный вид, милый, – сказала Наташа. – Влюбленная женщина всегда может принять глупость мужчины за оригинальный мужской ум.

– Тебе скучно со мной?

– Если б мне было скучно с тобой, я бы с тобой рассталась. Ты несколько наивный, но совсем не скучный. С тобой я чувствую себя все моложе. Я люблю тебя. Ты должен мне верить.

– Хорошо, я верю.

– Только доверяя притворству мужчины, женщина может ощутить себя счастливой. Что с тобой?

– Ничего.

– Перестань, не глуми. Не сердись на меня. Когда я обманываю, я знаю, что обманываю. А ты обманываешь и хочешь себя убедить, что говоришь правду.

Я подумал: «Значит, это называется – любить». Мои признания удивляли меня, но оказывались естественны для нее. Наташа хочет верить, что нужна мне. Я тоже хочу этому верить. Мое счастье не может быть другим. Я старался быть понятен любимой женщине, но меня раздражало ее превосходство. Она не могла знать обо мне все. Для того, чтобы узнать человека, нужно время.

Не могу привыкнуть к тому, что стал любим. Нужно стараться не завидовать. Мне нравилось разоблачать притворство Наташи. Я мог бы нравиться женщинам больше, если бы был глупее.

– Пока ты меня любишь, – сказала она. – Что будет дальше – увидим. Хотеть от мужчин многого – глупость. Не сердись пожалуйста.

– Я вообще никогда не сержусь. Ни на кого. Не имеет смысла.

– Хотела бы я иметь твою уверенность.

Очень сложно быть не хуже своих представлений о себе. Я боялся испортить все случайной ошибкой. Никто не может избежать ошибок. Очень стараюсь выиграть и не должен выбирать средства. Выиграть хочет каждый. Незачем делать тайну из очевидного. Мне нравится выигрывать за счет любимой женщины. Я должен был признаться в этом себе.

– Не умею я разговаривать с детьми, – сказала Наташа. – А ты всегда рассуждаешь, как ребенок.

– Знаю.

– И ты доволен этим?

– Доволен.

– Иногда слова могут только мешать. Слов не должно быть много. Попробуй относиться к себе снисходительнее. Все же так делают.

– Тебе скучно?

– Что ты. Почему?

– Я все время боюсь, что тебе скучно.

– Но почему?

– Потому что с того времени, как я познакомился с тобой, мне не бывает скучно.

– Я рада, что тебя выбрала. Рада. Очень рада. Мы встретились, и это уже хорошо.

– Хорошо.

– Ах ты, малыш. Иногда мне кажется, что я тебя выдумала.

Ее темные глаза смотрели на меня безо всякой иронии. Взгляд был внимательным и нежным. Я ощущал себя счастливым.

Теперь я понимаю, что моя первая женщина не могла быть другой. Наташа – само желание искренности.

Прежде я всегда был более осторожен, чем откровенен. Теперь скрытность мне не нужна. Я говорил то, что мне хотелось сказать. Я нуждаюсь в понимании.

– Я совсем забыла, – сказала она.

– Что ты забыла?

– Что мне тоже может быть хорошо, – Наташа смотрела на меня, гладила по голове, трепала волосы и улыбалась задумчиво и нежно. А может быть, пронизательно? – Нет настроения, тихоня? Я подозревала.

– Что ты подозревала?

– Какой ты недогадливый. Мужчина, который не старается скрыть свои чувства, всегда интересен женщине.

Я подумал: «Она говорит о себе – женщина. И думает, что похожа на других» .

«Смешно», твердил я себе. Но ее напряженный взгляд, казалось, старался разубедить меня в чем– то. По ее глазам я увидел и понял, что глупыми были не мои поступки, а мои сомнения. Я не хотел, чтобы мне удалось убедить Наташу в своей глупости. Женщина всегда лишь позволяет мужчине

любить ее.

Наташа взяла меня за уши и осторожно, серьезно и бережно притянула к себе и поцеловала.

Без слов мы стояли друг перед другом. Без слов знали друг о друге все. Слова были лишними. Женщина обязана уступить мужчине. Я был ей необходим. Знал, что должен делать, но мне не удавалось пошевелиться.

Наташа сказала: «Я люблю тебя» настолько тихо, что я угадал это лишь по движению ее губ. Я все смотрел на нее, словно хотел увидеть ее насквозь.

Я ни о чем не думал. Не было необходимости думать. Лишь чувствовал любовь, простую, обычную любовь. Я умею быть смешным.

Сказал себе: «Любовь оправдывает все».

Я не мог ждать долго. Не хотел. Я молод и не глуп. Появилась возможность воспользоваться женской слабостью. В чем еще мужской ум более изобретателен? Мне надоело быть нелюбимым.

Самое сложное было уже в прошлом. Мне нравится готовность Наташи не обращать внимания на мои недостатки. Я не умею скрывать от женщины то, что следует скрывать. Я не могу думать ни о чем, кроме любви. Быть честным перед собой не сложно. Ожидание любви научило меня быть искренним.

Желание любви мучительно, если не реагировать на него. Я хотел быть неожиданным для Наташи. Мне не нравятся женщины, которые стремятся разоблачить мое притворство.

Я рассмеялся. Она тоже. Мне было все трудней смотреть на нее. Не в первый раз пытался обмануть себя рядом с женщиной.

Я разглядывал ее нос, глаза, губы. Оправдывал свою медлительность. Боялся испортить произведенное впечатление излишней откровенностью. Признаваться в трусости неприятно.

Ничего не помогало. Наташа словно притягивала мой взгляд. Я по-прежнему казался себе неловким.

Наташа смотрела на меня молча. И я не смог бы сказать, о чем она думала. Она смотрела на меня непроницаемым взглядом, не выражавшим ни «да», ни «нет».

«Вот, значит, оно как », подумал я.

– Ты решил, что используешь меня, – сказала Наташа. – Но ты ошибся.

– Возможно, – мне нравилось унижаться перед любимой женщиной.

– Ты очень глупый. Все приходится тебе объяснять. Только голодный мужчина может быть уступчив. Расскажи, что ты ждешь от меня. Чего же ты хочешь?

– Еще сам не знаю.

– Я почему – то тебе верю. Попробайся сказать, что ты чувствуешь. Женщина сопротивляется совсем не потому, что хочет отказать мужчине.

Иногда кокетство Наташи может только злить. Я понял ее с полуслова, но притворялся, что не понимаю. Мне нужна была короткая передышка. По – моему, ждать – это естественно. Человек всегда чего – то ждет. Никто из нас никуда не спешил. Мы оба знали, что это игра.

В глазах Наташи появились бесовские искорки, и они смущали меня. Она как будто знала что – то, чего не знал я. Да так, собственно, оно и было.

Я не хотел сопротивляться возникающему желанию. Уже не мог притворяться. Ее доступность соблазняла меня сильнее недоступности.

– Ты думаешь, что я ничего не замечаю? – спросила Наташа.

– О чем это ты?

– О том, что ты раздеваешь меня. Желание мужчины быть искренним с женщиной, всегда делает его смешным.

– Рядом с тобой я не хочу быть смешным.

– Прости.

– Не говори только, что тебе самой не хочется, – я не мог не быть нежным.

– Нет настроения.

– Это у тебя – то нет настроения? Да ты всегда только об этом и думаешь, – я нарочно так сказал, чтобы поддразнить Наташу.

– Мужчины всегда себя переоценивают. Ты даже не задумываешься, что могу чувствовать я.

– Мне кажется, то же самое, что происходит и со мной.

– Тебе не кажется. Ты знаешь.

Наташа смотрела на меня в упор, словно стараясь заставить что– то сказать, что– то сделать. Мне нравилась легкость, с которой я во всем соглашался с ней.

Стал целовать ее в губы, в глаза и все мое прежнее унижение исчезло. Каждый мужчина старается убедить женщину в том, в чем не может убедить себя.

Мои пальцы казались мне неумелыми. Я боялся причинить боль. Наташа опустила свободную руку, показала моей руке, что делать. В моих желаниях было много неожиданно-

го и для меня самого. Я оказался очень любопытен. Был уверен в ценности того, что могу предложить Наташе.

– Тебе так приятно? – спросил я.

– Дурачок. Я люблю твои руки. Обними меня.

Мужчина и женщина всегда хорошо знают, что им необходимо друг от друга. Мне казалось вполне естественным, что мы вот так запросто говорим с ней об этом. Мне нравилось рассказывать Наташе о своих тайных желаниях. Это было проявлением любви. Я не сомневался. Когда сомневаешься – это уже что– то другое.

Я узнавал свои желания. Это был повод для радости. В любви важна настойчивость. Я никогда не ценил того, что доставалось мне легко.

– Твоей нежности ко мне хватило бы на нескольких женщин, – прошептала Наташа.

– Рядом с тобой мои силы становятся безграничны.

– Не следует отказывать себе в удовольствии. Я знаю все твои мысли.

– Откуда ты знаешь, о чем я думаю?

– Я это чувствую. Не бойся получить слишком много удовольствия.

Я открыл рот и сказал совсем не то, что хотел сказать:

– Тебе так нравится?

– Да. А– а. Хорошо, – она тихо застонала. – Что ты хочешь этим доказать? Рядом с тобой я начинаю замечать свой возраст.

Показалось или на самом деле в голосе Наташи было удивление, хотя с чего ему быть?

Я следил за ее движениями, а она так же рассматривала меня.

– Не дави на меня, – попросила Наташа.

– Я не давлю.

– Давишь. Это невыносимо.

Что я при этом чувствовал? Я был счастлив.

Я любил женщину. Узнавал много нового о себе.

На самом деле все произошло очень быстро.

Наташа была тяжелая, вялая и теплая. Непредсказуемого в ней оказалось меньше, чем во мне. Я могу доверять только той женщине, которую чувствую.

– Ты такая вкусная, – мне очень хотелось это сказать.

– Как это?

– Ты сладкая.

– Повтори. Мне необходимо, чтобы ты повторил. Я хочу знать, что ты сказал это не случайно.

Наташа делала меня нежным. Я этим воспользовался. Я был уверен, что интересен. Мне нравится гордиться собой. Нужно перестать оглядываться по сторонам. Самые важные решения всегда обдумываются недолго.

Старался объяснить себя Наташе со всей доступной мне правдивостью. Необязательно тратить время на осторожный слова. Никогда не забываю о своих желаниях.

Уткнувшись лицом в ложбинку между ее теплых, упругих

грудей, я прижал их к вискам и сказал:

– Мои.

– Господи. Ты еще такой ребенок. Все нормально. Я здесь. Я с тобой.

– Я правильно сделал? – я ждал, когда она подтвердит мою правоту.

– У тебя все получается легко. Ты рад?

– Да.

– Я тоже. Ты меня портишь. Не каждая женщина может позволить себе радоваться своим желаниям.

Я могу быть искренним. Мне это очень нравится. Люблю быть нежным. Прежде у меня не было такой возможности.

Прижав Наташу к своему влажному телу, я спросил:

– Хочешь быть моей женщиной?

– Да, – ответила она. – Да. Да. Да.

Я смотрел на нее, все еще сомневаясь. Но у Наташи были такие искренние, любящие глаза, что им нельзя было не поверить.

Она прижалась щекой к моей руке и спросила:

– Ты на меня больше не сердишься?

– За что я на тебя должен сердиться?

– Ты как избалованный ребенок. Какой ты независимый.

– Я – да.

– Я хочу, чтобы ты оставался таким, какой есть. Правду говоря, я люблю, когда ты такой, как стена.

– Помолчи.

– Любовь с первого взгляда, что это значит?

Она резко повернулась на спину и устремила взгляд в потолок.

Мне казалось, что я рассуждаю очень разумно, но не получалось избавиться от ощущения, что моя рассудительность глупа. Стараюсь скрывать правду о себе от женщин. Если мои обещания оказываются реальностью, это всегда неожиданность для меня. Я не мог полюбить никого, кроме Наташи.

– Никак не могу поверить, что ты моя, – очень легко противоречить самому себе.

– Соглашаясь с мужчиной, женщина теряет очень много в своей привлекательности.

В любви невозможно быть оригинальным.

Я улыбнулся. Так легко вдруг стало, так хорошо. Захотелось смеяться. Мужчины выдумывают себя так же старательно, как и женщины. Мои чувства к Наташе не могут не удивлять. Когда я рядом с ней, мне не о чем не нужно думать.

– Ты чему смеешься?

– Я доволен.

– Скажи еще раз. Повтори. Скажи, что ты доволен. Сладкий. Рядом с тобой я не хочу скрывать от себя свои желания. Очень часто женщины боятся своей естественности. Я стараюсь не говорить себе «нет». Я – сука. Без мужика жизнь теряет для меня смысл. Я не хочу отказывать себе.

Уже совсем другой я смотрел на совсем другую Наташу.

Ни один человек не бывает таким, каким я его знаю.

– Слишком много болтаю? – спросила она.

– Да нет, – ответил я. – Нет.

– Поговори со мной. Интересно, для кого я тебя всему этому учу?

Внезапно Наташа показалась мне усталой, даже постаревшей. Обнял ее и прижался губами к ее губам. Мне нравилось замечать в ней то, что она старалась скрыть от себя.

– О чем ты думаешь? – спросила просто, чтобы удовлетворить свое женской любопытство.

– О тебе. Всегда только о тебе.

– Не нужно стыдиться своих мыслей. Ты дал мне возможность проявить мой эгоизм до конца. Только мужчина может сделать женщину счастливой.

Разве я должен был убеждать себя в ее любви? Воображение позволяет видеть в жизни то, чего в ней никогда не было. Меня не насторожила возможность притворства Наташи. Я поверил любви быстрее, чем она.

Мы смотрели друг другу в глаза и улыбались. Я чувствовал, что она меня понимает. Мужчина всегда ждет слов восхищения от женщины.

– Я вижу только одно, – сказала Наташа.

– Что именно?

– Что ты гораздо умнее, чем хочешь казаться.

Вдруг подумал, что она со мной шутит. Я позволил своим глазам закрыться, словно не хотел замечать происходящее.

– Мне нравится целовать мужчину, который спит, – прошептала Наташа.

– Ты меня понимаешь? – я хотел быть интересен женщине. – Скажи, что ты меня понимаешь.

– Глупый. Слова не нужны. Ничего не говори. Не сейчас.

– Скажи, что происходит?

– Происходит всего лишь то, чего ты добивался. Каждому мужчине нравится обманывать женщину.

– Ну что ж, с тобой к чему хочешь можно привыкнуть.

Голос у меня дрожал, когда я это сказал, у меня появилось такое чувство, будто я скинул с себя огромную тяжесть. Чтобы убедить Наташу, мне следовало перестать сомневаться самому.

Она обхватила мою голову ладонями, заглянула в глаза, словно пытаюсь понять, говорю я серьезно или шучу. Больше не значит лучше, сомневался я. Осторожность не может помешать. Не каждая женщина способна оценить мужской ум.

Мне уже не кажется, что я чувствую любовь впервые. Эта мысль неожиданна.

Наташа ничего обо мне не знает. Сколько времени необходимо женщине, чтобы понять меня?

Я искал любовь, зная, что такое чувство не существует. Но невозможно отказаться от мечты, даже понимая, что мечта – обман.

Помню все свои неудачи. Стараюсь не повторять их. Мне не всегда удавалось скрывать страх перед женщиной. Я никогда не видел себя в роли завоевателя. Во мне ничего не изменилось с того времени. Абсолютно нечего. Кто не может стать любимым, старается стать влюбленным.

Никогда прежде я любви не чувствовал. Подозревать себя в неискренности сейчас не хочется. Боюсь обнаружить перед Наташей свое желание понравиться ей.

Не могу привыкнуть к Наташе. Что– то мешает мне быть довольным собой. Чувства человека всегда умнее его ума.

Наши отношения слишком хороши, чтобы быть правдой. Но я не хочу в них сомневаться. Я искал любовь и нашел. Я не думаю иначе. Наташа примирила меня с самим собой.

Я хотел быть любимым или быть понятным – что одно и то же.

– Хочешь поговорить? – спросила Наташа.

– Только если ты не против.

– Ничуть. Ты еще совсем мальчик.

– Почему?

– Боишься услышать слово «нет».

– Не поверишь, ты словно угадала мои мысли.

Женщины лучше мужчин умеют говорить «нет».

Я завишу от Наташи. Мне это нравится. Не следует уступать своим желаниям во всем. Но я перестал сомневаться очень быстро. Позволил женщине увлечь себя. Наивность не украшает. Но когда любишь, трудно представить, что от любви можно избавиться.

– Я, наверное, заняла чужое место рядом с тобой, – сказала Наташа.

– Мне нравится, что ты – это ты.

– Если хочешь сказать о любви, не следует медлить. Как ты стараешься быть нежным со мной. Спасибо, солнышко. Ни одна женщина не может ощутить себя счастливой, думая о чем– то другом, кроме своего умения понравиться мужчине.

Улыбнулся ей в ответ, словно я – зеркало. Я был счастлив.

– Тебе нужно, чтобы я говорила, что люблю тебя? – спросила она.

– Нет.

– А мне нужно. Я забыла главное. Не сказала тебе самого главного. С женщиной нельзя быть одинаковым.

Я улыбнулся, потому что ожидал от нее именно таких слов. Кто знает, почему женщины так болтливы.

Запустил пальцы в ее тяжелые красивые волосы.

– Ты меня растреплешь. Я сто лет потратила на то, чтобы

причесаться.

– Мне необходима хоть чуточку понять, почему ты так счастлива.

– Какой смысл пытаться все понять? В жизни есть вещи, которые понять невозможно. Говори со мной. Говори. Опять и опять. Об одном и том же.

– Моя любовь – это ты, – я никогда не позволял иллюзиям увлечь себя.

– Иди сюда, мальчик. Ты, наверное, все выдумываешь. Наивных мужчин больше, чем наивных женщин.

В моих словах не было ничего, кроме желания любви. Я не хотел сопротивляться нежности. Чтобы быть искренним, надо иметь, что сказать. Я говорил о чувствах, в которых хотел быть уверен. Мне следует перестать сомневаться.

Наташа взяла мое лицо руками и поцеловала в губы.

– Ты очень глупый, – сказала она. – Мне нравится быть снисходительной.

– Мне этого недостаточно.

– А думаешь мне достаточно? Я просто не понимаю, что со мной происходит. Никогда такой не была. О чем ты думаешь?

– Я думаю, – я просто смотрел на нее, и в голове у меня не было никаких мыслей.

О желаниях не следует рассказывать. Любви может быть достаточно для счастья. Я понимаю, что мои объяснения неубедительны. Только Наташа объясняла то, что я не мог

объяснить себе сам. Быть счастливым без любви невозможно.

– Зачем ты все усложняешь? – у Наташи была смешная привычка склонять голову на бок.

Любовь сделала все наши разговоры похожими. Я говорил глупости, но молчать было еще ужаснее. Ни одна женщина не поверит любви, если не может ощутить ее сама.

– Не прерывай меня, – сказала Наташа. – Вечно ты меня прерываешь.

– Вот как? Вечно тебя прерываю?

– Всегда прерываешь. Ты ошибаешься. Зачем ты меня выдумываешь?

«Еще один ничего не доказывающий факт», подумал я. Во мне много противоречивых желаний.

– Никто не смешит женщину больше, чем влюбленный в нее мужчина, – объясняла она.

– Тебе весело?

– Очень. А тебе?

– Когда я слышу твой смех, тоже.

Ни одна женщина не может выдумать свой ум. Рядом с Наташей я избавлялся от лишнего в себе.

– Ты очень внимателен, – сказала она.

– Ты смеешься надо мной. Лицо у тебя серьезное, но я знаю – ты смеешься, – а, может быть, Наташа не притворялась?

– Ты угадал. Ты не обиделся? Мужчинам не нравится, ко-

гда ими пренебрегают.

Если бы я был старше, я бы знал, как поступить. Наташа видела меня насквозь и это пугало. Разве осторожность это глупость? Она не ошибалась. Никто не боится сказать мне правду в лицо. Никто не боится обидеть. Я никогда не подам вида, что обижен. Я всегда умел уговорить себя. Одно это и умел. Я справлялся с собой шутя.

– Ты сердишься на меня? – спросила Наташа.

– А почему я должен на тебя сердиться?

– Для каждой женщины важнее уметь пользоваться своей привлекательностью, чем быть действительно привлекательной. Разве ты мог бы полюбить меня, если бы я не была такой, какой я хочу, и не поступала бы так, как хочу.

Словам любви можно поверить, только когда их говорит любимая женщина. Я не нахожу в себе других чувств к Наташе. Мне не удастся не хвастаться. Любовь разоблачает ложь человека.

– Наверно, я кажусь тебе старше, чем есть на самом деле, – предположила она.

– Обманывать тебя – все равно, что обманывать себя, – я хотел любить, не сомневаясь.

– Ну разве ты не прелесть.

– Скажи мне откровенно. Ты думаешь также, как я? – с Наташей было сложно спорить. Каждый мужчина знает о беспомощности своего ума перед чувствами женщины.

Она улыбнулась и не ответила. Она знала, что может поз-

волить себе не отвечать на мои вопросы. Только погладила меня по щеке, потом сжала мое лицо ладонями и сказала:

– Какие у тебя красивые глаза.

Мне казалось, что это я сам говорю.

Наташа положила руку мне на плечо, да так и оставила, словно забыла, что хотела сделать.

Спустя минуту она продолжила, почти нежно:

– Ты удивительный мальчик.

Каждый мужчина ждет, чтобы влюбленная женщина подтвердила все, что ему известно о своих достоинствах. Наташа знает, что я получаю от наших отношений больше, чем она. Я ничего не умею. Я выдуман своим желанием понравиться женщине.

Я повторялся, восхищаясь ее красотой. Как все в жизни – повторяется.

– Мужчина радуется женщине только тогда, когда хочет порадоваться сам, – сказала Наташа.

– Я просто не могу забыть о желании быть счастливым.

– Получай удовольствие – пусть все идет само собой.

Сколько любовь может длиться?

– Годы.

– Я каждый раз задаю себе этот вопрос.

Наташа должна понять то, что уже понял я. Женщина всегда преувеличивает свои слабости. Меня обрадовали ее слова. «Она не привыкла обманывать», подумал я. «Она никогда не совершала поступки, за которые приходилось бы крас-

неть». Наташа казалась мне слабой и беззащитной. Ее уступчивость была естественнее моей.

Я верю, что наша любовь будет всегда. Это не кажется мне невозможным. Любовь очень сложно объяснить. Чувствую, что у меня это получается. Только рядом с Наташей я понял, что прежде всегда был одинок. Не следует напоминать себе о прошлом часто.

Моя жизнь всегда была только поиском любви. Подтвердить это очень легко. Я спешу подтвердить.

Мне нравилось ощущать свою нежность. Я очень чувствителен. Рядом с красивой женщиной я перестаю доверять своему благоразумию. Нужно знать себя. Я – жадный.

Я чувствовал себя сильным, очень сильным. Только желание может рассказать о человеке то, что он не хочет знать о самом себе. Мне нравилось подчинять Наташу.

– Я тебя не слишком разочаровываю? – спросила она.

– Меня? Разочаровываешь? Разве я выгляжу разочарованным?

– Ни одна женщина не может всегда быть уверена в своей привлекательности.

Она не сводила с меня своих больших глаз, в которых не всегда можно было что–то прочесть. Почему она была уверена, что я могу сомневаться бесконечно долго?

– Что я не так делаю? – спросила Наташа.

– Не знаю, что ты не так делаешь.

– Сомневающийся в себе мужчина может только разочаровать. Всегда сложно догадаться, что человек хочет в действительности.

– Я сказал тебе что–нибудь, чего ты не знаешь?

– Я хотела заставить тебя просить о любви. Мне нравится унижать мужчин.

Я ее не просил. Не умею просить о любви.

Я радовался вчера. В жизни приходится очень долго ждать, чтобы повторилось что-то хорошее. Мне следует забыть о своей самоуверенности.

Взглянул на Наташу, чтобы понять, не смеется ли она надо мной. Но она смотрела на меня с любовью. Иногда я позволяю себе удовольствие притворяться, чтобы добиться своего или пожалеть себя.

– Тебе не кажется, что с нами все происходит во сне? – сомневалась Наташа.

– И ты думаешь, что мы в конце концов проснемся?

– Ты опасный человек, – женщине невозможно понравиться только лестью. – Я так счастлива. До смешного счастлива.

– Я тоже, – мне никогда не удавалось быть безразличным к себе.

– Тебе повезло больше, чем другим. Я надеюсь, ты это понимаешь? Ты можешь убедить меня, только когда это мне необходимо.

Я подумал, что никогда не привыкну к ней, а значит, никогда не разлюблю. Я хотел быть нужным ей больше, чем она была необходима мне.

– Мужчина может лишь притвориться понимающим женщину, – объясняла Наташа.

– Иногда я действительно ощущаю недостаток опыта.

– Глупый. Совсем неумный. Вот смотрю в удивительные

глаза, а в них ничего нет. Совершенно нет опыта. Кажется, я тебя понимаю. Но как грустно, что тебя не понимают другие. Тебя обязательно обманут. И посмеются. Людям лишь бы посмеяться.

Она говорила спокойно и долго. Может быть, не совсем то, что думала, а скорее то, чего я ждал и желал. Но слушать ее было радостно.

– Я хочу быть ласкова с тобой, – она меня понимала. – Никогда прежде я не была искренна с мужчиной.

– Значит, ты все–таки немножко любишь меня, – мне хотелось порадовать себя, поверив Наташе хотя бы ненадолго.

– Я люблю тебя. Это очень серьезно.

– Разве обязательно всегда надо мной смеяться? Хоть сегодня не смейся, – я хотел чувствовать себя любимым.

– Нет настроения, детка? Почему ты иногда становишься таким занудой? Я убеждена, что в твоей жизни есть что–то такое, что тебе надо бы мне рассказать. Ты – не случайность в моей жизни.

Мне тоже так казалось. Очень хотелось, чтобы было именно так. Любовь – это когда хочется быть рядом с любимой. Мне стало легче, когда я понял это.

– Мне нужен ты, – призналась Наташа. – Только ты один и нужен. Ты – моя радость.

После таких слов начинаешь верить во что–то. Вроде как лишь их и ждал всю жизнь.

– Ты – мое счастье, – продолжала она. – Жизнь не пред-

ложит мне ничего лучше.

Мне показалось, что она старается уговорить себя.

– До встречи с тобой у меня появилось ощущение, что жизнь прошла. Я невольно ловила себя на удивлении: как, и это все? И это все, что может предложить жизнь? Узнав все, приходится лишь доживать. Нет новизны, нет открытий. Неловко продолжать в таком состоянии. Думаешь о том, как перестанет многого хотеться. Уже перестает. Не осознаешься в этом даже себе. Перестать мечтать. Не жить иллюзиями. Иногда становится действительно плохо.

Наташа удивила и обрадовала меня. Ее рассказ о себе не мог быть случайным. Ни один человек не может сопротивляться любви. Любви не бывает – сказал мне кто– то однажды.

Наташа спешила подтвердить все, что я от нее ожидал. Такой я представлял ее себе, и ничего другого мне было не нужно.

– Почему ты все время на меня смотришь? – спросила она.

– Ты мне нравишься.

– Я позволила тебе в меня влюбиться. Я думаю, ты уже понял, что я не обычная женщина.

Как женщины притворяются? Как?

– Ты должен мне верить.

– Я верю. Я ведь люблю тебя, Наташа.

– Я чувствую себя так крепко с тобой связанной, точно я – твоя мать, – она не переставала меня удивлять. К признани-

ям женщины невозможно относиться серьезно. – О чем ты думаешь?

– Я смотрю на тебя.

– У тебя такой вид, словно ты о чем– то думаешь. Когда ты со мной – вот так – о чем ты думаешь?

Я знал заранее, что она это спросит, но с минуту молчал, как бы не находя ответа. Не умею скрывать свои чувства. Не следовало бояться своей откровенности. Уверен, что для любви у меня достаточно смелости. Я не смущался. Немного нервничал, но не смущался. Стараясь не показать, что со мной происходит, я как можно спокойнее сказал:

– Почему я выгляжу так старо, а ты так молодо?

Никому, ни разу в жизни я не говорил таких слов. Значило ли это хоть что–нибудь для нее?

Я никогда прежде не чувствовал любви. Мне хотелось признаться в этом каждой женщине. До Наташи у меня не было женщин. Любовь к ней оказалась неожиданностью для меня. Я раз сто повторял себе: «Это самообман».

– Какой же ты глупый, – сказала она.

Почувствовал, что только теперь Наташа увидела меня по–настоящему.

– Прости. Ты меня удивил. Но я люблю сюрпризы. Только научившись выдумывать себя, мужчина может выдумать любимую женщину.

Я очень запутанный человек. И пытаюсь в себе разобраться. Мне кажется, что я создавал препятствия для любви спе-

циально.

– Я это знала, – сказала Наташа.

– Что знала?

– Что мы в конце концов будем вместе.

– Если бы ты знала, как долго я этого ждала, – для меня очень важно делать то, что хочется.

– Любовь – это главное. Но мужчины обычно забывают о главном.

Я не испытывал радости больше. Мне нравится рассказывать о любви. Вспоминаю о счастливом времени, которое нам удалось провести вместе. Рядом с Наташей у меня не получалось думать только о себе. Покорность женщины не может уменьшить моих чувств. Нет ничего естественнее желания любить. Зов природы, если можно так выразиться.

Я привык к любви. Я слишком молод. Мне не удастся быть оригинальным.

9

Правда не говорится случайно. Я не знал, что еще мне ожидать от себя. Я не хотел, чтобы Наташа была мне необходима. Нужно уметь радоваться чужой радости. Не смогу, понял я. Мне себя не обмануть.

– Все мужчины – обманщики, – сказала Наташа.

– Может и все, но не я.

– Ты совсем не знаешь себя. Когда привыкнешь, без этого уже очень трудно обойтись.

– Да, очень трудно.

– А откуда ты знаешь?

– Так, догадываюсь.

– Иди сюда, сядь. Я просто идиотка, трачу время на разговоры.

Она догадалась. Она знала, что я чувствовал и хотел. Мне не следовало сдерживать свои желания рядом с ней. Женщина всегда соглашается с мужчиной, когда хочет того же, что хочет он.

– Я очень рада тебя видеть.

– Я тоже рад.

– Скажи мне, что ты счастлив. Не бойся выглядеть сладким.

– Мне незачем притворяться.

– Хочешь меня, маленький? – она чуть заметно улыбнулась. – Так уютно себя можно почувствовать только рядом с любимым.

Казалось, Наташа угадывает мои мысли. Я не знаю мыслей естественнее. Себя сложно подозревать в неискренности. Радоваться притворству невозможно. Чувства увлекают женщин сильнее, чем мужчин.

«Она должна быть моей всегда», подумал я.

– Даже странно, – проговорила Наташа, – как я рада, что встретила тебя.

– Да, – согласился я, – действительно странно.

– Правда, странно.

– Это называется – любовь с первого взгляда.

– Покажи мне, как ты меня любишь. Что ты собираешься делать, малыш?

Я зажмурился, потом наклонился и стал целовать глаза, виски, шею Наташи. Мне хотелось перестать сожалеть о своем неумении быть искренним с женщиной.

– Так серьезно? – спросила она.

– Ты даже себе не представляешь, как серьезно.

– Влюбленные должны быть откровенны друг с другом.

Наташа прикусила мою кожу зубами, но не укусив, коснулась губами и, не поцеловав, лизнула ее. Наташа – жадная. Я узнал это. Каждая женщина торопится подчиниться своему желанию.

Теперь – то я знаю, что может значить поцелуй. Было бы

правильнее не стараться понравиться только себе.

Я поступал не так, как от меня ожидала Наташа. Непредсказуемость всегда дает преимущество в отношениях. Не следует позволять женщине быть уверенной во мне.

– Попробуй сказать о любви, – попросила она. – И сделай это нежно. Не надо спешить. Слова о любви необходимы женщине больше, чем сама любовь.

– Я знаю, – уверен, что могу быть нежным.

– Не хочу, чтобы ты останавливался.

– Боже мой, как ты красива, – я не хотел сомневаться в том, что она красивее остальных женщин.

– Еще немного и я сдамся. Ждать дольше не имеет смысла. В чем дело, миленький? Что тебе хочется? Расскажи, что ты хочешь увидеть. Что подсмотреть.

Я мог сделать с Наташей все, что хотел.

– Я, кажется, ясно выразился, – мне нравилось говорить о своих желаниях. Неожиданный для себя, я не мог не быть неожиданным для Наташи.

Обнял ее и посадил к себе на колени.

– А что, неплохо начинается, – сказала она.

– То ли еще будет, – я покорялся любви.

– Я хочу, чтобы ты делал только то, что тебе необходимо.

Хочу, чтобы ты любил меня. Сейчас. Здесь.

Казалось, это я и хотел от нее слышать. Женщина не любит ждать. Спрятаться от своих желаний невозможно.

Ощутил Наташу так близко от себя, что умолк, не в состо-

янии произнести хоть слово. Я ждал. Ожидание – глупость.

– Что ты делаешь? – спросила она.

– Раздеваюсь.

– Ты не исправим.

Никогда прежде ни одно желание не подчиняло меня с большей силой. Чтобы любить, достаточно лишь быть искренним с самим собой. Моя нежность – это в конечном счете, наверное, и есть любовь.

– Я заставила тебя ждать, – извинилась она.

Только красивая женщина может скрыть все недостатки своего ума.

Я подумал: «мне повезло». Вот так, по– простому, сказал себе: «ей очень хочется, так, что мне и думать ни о чем не надо».

Наташа гладила мои бока, плечи, шею, губы, забавляясь и присматриваясь, как ребенок к новой игрушке. Стоя на коленях, поцеловала меня в шею, и ее соски скользнули по моей коже. Мне казалось, что я так счастлив, что уже не способен почувствовать свое счастье. Каждый мужчина ожидает от себя большего, чем то, на что он действительно способен.

Почувствовал, как мурашки пробежали по спине, когда я назвал ее по имени. Я поднял глаза и сердце сжалось от нерешительности и внезапной робости, которые были мне непонятны.

Наташа обхватила меня руками за шею совсем так, как делала это в моем воображении.

– Да ну же, скорей, – прошептала она. – Скорей.

Я доверял ей. Не нужно много времени, чтобы понять женщину. Я умел быть нежным.

– Ну, маленький.

У нее были очень мягкие губы. Мне нравилось быть искренним с собой. Я нашел женщину, которую искал.

– Глубже. Крепче. Быстрее, – просила она.

Разве любовь может быть другой? Каждый мужчина хочет почувствовать себя любимым.

– Говори, что угодно, – шептала Наташа.

Каждой женщине необходима ложь.

– Ты сильнее, чем я думала. Еще раз. Иначе со мной не сладить. Мне должны завидовать. Без этого сложно почувствовать всю прелесть жизни.

«Какая сила у женщин», подумал я.

– Все хорошо? Тебе хорошо? – ей хотелось непременно по–разному.

Я не был равнодушен к любимой женщине.

Спокойная уверенная рука Наташи легла мне на затылок и удерживала меня в неподвижности, пока не унялась моя дрожь. Самого себя я удивлял больше, чем удивлял ее.

– Вот. Вот мы и справились, – она ласково поглаживала меня по волосам, по затылку. – Женщины часто выдумывают свою нерешительность.

Я не шевелился и закрыл глаза. Мне казалось, что мое сердце перестало биться. Наташа лучше меня знала, что мне

необходимо.

– Я просто позволила тебе делать со мной, что хочешь – только и всего, – каждая женщина выдумывает мужчину, которого любит. – У меня не было сил противиться себе.

– Теперь я буду знать, как ты любишь, – я выразил своим голосом больше удивления, чем на самом деле испытывал.

– Ну, раз ты так рад, малыш, я тоже рада за тебя, – Наташа могла любоваться собой очень долго.

– Похоже, ты просто дразнишь меня, – рядом с ней мне не удавалось воспользоваться опытом своей прежней жизни.

– Мне никогда не нравились мужчины, которые знают о себе только то, что им хочется знать.

– Обожаю тебя.

– Да, обожай. Я знала, что ты обрадуешься, котенок. Я не знаю большей лжи, чем миф о стремлении женщины к порядочности. Интересно, что ты теперь обо мне подумаешь.

– Мне не пришлось тратить много времени на уговоры, – эта мысль испугала меня, и я начал оправдываться, но Наташа прервала меня:

– Ты прав, солнышко. Ты – моя совесть.

Я не шевелился. Только почувствовал, что не могу не улыбнуться: губы сами раздвинулись в улыбке.

– Тебе удобно? – спросила Наташа. – Неужели такое сокровище – и все мне.

Я догадывался, что она притворяется и не притворяется одновременно. Я хотел, чтобы ее слова были правдой.

– Мне хочется знать, как ты ко мне относишься, – я не знал, какие чувства вызовут мои слова у Наташи.

– Мне с тобой хорошо. С тобой легко. Ты делаешь меня счастливее. Ты больше заботишься обо мне, чем о себе. Обычно я избегаю непонятного в отношениях с мужчинами.

Потом она заговорила с усилием, словно каждое слово должно было преодолеть какое– то внутреннее препятствие:

– Не трогай меня. Не надо. Ты все испортишь.

«Хватит», сказал я себе. «Ты становишься смешным».

Правильнее не вспоминать о своих неудачах.

– Ты сердишься? – Наташа улыбнулась.

– Очень.

– Я не хотела тебя обидеть. Какой же ты молодой. Я чувствую себя совсем старой. Ты уже успокоился?

– Я стараюсь.

– Теперь улыбнись. Да ты счастлив ли, детка?

– Я люблю тебя, – мне стало легче оттого, что я выговорил эти слова. Я должен был их сказать. Затем и искал ее, чтобы сказать ей эти слова. Мне хотелось убедиться в своей правоте.

– Никогда не нужно ничего объяснять. Не надо, не целуй меня. Уж очень я сейчас некрасивая.

Наташа сидела, потянув колени к груди, уткнувшись в них лицом. Она казалась совсем маленькой. Сидела загадочная, почти незнакомая. Невозможно быть довольным женщиной всегда.

– Ты эгоист, – проговорила она.

– Все мужчины – эгоисты.

– Но не все мужчины так снисходительны к себе. Ты не мог бы меня обнять? Только очень крепко. Изо всех сил.

– Обнять?

– Да. Пожалуйста.

До встречи с Наташей я никогда не чувствовал любви. Я считал себя неспособным на любовь.

– Ты ничего не собираешься делать? – спросила она.

– Нет.

– Постарайся изменить меня. Мне это необходимо.

Я не сопротивлялся. Мне нравилось рассказывать Наташе о себе. Но я говорил не все, что хотел. Мужчины боятся рассказывать правду о себе женщинам. Наташа вынуждала меня выдумывать себя таким, каким я никогда не был. Я подумал о том, что вот уже моя первая ложь любви.

Но я любим, да, любим. По– другому не скажешь. Я был счастлив.

Прижался к Наташе. Шептал ей слова любви и нежности. Она дышала ровно, тихо, и вдруг я понял, что она спит. Мне еще многое предстояло ей сказать, но не в этот раз.

Я перестал быть один. Наташа создала для меня такую иллюзию. Мужчина всегда очень хорошо знает, что хочет от женщины.

Я осторожно, кончиками пальцев, взял ее за запястье. Худенькая ручка казалась уже хорошо знакомой. Слегка погла-

живая запястье, я передвинул пальцы и также мягко взял в ладонь ее руку. Она была влажная и теплая и шевелилась в моей руке, словно свернувшийся зверек.

Слова не могут выразить моих чувств к Наташе.

На столике у кровати стояли часы. Их тиканье раздражало меня. Время не должно было двигаться.

Поцеловал свою любовь в щеку.

Во сне ее лицо было не таким, как днем, а словно у ребенка. Округлые щеки, маленький пухлый рот. Смотрел на нее в темноте. Я думал о ней больше, чем о ком бы то ни было в своей жизни.

Когда я проснулся, в комнате было темно. Я с наслаждением потянулся и сел, глядя на спящую Наташу. В темноте мне были видны только контуры ее лица, уткнувшегося в подушку, одна рука закинута за голову, другая вытянута вдоль тела. Она спала крепко, и, когда я, наклонившись, поцеловал ее в теплое плечо, она даже не шевельнулась и продолжала дышать легко и размеренно. Любовь – петля, которая затягивается очень быстро.

Внезапно просыпался по многу раз за ночь, всегда с таким чувством, будто проспал очень долго, даже слишком долго. И мне было трудно заставить себя заснуть.

Наташа крепко спала, повернувшись ко мне лицом. Спящая, она казалась совсем маленькой, даже еще меньшей, чем в жизни. Я лежал, опершись на локоть и смотрел, как она спит.

Непонятно, что притягивает меня к Наташе. Но я не хочу любить иначе.

Наташа любит меня, и все остальное в общем— то не имеет значения. Уверен, что сказал важное о себе. Нужно уметь быть оригинальным.

Я старался соответствовать своим представлениям о том, каким должен быть влюбленный мужчина. Не хотел оказаться ни груб, ни смешон. Недоверчивость всегда искренна.

Наташа смотрела на меня любящим, насмешливым и заботливым взглядом. В ее наивность я не верил также, как в свою.

– Разве я не такая, как обычно? – спросила она.

– Как всегда не такая.

– Миленький, тебе показалось.

– Нет, не показалось.

– Ничего не говори.

Наташа смотрела на меня настойчиво и пронизательно. Просто некуда было скрыться от этого взгляда. Ей должна была понравиться моя уступчивость.

– Ты недостаточно часто говоришь мне, что любишь, – сказала она. Иногда женщины бывают излишне привередливы. – Не забывай, пожалуйста, говорить мне все приятное, что тебе придет в голову.

– Тогда мне придется только это и говорить.

– Ты просто не умеешь быть плохим. Вот что важно. Обычно мужчина старается отомстить женщине за то, что вынужден измениться, чтобы понравиться ей.

Иногда я не понимаю, о чем она говорит. Мне не хотелось слушать ее. Я не любопытен. Пользоваться тем, что есть – самое разумное решение.

– Я люблю тебя, Наташа, – не каждый мужчина скрывает свои чувства от женщины.

– Только не забывай об этом. Ты хочешь, чтобы я обещала тебе любить только тебя?

– А почему бы и нет?

– Я не подумала об этом заранее. Мои слова – самое малое, что я могу тебе дать. И ты это понимаешь. Женщина всегда выдумывает себя для мужчины.

– Моя любовь не выдумана.

– Глупый. Глупый и жадный. Не можешь остановиться, когда рассказываешь о своих достоинствах. Такой милый, такой наивный. У меня есть ты – больше мне ничего не надо.

В ее голосе была та нежность, которую я видел в ее глазах.

Я смотрел на нее. И Наташа не смотрела ни на кого, кроме меня. Почувствовал, что впервые в жизни меня понимают. Получил, что хотел. Что же дальше? Пытался найти ответ, который был известен только Наташе.

Ты сделала меня интереснее для себя, – я умею говорить о любви.

Великодушно с твоей стороны.

Только справедливо.

Ты рассуждаешь, как маленький ребенок. Женщина терпелива только с необходимым ей мужчиной. Мне нравится

быть уверенной в твоей любви. Наши поступки не случайны. Каждый на своем месте. Наша жизнь принадлежит нам.

Подумал: какую чушь она говорит. Моя жизнь уже не принадлежит только мне. Старался отогнать от себя эту мысль. Но она все время возвращалась. Словами очень сложно говорить о любви. Мне не нужно оправдываться перед собой.

Я замолчал. Мне казалось, что я и в самом деле немного смешон и неловок, но чувствовал, что я допускал именно те неловкости, какие следовало. Я не спорил. Мое согласие можно назвать осторожностью. Каждая женщина может порадовать себя обманывая мужчину.

Мне нравилось чувствовать себя любимым. Я старался не сомневаться в словах Наташи. Самому себе я никогда не казался глупым.

– Каждый человек иногда говорит неправду, – сказала она, – а некоторые – обманывают всегда.

– Только не я.

– Ты безнадежен. Невозможен. Самонадеян.

– Я не могу этого объяснить. Просто я чувствую, что это – правда, – мне очень хотелось убедить Наташу в своей исключительности.

– Какой ты смешной. Ну и что ты теперь будешь делать?

– Почему ты меня об этом спрашиваешь?

– А почему ты не хочешь об этом говорить?

– В тебе нет чуткости, – я верил в то, что говорил. – Нет совсем.

– Ты не можешь понять всю сложность моих чувств. Ты еще сам не знаешь, что хочешь. Обычно мужчина никогда не торопится следовать желаниям женщины.

Теперь Наташа чувствовала себя обиженной. Я уже устал от нее. Что хотела, то и делала. Она что– то требовала. Слишком много она требует за свою любовь. Только бы не все. Я знаю – любовь того не стоит. Женщины все сводят к своему удобству. Чужой опыт не проходит для меня бесследно. Хорошо, когда удобно. Наташа нашла, что искала. Да, лишь удобство и искала.

Живешь и не подозреваешь, что однажды жизнь откроет перед тобой. Столкнешься со своим истинным я. Случайно. Я думаю над этим всерьез. Шестнадцать лет. Самое важное время.

– О чем ты думаешь? – спросила Наташа.

– Думаю? Насчет чего?

– Ты же не ребенок. Я спрашиваю тебя: о чем ты думаешь? Ты никогда не сможешь обмануть. Ты не умеешь врать убедительно.

– Я не хотел тебя обидеть.

– Нужно быть более чутким.

– Ты любишь меня, а я – тебя. Почему мы должны притворяться, что это не так? – я никогда не умел быть терпеливым.

– Женщина часто оказывается безразлична к признаниям мужчины совсем не потому, что ей этого хочется.

Я отвернулся от ее торжествующей улыбки. «Вот тут– то

она и ошибается», подумал я, но промолчал. Радость делала ее ближе для меня. Слышишь ведь всегда то, что хочешь услышать. Я выдумывал себя для Наташи.

Я не видел ее глаз. Но в голосе слышалась дрожь. Влюбленная женщина всегда спешит признать недостатки любимого мужчины его достоинствами. Я не мог оправдываться. Это было бы слишком просто. Впервые Наташа показалась мне уязвимой: она волновалась еще больше меня.

– Выгляжу хуже, чем обычно, – говорила она. – Я хочу почувствовать себя моложе тебя. Я боюсь, что живу неинтересно. Женщины себя ни в чем не сдерживают.

Я не всегда понимал, что она имела в виду, но не хотел сомневаться в искренности ее слов. Не следует смеяться над собой. Я смог преодолеть безразличие женщины. Мне нравится радоваться этому. Не нужно пытаться понять другого человека, если не можешь понять себя.

Смотрел на губы Наташи. Так близко от меня. Я не знал, что она ожидала. Прижался к ее щеке. Совсем по-детски. Она должна была со мной согласиться. Мне было стыдно – ощущение в чем-то даже приятное. Чувствовал, что не надо ничего говорить. Я не наивен. Себе я доказывал это чаще, чем другим. Любовь невозможно остановить.

Мои чувства были так сильны, что я не мог с ними справиться. Они требовали немедленного действия, а Наташа просто стояла, крепко прижавшись ко мне, и медленно покачивала головой. Я начал целовать ее волосы и щеку. Потом

она подняла голову, и наши губы встретились. Я был нетерпелив, но осторожен. И завидовал искренности Наташи.

Я всегда догадывался, что способен на сильное чувство. Не впервые думаю об этом. Мне нравится хвастаться. Человеческая жизнь всегда эгоистична. Впервые признавшись себе в этом, я был расстроен. Я хочу быть уверен в любви Наташи. Не верить самому себе легко. Я бы никогда не справился с сомнениями без помощи ее любви.

Я не могу объяснить в себе любви. Наташа настолько занимает все мои мысли, что вдали от нее я чувствую себя не у дел. Невозможно понять, что именно в ней притягивает меня.

– Я знала, – сказала она, – что ты придешь как раз тогда, когда ты больше всего нужен. Ты необходим мне.

– Я скучал по тебе, куколка, – я не хотел сопротивляться своим желаниям.

– Ты должен говорить это только мне.

Она казалась моложе и менее уверенной в себе. Она была чуть ниже меня и это тоже нравилось. Я ощущал себя очень уверенным. Как я себя люблю в такие минуты. Мне нравилось знать, что Наташа счастлива со мной. Я гордился ее волосами, ее походкой, ее большими, никого, кроме меня, не видящими глазами.

– Желание женщины понравиться мужчине, ничем не отличается от ее желания понравиться самой себе, – объясняла она.

– Я позволяю обманывать себя только тебе.

– Ты разочарован?

– Не задавай вопросов. Я ведь тебя люблю, – не обязательно признаваться женщине в том, что хочется скрыть от нее.

Жизнь вдруг стала такой простой, обыкновенной и естественной, какая, возможно, она и есть на самом деле. Наша разница в возрасте уже не казалась мне огромной.

– Мы хорошо смотримся вместе, – сказала Наташа.

– У каждого мужчины есть идеал женщины. Ты соответствуешь моему.

– Я не хочу, чтобы у тебя появилась возможность думать о других женщинах. Мне необходима твоя молодость. Рядом с тобой я сама чувствую себя моложе.

– Никто другой не поймет тебя так хорошо, как понимаю я.

– Любовь женщины всегда делает мужчину самоуверенным. Куда это ты так спешишь?

Что бы я ни делал – это было проявлением любви. Выразить свою нежность к любимой женщине очень легко.

– Ты совсем ребенок, – сказала она. – Я не могу относиться к тебе, как ко взрослому мужчине.

– Ты ничего не понимаешь.

– Я все понимаю лучше, чем ты.

Ребенок. Вот за кого она принимает меня. Наши отношения определились уже в начале. Мы приняли условия игры, которые устраивали обоих. Я согласился подчиниться. Может быть, в этом проявилось мое истинное лицо. Рядом с Наташей я чувствую себя ребенком. Я улыбнулся как бы про себя.

– Ты что, говоришь сам с собой? – спросила она.

– Нет.

– А мне показалось. Я видела, как у тебя шевелятся губы.

Что ты говорил?

– Ничего, – мне не хотелось отвечать ей, потому что я боялся ее любопытства.

– Я очень много думаю о тебе. Но боюсь, что воображение меня обманывает. Не доверять своим чувствам естественно для женщины.

В любви не хочется сомневаться. Я постарался убедить себя сам. Не мог притворяться рядом с Наташей. Понять себя так же сложно, как понять другого человека. Мне не хотелось разоблачать себя перед женщиной.

– Влюбленная женщина всегда обманывает саму себя больше, чем своего любимого, – сказала Наташа.

– Мне необходима твоя ложь.

– По– твоему, это что, обида? Я понимаю тебя лучше, чем ты думаешь. Мужчина радуется женщину лишь для того, чтобы извлечь свою выгоду из ее радости.

Улыбнулся ей в ответ. Я не мог ее огорчить. Я позволил Наташе почувствовать, что она мне необходима. Ее хорошее настроение увлекло меня.

На мгновение я ощутил радость. Потом почувствовал, что сильно устал. Это была усталость, которая неизбежно наступает после томительного ожидания. Мне не всегда удается заметить момент, когда я начинаю обманывать себя иллюзиями.

Я не спешил говорить Наташе все, что она желала услышать. Мне нравится сомневаться в очевидном. Я уверен в своих чувствах. Но сомнения всегда необходимы. Наташа заставила меня поверить в свою удачливость. Но я не хочу надеяться только на случайность.

– Ты хороший человек, Наташа, – сказал я. – Ты себя недооцениваешь.

– Спасибо на добром слове. Но поверь: я не подарок.

– Ничто не изменит моего отношения к тебе.

– Мужчина всегда переоценивает женщину, в которую влюблен. Что в этом приятного?

– Не смейся надо мной.

– Разве нельзя смеяться над тем, что любишь?

– Ты всегда смеешься надо мной. Это оттого, что ты меня любишь?

В ее смехе всегда ощущалось превосходство, которое заставляло меня чувствовать себя виноватым. Над умным человеком можно посмеяться так же, как над глупым. Я бы хотел разочароваться в Наташе. Эта женщина оказалась для меня важнее, чем мне необходимо.

– Что–нибудь случилось? – спросил я.

– Ничего не случилось.

– Нет случилось, – я был уверен, что знаю ее.

– Я себе не нравлюсь. Я себя не люблю. Ты усложняешь мне жизнь и за это я злюсь на тебя. Разговоры о любви мало что значат. Любовь – это не чувство. Любовь – это поступки.

Смотрел на любимую женщину и не мог насмотреться. О любви не следует говорить неумело.

– Баловать тебя, конечно, незачем, – сказала она.

Мне пришлось согласиться с ней. Нужно смириться. Мы играем по ее правилам игры. Я чувствовал, что Наташа старалась обмануть хотя бы внешним видом. Как иногда сложна оказывалась моя любовь.

– Ты думаешь, у меня не было никакой личной жизни до встречи с тобой? – спросила она. – Иногда доверчивость похожа на глупость.

– Расскажи мне про других.

– Ты хочешь, чтобы я начала вспоминать? Но какое тебе до них дело?

– Может, тебе неприятно о них вспоминать?

– Да нет, не то чтобы неприятно. Просто мне хочется понять, почему тебя это интересует?

– Я хочу избавиться от искушения вообразить, будто я единственный в своем роде.

– А если я скажу, что их было столько, что я уже сбилась со счета.

Наташе нравилось мучить меня. Что делать, если она выбрала такой способ? Я не думаю плохо о мужчинах, которые были у нее прежде. Я о них вообще не думаю. Пусть каждый останется при своем прошлом. Я не ищу в любви сложные пути.

Я не могу быть лучшим. А Наташа, конечно, может выби-

рать. И, конечно, есть из кого. Знаю, что все мужчины хотят отнять у меня эту женщину. Счастливых людей очень мало.

Я был испуган. Теперь она знала, что меня легко испугать.

– Я тоже был счастлив без тебя, – я уверен, что сказал глупые слова.

– Это происходит со всеми. Шестнадцать лет. Нечего объяснять.

Я не знал, что возразить. «Со всеми». Ясно, что как личность я для нее никто. Я промолчал. Пусть все останется, как есть. Очень сложно выиграть, когда не знаешь правил игры. Я не знаю.

– Ты очень молод, – сказала Наташа. – Совсем мальчишечка. Никто не воспринимает тебя всерьез.

Не воспринимает она. Я уже догадывался, чем все может закончиться. Мои худшие предчувствия всегда сбываются.

– Это пока ты была замужем, у тебя появилась привычка спать с кем попало? – спросил я.

– Иногда я старалась быть верной, но у меня никогда не получалось.

– Зря старалась, не стоило.

– Не говори так. Бесполезно. И глупо.

Правой рукой она закрыла мне рот – молчи. Всегда завидовал людям, которые могут контролировать себя. Мне это никогда не удавалось.

– Мужское остроумие забавляет только самих мужчин, – сказала Наташа.

Мы выглядели так, словно столкнулись лбами.

Мне следовало быть осторожным, с ней – более, чем с кем бы то ни было. Моя глупость разочаровывала ее сильнее, чем меня.

– Ну прости меня, маленький. Сама не знаю, чего я добиваюсь. Женщинам свойственно ошибаться. Не такая уж я хорошая, как ты вообразил.

– Но стараешься быть хорошей.

– Я не стою тебя. Часто выхожу из себя. Слишком много ругаюсь. Ты гораздо лучше меня.

Я догадался, что ошибся. Глупость сделала меня неудобным для самого себя. Неприятно было думать, что я трус, но я подумал это. Я искал ложь в Наташе. Ее разоблачение казалось мне правильным. Нужно уметь забывать о своих неудачах.

– Каждый мужчина готов доверять искренности красивой женщины, – сказала Наташа. – Мужчины редко бывают оригинальны.

– Я не понимаю тебя.

– Какое это имеет значение, понимаем мы друг друга или нет, если мы любим друг друга. Я устала быть старой. Я хочу быть ребенком. Мне не нравится ощущать свой возраст.

– Все же мы с тобой счастливы, – нерешительно проговорил я.

– Счастье – опасная штука, – отозвалась она, может, самой себе так сказала. – Знаю, что ты мне не поверишь. Не

понимаю, зачем я это тебе говорю. Не следует напоминать себе о возрасте слишком часто. Но я ни с кем не могу говорить об этом так, как с тобой.

Я не был для нее лучшим вариантом. Конечно, не лучшим. Похоже, она никогда не устанет говорить об этом. Как оказалось, до меня у нее было множество знакомых. Красивые и сильные. И вот выбор пал на меня. Повезло. Так она обрисовывала ситуацию.

– Таким я тебя больше люблю, – сказала она.

– А я тебя люблю люблю.

– Как странно ты это сказал. Теперь я счастлива. Ты понимаешь? Как ты научился любить? Что ты знаешь о себе?

Я редко бываю искренен. Откровенность непривычна для меня. Но я почувствовал, что сейчас просто необходимо улыбаться, смеяться, чтобы подладиться под настроение любимой женщины. Хотел перестать бояться своей неуверенности. Но мои желания никогда ничего не меняли. Я понял это очень давно.

Я ощущал, как медленный и внимательный взгляд Наташи изучает меня. Это было приятно и страшно. Я хотел оказаться во власти своих чувств.

– Хочу тебе нравиться, – сказала она.

– Ты мне нравишься.

– Мне нравится, что я тебе нравлюсь. И я нравлюсь себе за это. Понимаешь? Почему ты все еще не поцеловал меня?

– А тебе этого хочется?

– Нет. Мне абсолютно ничего не надо.

– Почему?

– Мне ничего не надо.

– Ты хочешь меня обидеть?

– Ну что же ты? Чего ты ждешь?

– Ты просто обманщица.

– А ты разве не любишь обманщиц?

– Нет.

Ее глаза прятали улыбку. Она умела прятать улыбку, а я нет. Мне нравятся люди, которых веселит чужая беспомощность. Мы похожи и одновременно различны.

Наташа прижала мою руку к своей и сказала:

– Слышишь, как быстро бьется мое сердце? Почему мне приходится отказывать себе в удовольствии? Хочу быть ма-

ленькой девочкой.

У меня никогда не было воображения.

– Скажи, о чем ты думаешь? – спросила она.

– Ты знаешь, о чем я думаю.

– Ты теряешь время, мой мальчик.

Она застенчиво повторила свой намек и посмотрела на меня глазами женщины, которая влюблена. Меня соблазняла ее доверчивость.

Наташа хотела помочь мне. Но я не мог ей этого позволить. Мое сопротивление ее желанию могло быть только глупостью. Глупейшее положение: женщина соблазняла, а я сопротивлялся. Любовь завоевывает хитрость. Я был робок и несмел.

Никто не может искренне признаваться в своих недостатках. Я не нашел другое объяснение своей лжи.

Моя радость была какая– то неуверенная, спотыкающаяся. Голые руки Наташи жгли мне лицо. Они лишали меня уверенности.

– Почему ты не можешь расслабиться? – спросила она. – Поверь, я знаю, что делаю. Ты мне нужен.

Наши губы соединились. И хотя губы были вместе, они не целовались. Мужчине и женщине нравится обманывать друг друга.

– Что ты чувствуешь? – спросила Наташа, – когда тебя любят?

Мне все еще было недостаточно ее любви.

Наташа положила руку мне на грудь и прижалась ногами, дрожавшими, как от холода. Ей, такой теплой, не могло быть холодно. Мое желание нежности никогда не было неожиданностью для меня.

Она погладила меня по лицу. Я поймал губами ее руку. Мое желание зависело только от нее.

– Ты сладкий мальчик. Никогда не целовала такого. Ты превзошел мои ожидания.

Только красивая женщина может заставить умного мужчину ощутить себя глупым. Мне было недостаточно только слов.

Я прижался губами к ее плотно сомкнутым губам. Они не имели никакого вкуса. Были сухие. Совсем не обязательно стараться разоблачать притворство друг в друге.

– Да, этого я очень хочу. Да, это то, что надо, – ни одна женщина не способна оценить ум мужчины.

Желание всегда похоже на жажду. Я хотел сделать с Наташей все, о чем мечтал. Впервые смысл наших отношений стал понятен для меня.

– Ты даже представить себе не можешь, до какой степени я делаю все так, как ты хочешь, – Наташа соблазняла меня даже своей глупостью.

Каждый раз, когда мои губы прикасались к ее, я почти терял сознание от счастья. Наташа должна была понять меня без моей помощи.

«Прелестные пальчики», думал я, целуя их один за дру-

гим.

Не ожидал, что смогу так хорошо понять ее. Так хорошо и так легко. У меня было не много возможностей увлечь женщину.

Ей, наверное, казалось, что она шутит, но, держа ее в объятиях, я ощущал нечто иное. Неуверенность Наташи делало ее похожей на меня. Невозможно понять желание женщины, лишь когда она скрывает его от самой себя.

– Я хочу тебя кое– чем удивить, – Наташа старалась быть искренней только потому, что я хотел этого.

Она соблазняла меня болью. Она заставляла меня быть нежным и терпеливым. Я уже не мог делать с ней, что хотел. Начинал бояться ее, представляя возможные последствия.

Наташа позволяла мне быть жадным. Мне нравилось соглашаться с ней. Она умела быть необходимой моим желаниям.

– Мне очень хорошо. Ты за меня не волнуйся, – женщина всегда стремится уступить мужчине.

Возникло ощущение, словно мое тело отдалялось от меня, выходило из моей власти и не хотело больше слушаться.

– Попытайся не только шептать, – попросила Наташа.

Никакого смущения я не испытывал.

Я не мог скрыть улыбку. Мальчики вроде меня неловки во всем.

Она продолжала смотреть на меня снизу вверх, с каким– то любопытством. Я хотел видеть ее именно такой – и ника-

кой другой. На верхней губе Наташи выступили маленькие капельки пота.

Обнял ее сзади. Мне нравился ее запах.

– Ты делаешь мне больно, – она никогда не делала ничего такого, чтобы ее можно было стыдиться.

Я не мог оставаться всегда только нежным. Меня соблазняет непредсказуемость моих желаний. Это такие слова, которые мне всегда хотелось произнести вслух.

Нужно было дать Наташе время уговорить себя. Мы оба знали свои роли. Я старался брать от любви все, что мне нравилось. Очень приятно стремиться к недостижимому.

– Ты подошел мне идеально, – она подтверждала мои предположения. Мы думали одинаково. Каждая женщина стремится увидеть любимого мужчину таким, каким хочет видеть.

– Скажи, – попросила она, – мне этого хотелось.

– Мне этого хотелось.

– Сама не знаю, что я сегодня вытворяла. Это может стать привычкой.

– Конечно, может.

– Если я позволю.

Я не представлял, что она имела в виду, да это и не имело значения. Она притянула к себе мою голову и поцеловала. Ее губы были теплыми и мягкими. Мне казалось, она знает то, что я никогда не смогу понять.

Я засмеялся, но так, что она не могла слышать. Она не

видела моего лица.

– Мне нравится быть с тобой, – она наклонила голову, пытаясь заглянуть мне в глаза. Наташа любопытнее меня. – Всякое случается. Рядом с новым мужчиной следует забывать о прежнем опыте.

Хотел смеяться, кричать и петь. Слова никого не могут убедить.

У Наташи был усталый вид, но она казалась мне более красивой, чем всегда. Мне нравилось знать, что в ее усталости есть и моя заслуга. Самой себе она старалась понравиться больше, чем мне.

– Когда–нибудь ты разлюбишь меня, – сказала Наташа. – Когда–нибудь я разлюблю тебя. Мы опять станем одиночками.

– Это невозможно.

– Зачем нам делать вид, что мы не понимаем друг друга. В словах о любви не может быть правды. В некоторых вещах ты очень много полагаешься на других.

– Не на других. На тебя.

– Ты просто большой ребенок. У тебя такое выражение лица, как будто что–то не так. Милый, я не могу, когда ты на меня сердиться. Я хочу, чтобы ты стал для меня единственным. Женщине нравится подчиняться мужчине.

Верить словам любви естественно.

Я смотрел, как она своими тонкими пальцами приглаживает волосы на висках, прихватывает их сзади широкой за-

колкой. От Наташи было невозможно оторвать взгляд.

Она так старательно приглаживала растрепанные волосы, что можно было подумать, будто ее волнует только прическа.

Вид у нее был усталый. И это ей шло.

Мои желания не требовали оправданий. Я вообразил, что женщина сможет изменить меня. Нужно уметь забывать о своих разочарованиях.

– По– моему ты хорошо провел время, – сказала Наташа.

– С тобой нельзя говорить серьезно. Ты всегда шутишь.

– Самой себе женщина всегда нравится больше, чем ее мужчине. Не сделать ли мне короткую прическу? Как ты думаешь?

Я молчал. Пытался придумать оправдание своему молчанию. Иногда мне хочется пожалеть себя.

Мне нравилось ее слушать, но я нервничал, не зная, что сказать, если она вдруг делала паузу. Может быть, она боялась этих пауз больше меня.

– У тебя глупый вид, – сказала Наташа.

– Ты меня смущаешь.

– Мне все больше и больше нравится смеяться. Видно, старею.

– Дело тут не в возрасте.

– Обожаю, когда ты притворяешься сердитым. Насытил свое любопытство?

– Не любопытство, Наташа.

– Вам, мужикам, больше ничего и не надо. Скажи, что еще

ты хочешь сделать со мной.

Я молчал. Не знал. Рядом с ней по-прежнему оставался неловкий мальчик. Не мог стать другим. Не хотел.

– Ты жадная, – сказал я. – Хочешь всего и сразу.

– Что ж, плохого во мне хватает.

Это было сказано сквозь зубы. Не разжимая губ. Как она умеет. Мне захотелось обидеть ее.

– Что ж, – сказал я. – Встреча с тобой не самая удачная.

Мне не особенно понравилось.

Я говорил так, когда проигрывал. А я опять проигрывал.

– Ты зря так сказал, – Наташа улыбнулась. – Еще пожалеешь.

Жалеть, конечно, не о чем.

– Я тебя не пойму, – сказала она.

– Понять меня не трудно.

– Чем красивее мужчина, тем сложнее его понять. Ты от меня что-то скрываешь. В чем дело, милый?

У нее был недоумевающий взгляд. Даже немного встревоженный. Мои признания могут оттолкнуть от меня любую женщину.

Сам удивляюсь, как отчетливо помню все. Меня не украсит хвастовство.

Помню ее голос. Низкий, какой-то обреченный, а глаза при этом – вниз. Голос, рассчитанный на то, чтобы пробудить жалость. Меня удивляло мое равнодушие. Я не соглашался, но и не возражал. Для меня очень важна определен-

ность наших отношений.

Наташа молчала. Не ожидал, что мои слова произведут на нее такое сильное впечатление.

Я испугался, что она заплачет. Но она подняла веки, и глаза были только влажны, а может – просто блестели. Мечь любимой женщине похожа на мечь самому себе.

Но мне нравилось, что женщина, припавшая к моему плечу, расплакалась из– за меня.

– А тебе ведь очень нравится, что я плачу, – сказала Наташа.

– Если из– за меня, то да.

– Мы стали еще ближе. Прямо как муж с женой.

Я не хотел смотреть, как она плачет. Она словно что– то ждала от меня.

Я верил в искренность ее слез. Я был добрым. Жалость засосала нас обоих. Совсем не обязательно помнить о своих обидах.

– Почему ты плачешь? – спросил я.

– Знаешь, бывает, плачешь вот так, совсем без причины.

– Я не хочу, чтобы ты плакала.

– Все, любимый, я уже не плачу.

Она замолчала и перестала плакать. Я ничем не мог ей помочь. Ждал. Это было очень мучительно. Непонятно, что можно ожидать в такой ситуации.

Я не понимал, что означают ее слезы. Не мог их объяснить.

Ждал, что Наташа скажет какие-то необыкновенные слова. Мне не повезло. Не всем везет.

Я заставлял себя чувствовать жалость. Мое притворство не нравилось нам обоим. Обычно человек сам виноват во всех своих неудачах. Я чувствовал лишь свою неспособность контролировать наши отношения.

Наташа выдумывала меня так же старательно, как и я сам. Она притворялась, что понимает меня.

Она не плакала. Только ее голос был очень тихим, и я почти не слышал, что она говорила. Несколько искренних признаний всегда оказывается достаточно, чтобы разочаровать в себе женщину.

– Прости меня, – я очень ее уговаривал.

– Простить! Тебя простить! Странно.

Она больше ничего не сказала и не пыталась меня остановить. Только молча смотрела на меня. И лицо у нее было опухшее от слез, почти неузнаваемое. Необязательно стараться скрыть свою боль.

Обняв меня за шею и прижавшись щекой к моей щеке, она спросила:

– Почему ты со мной такой нехороший?

Я попытался встать, но она меня не пустила.

Не говоря ни слова, я долго-долго изо всех сил сжимал ее в объятиях. Сначала она не сопротивлялась, потом стала вырываться.

Медленно отпустил ее.

Стараясь угадать, когда же все— таки закончится ее игра, я заметил, что она обижена. Невозможно не заметить угрозу, исходящую от беспомощности женщины. Она казалась такой незащищенной, что у меня возникло впечатление, будто все, чего я достиг перечеркнуто и нам предстоит начать все сначала.

— Я знаю, что ты скажешь: — предположила она, — извини. Вечно ты извиняешься.

— Не говори это так.

— Я не знаю, как я это сказала. Посмотри на мое тело. Тело уже не то. Не то, что прежде. Не волнуйся из— за меня, хороший мой, я абсолютно в порядке. Правда. Действительно правда.

Я понимал, что мне следовало бы вести себя иначе. Должен был бы испытывать благодарность и выразить ее. Но я не мог. У меня никогда не возникало желания избавиться от всех своих недостатков. Я не слишком себе нравлюсь. Но я не хотел бы быть никем другим. Не всегда понимаю, что может привлекать Наташу во мне.

Может быть, любовь делает меня лучше, чем я есть. Я люблю ее. Действительно ее люблю. Привык чувствовать себя любимым.

Я хочу любить. У каждого человека есть свое представление о счастье. Без Наташи я бы никогда не узнал любви. Это признание нужно мне.

Рядом с Наташей мне хочется стать понятнее. Во мне много непредсказуемых желаний.

Иногда меня мучили сомнения в правильности того, что делал. Невозможно быть счастливым всегда. Старался не обижаться на ее невнимание.

Я был убежден, что Наташа знает какие– то тайны, мне тоже хотелось их знать, и все же я отказывался узнавать их.

«Она разглядывает меня, как подарок», подумал я.

– Хочу поговорить с тобой. Хочу тебе кое– что сказать. Мужчине достаточно только воображения, чтобы убедить себя, что он влюблен, – Наташе нравилось злить меня. – Ты не сказал мне ничего нового. Каждый мужчина старается убедить меня в своей привлекательности.

Я подумал: «Она совсем не знает меня».

– Я никогда не думала об одном мужчине лучше, чем о других, – сказала Наташа.

– Самообман в любви неизбежен, – очень просто любить, когда нет других желаний.

– Мне никогда не хотелось зависеть от тебя. Я не хочу, чтобы ты заблуждался. Любая женщина может выдумать свою наивность. Хороший мой, но ведь это ничего не меняет? У нас все по– прежнему, да?

– Я для тебя по–прежнему безответственный подросток? Но детство – это совсем другое. Детство – это просто я сам, – мне казалось, что она меня понимает.

– К тебе еще нужно привыкнуть.

Не умею чувствовать иначе. Мне не о чем сожалеть. Не сложно быть искренним в желании любить. Я был обрадован. Мне не удалось обмануть свои желания. «Это будет началом нового этапа», сказал я себе. И казалось, что так оно и будет. Наташа не могла заставить меня оправдываться перед самим собой. Мне не удалось радоваться неудаче любимой женщины.

– Ты не слушаешь меня, – сказала она.

– Я думаю о тебе.

– И что же ты думаешь?

– Я уверен, что мы можем быть счастливы.

– Я ищу мужчину, перед которым мне бы не пришлось оправдываться. Если я буду самой собой, то ты меня разлюбишь. Женщине всегда необходимо нравиться самой себе. Ты не чувствуешь себя одиноким?

– Нет.

– Как тебе это удастся?

Меня мое притворство удивляло не меньше, чем ее. Я старался скрыть от Наташи то, что хочу. Не знаю, кто из нас был более откровенен. Вдруг сказал то, что мне не следовало говорить:

– Без тебя мне просто незачем жить.

– Дурачок.

Она ответила, закурив. Разве у нее была причина говорить так? «Дурачок». Ну что можно было возразить? Я думал так же. Уже не сомневался в себе. Безразличие любимой женщины не для меня. Конечно, нет. Я не ждал иного ответа. Не от нее. Я боюсь неискренности.

– Сейчас ты мне нужен, как никогда, потому что нуждаешься во мне, – сказала Наташа. – Ты стараешься использовать меня. Иногда, чтобы мужчина понравился мне, я прилагаю к этому не меньше усилий, чем он сам.

– Я уже начинаю бояться того, что ты скажешь в следующий раз.

– Каждой женщине нравится мучить мужчин.

Посмотрел на нее и подумал: «Что все это значит?» Может быть и она спрашивала себя об этом.

Я был обидчив, боялся совершить ошибку и чувствовал, что лишен обаяния. Равнодушие женщины к мужчине не всегда бывает только притворством. Придумывал все, что возможно, чтобы защитить свою любовь.

В ее словах, в том, как Наташа произносила их, было что-то такое, что беспокоило меня. Хотя, я не мог точно определить, что именно.

Я ничего не понимал, но мне было приятно, что моя любимая женщина так уверена в себе.

– Ты думаешь только о себе, – она улыбнулась.

– Я готов с тобой согласиться.

– Не делай ничего, что не хочешь.

– И что же получается? Мы можем быть вместе, только когда ты во мне нуждаешься? А не когда я – в тебе? – эти слова оказались очень трудными для меня.

– Не сердись на меня. Так и тебе будет лучше. И часто ты собираешься донимать меня подобными расспросами?

– Мне просто трудно сказать себе, когда надо остановиться.

– Знай, когда сказать «хватит». Слушай, не будь таким вредным. Ты мне очень нравишься, и я не хочу, чтобы ты мне надоел.

Ее беззастенчивость и спокойная уверенность смутили меня. Любимая женщина не должна быть идеальна. У любви нет условий.

– Если бы я только тебя знала, – сказала Наташа.

– Ты и так все про меня знаешь.

– Если бы знать точно, что правильно, а что нет.

– Так как же нам быть?

– Не знаю. Я надеялась, что у тебя готов ответ. Мне никогда не удавалось убедиться в способности мужчин любить.

– Любви нельзя научиться.

– Зачем ты так меня любишь? Это глупо. Я скорее верю человеку, когда он говорит что– то плохое, чем что– то хорошее. Может быть, ты думаешь обо мне больше, чем я думаю о себе. Тебе следует перестать выдумывать меня.

Часто я спорил с ней молча.

Я не возражал. Не искал для себя оправдания. Не знал, много сказано или мало. Мне никогда не надоедают разговоры о любви. Наташа позволяла мне вообразить себя счастливым. Я верил, что могу любить.

Наташа смотрела на меня так, словно впервые увидела.

Просто такой уж, видно, я человек. Выдавить из себя несколько слов оказывалось совершенно невыполнимым подвигом. Не хочу думать об искренности, как о своей ошибке.

– Не интересно обманывать мужчину, который готов верить каждому моему признанию, – сказала она.

– Не понимаю, что ты хочешь от меня.

– Хочу почувствовать себя несвободной рядом с тобой. Что еще можно ответить человеку, который спрашивает, как произвести на меня впечатление. Не умея унижать женщину, мужчина не может подтвердить ей свою любовь.

Я испугался. Иногда Наташа не понимает, что она страшна. Чувствовал себя голым. Спорить с ней было невозможно. Я все еще не знал о Наташе все, что мне хотелось знать. Очень сложно любить впервые.

– Приятно провел время? – спросила она.

– Я, знаешь, чувствую себя не очень уютно после твоих слов.

– Ничего. Когда–нибудь привыкнешь.

Мне казалось, я говорил об очень важном не только для себя. Рядом с любимой женщиной невозможно врать.

Разглядывал Наташу, хотел увидеть перемены. Она не за-

мечала меня. Переубедить женщину всегда нелегко. Я вытер лоб. Даже пот выступил – положение было серьезным.

Сидел, наблюдая за ней. Перемены в Наташе всегда застигали меня врасплох – стоило ей несколько дней быть одинаковой, как я уже не мог вообразить, что она может быть другой.

– Мне не хочется, – сказала она.

– Что?

– Мне не хочется. Успокойся. Ты все продолжишь завтра. Завтра. Каждый мой день – это новая попытка быть счастливым. Наташа ждала, что я подчинюсь. В отношениях с женщиной не должно быть неожиданностей.

– Что с тобой? – спросил я. – Ты на меня сердишься?

– Я? Наоборот.

– Я хочу сделать тебя счастливой, – мне нравилось быть благодарным Наташе.

– Завтра, – ответила она. – Не сегодня. Убери, пожалуйста, руки. Ты говоришь о том, чего не знаешь. Сегодня о продолжении можно забыть.

Мне нравилось уступать Наташе. Я всегда боялся соглашаться с женщиной. Меня легко остановить. Приходилось ждать, когда скажет «да».

Я был готов ждать.

Наташа решила все за меня. Спор был невозможен. Сделал вид, будто о чем– то думаю, хотя думать было не о чем.

Сложно понять, что именно убедило меня. Мои желания

всегда удивляли меня. Иногда они оказываются непредсказуемы. Внешность человека часто обманчива.

– Тебя любят, – сказал я. – Ты всегда будешь чувствовать, что тебя любят. А с тобой то же самое?

– Я не могу разобраться, что со мной. Ясно только – мне приятно слушать, что ты говоришь.

– Я хочу, чтобы ты знала, что я чувствую. Я люблю тебя.

– Я думаю, чем быстрее ты об этом забудешь, тем лучше.

– Ты злая, – я не шутил.

Нет ничего серьезнее обиды. Можно простить многое. Но не все.

Она не ответила. И не пыталась переубедить меня. Каждая женщина знает, что ей позволено требовать от мужчины.

– Ты для меня очень много значишь. Ты мне нравишься. Можешь думать обо мне, что хочешь, но это так, – моих слов о любви никогда не было больше, чем необходимо.

– Ты – забавный мальчик, – вот все, что она ответила.

Я был обижен. Меня очень легко обидеть. Никогда не умел скрывать свои обиды. Я интереснее того человека, о котором мне удастся рассказывать. Все, что я скрываю, превращается в ложь.

– Нет ни одной женщины, – сказала Наташа, – которая добившись превосходства над мужчиной не стала бы им злоупотреблять.

Я медленно улыбнулся. Она наклонила голову и прикоснулась ко мне лбом. Ее глаза закрылись. Мы стояли так ми-

нуту, закрыв глаза и прижавшись друг к другу лбами.

– Прости меня, – я старался убедить Наташу в том, в чем мне еще не удалось убедить себя.

– Я боюсь мужчин, способных убеждать.

– Я хочу обнять тебя.

– Будет только хуже.

Она не могла не заметить моего тона. Мы зависели друг от друга. Наташа боялась меня. Не мог не заметить этого. Даже влюбившись мне не удалось избавиться от ощущения, что я обманываю любимую женщину.

Не верить Наташе было легко. Я сопротивлялся. Справиться со мной можно лишь тогда, когда я сам захочу этого. Страдания женщины всегда выдуманы.

Услышал смех и открыл глаза. Я чувствовал себя усталым и мне было не до шуток. На меня накатила жалость, и я увидел себя одиноким.

– Я смогу простить все, что ты мне сказала. Именно в этом и состоит любовь, – важно не бояться и говорить все, что думаешь.

– Мне жаль, но я не извиняюсь.

– Если ты снова начнешь смеяться, то я перестану с тобой разговаривать.

– Хорошо, я не буду смеяться.

Я улыбался в ответ – это было так на нее похоже. Мне была необходима женская слабость. Только желание женщины может подчинить ее разум. Наташа не боялась своих жела-

ний.

– Кто тебя всему этому научил? – спросила она.

– Ты.

– Я не могу понять: ты добрый или злой? Ты уже достаточно взрослый, чтобы лучше себя знать.

– Рядом с тобой я не хочу быть взрослым. Рядом с тобой это получается само собой.

Разве я не делал, что хочу? Человек не может быть счастливым иначе. Я никогда не завидовал осторожным людям. Они теряют больше, чем находят.

Что она хотела со мной сделать? Я недостаточно умен. Но признаться в этом Наташе – значит, предать себя. С любимой женщиной хочется быть только умным.

Она смеялась надо мной. Мне хотелось упрекнуть ее в бесчувственности. Я уже сожалел о желании быть понятным. Теперь я должен был стать осторожнее. Но мне никогда не удавалось сдерживать свои чувства. Я не боюсь быть искренним.

– Наташа, я люблю тебя, – внезапно сказал я, когда она говорила мне что–то.

– Ах вот как. Ты любишь только себя. Ты любишь не меня, а свою любовь ко мне. Я мешаю тебе любить меня – это смешно. С тобой можно справиться только терпением.

Я ей ничего не ответил. Хотелось бы знать – почему? В ответ на ее слова я лишь улыбнулся.

Чужое счастье всегда обижает людей, которые его лише-

ны. Быстрое согласие женщины с мужчиной – проявление женской глупости.

– Я мог бы сделать тебя счастливой, – очень быстро я перестал сомневаться в этом. – А ведь ты несчастлива. Не знаю почему, но несчастлива. Может, и вообще никогда не была счастлива.

– Мне сложно угодить. Очень мало мужчин ищут продолжения своим неудачам.

Я посмотрел на Наташу – она смотрела на меня с улыбкой, полунасмешливой и сочувственной. Ее безразличие был убедительнее моего.

Я был удивлен. У меня получалось жить, не замечая себя. Те, кто любил, меня поймут.

«Будь осторожен», сказал я себе. «Не дай себя обмануть». Рядом с Наташей невозможное всегда могло стать реальным.

– Ты не знаешь, что такое любовь, – сказал я, глядя в лицо, которое все еще насмешливо улыбалось. Я испугался ощущения верности своего открытия.

Наташа смотрела на меня. Она не ответила, словно даже не слышала моих слов. Мне была необходима моя обида.

«Все должно быть не так», – говорил мой внутренний голос. Она была уверена, что я не могу ее любить. Я устал от ожидания любви. Прежде мне было сложно предположить, что от безразличия можно устать. Я боялся ее равнодушия. Не хотел ждать. Для меня необходимо чувствовать себя любимым.

В ее пальцах дымилась сигарета. Словно ничто не могло заставить ее говорить. Капризы женщины забавны, но приятного в них мало. Они не могут быть важны в отношениях.

Наташа протянула мне пачку и сказала:

– Закури.

У меня задрожали руки. Наташа поднесла зажигалку к кончику сигареты и сказала:

– Кажется, я должна научить тебя курить.

Мне не удавалось быть уверенным, что я – любим. Жизнь редко дает человеку то, о чем он просит.

Я не могу думать о любви спокойно. Не умею управлять своими чувствами.

Думать следует только о себе. Я не глуп. Но понимание своей ограниченности ужаснее глупости. Всегда считал себя особенным. Но я особенным никогда не был. Не стыжусь признаться в этом. Моя прежняя скрытность легко объяснима. Люди без воображения всегда одинаковы. Наташа не знает, как мне сложно быть оригинальным. Я утешаю себя словами. Больше нечем.

Важно не расставаться с любимой женщиной надолго. Не знаю радости более искренней, чем возможность любить.

Когда видел, как любимая женщина спала рядом, это уже невозможно забыть. Наташа думает, что мне нравится быть оригинальным. Она ничего не понимает во мне. Чувства к женщине очень сложны. Мне нравилось быть терпеливым. Когда человек уверен в том, что делает – у него все получается легко. Хочу перестать думать о случайном в себе.

Любят всего лишь раз – первый. Я хотел убедить Наташу в своей правоте.

– Ты не голоден? – спросила она.

– Нет, – ответил я, – сегодня у меня что– то нет аппетита.

– Может, мы просто устали? Обычно я все время хочу есть, а вот сегодня тоже нет.

– Конечно, мы просто устали. Все дело только в этом.

– Не каждой женщине удастся притвориться понимающей мужчину.

Мне было легко уличить ее во лжи. Я чувствовал, как она напряжена – в любую минуту могла сделать что угодно, что угодно сказать.

– Что случилось? – спросил я ее.

– Не знаю, – она смотрела не на меня, а прямо перед собой

– Я не хочу зависеть от твоего настроения.

– Что– то ты задаешь много вопросов.

– А почему бы нам не поговорить? Что в этом плохого?

– Посмотри на меня. У тебя не должно остаться вопросов.

Почему она была так жестока? Почему со мной?

Наташа очень быстро поняла, что со мной происходит.

Это было не трудно. А поняв, стала мучить и дразнить еще сильнее. И чем больше она меня дразнила, тем больше я ощущал себя влюбленным. Не умел отвечать шутками на ее шутки, соревноваться с ней в остроумии. Я мог только, терпеливо и глупо улыбаясь, терпеть ее издевательства. Это было мучительно. Она смеялась надо мной. Я не мог привыкнуть к ее смеху.

– Может, я и не похож на человека, который замечает, что с тобой происходит, но я все замечаю. Я просто не позволяю себе это показывать. Сам не знаю почему, – мне хотелось только пожалеть ее. – Мне кажется, между нами что– то изменилось.

– Не понимаю. Почему изменилось? Ничего не изменилось.

– Я– то изменился, а вот ты – да.

– Я такая же, как была.

– Ты слышала, что я сказал?

– Да, конечно. Но мне казалось, что мы уже достаточно говорили об этом.

Некоторое время изучал ее лицо.

Пытаешься меня убедить, будто не понимаешь, о чем я говорю? – я не должен был спрашивать ее.

– Мне с тобой скучно. Нельзя быть только наивным. Я устала от тебя. В отношениях с мужчиной разочарование никогда не бывает неожиданностью.

Я сделал вид, будто не заметил, как она смотрит на меня. Никогда не смогу забыть ее взгляд. Впервые я почувствовал раздражение от ее слов. Я не мог ее убедить. Мне захотелось пожалеть себя.

– О чем ты задумалась? – спросил я.

– Так, не о чем.

– О чем– то, чего мне не надо знать?

– Мне жаль, что все так получается.

– Ты не это хотела сказать.

– Мне следует перестать скрывать свое равнодушие. Мне не удастся заставить себя полюбить.

Я ничего не ответил. Сделал вид, будто ничего не слышал. В любви невозможно обойтись без обмана.

Я казался себе смешным и никому не нужным. Каждому мужчине необходимо, чтобы любимая женщина думала только о нем. Я не мог понять, что со мной происходит. Разве можно любить, обманывая?

– Я могу думать только о соблазне, – сказала Наташа.

– Глупость злит только в нелюбимой женщине.

– Ты не должен учиться у меня плохому.

– А когда попадается такой, который нравится тебе больше остальных, ты пытаешься его удержать?

– Все делаю, чтобы удержать.

– Умоляешь? Плачешь?

– И умоляю, и плачу, но удержать удается не всегда.

Я подумал о человеке, который бросил эту женщину. Я его не понимал. Мне не удалось стать единственным мужчиной рядом с Наташей. Да, это ясно. Ни в чем другом у меня уверенности не было. Не понимал, что она хочет.

Совсем не обязательно верить, что говоришь правду о себе. Не знаю людей, которые не выдумывали бы себя. Я спешил ответить на все возникающие вопросы. Наташа лишила меня спокойствия. Она сердилась на меня. Я догадался об этом. В женщине нет ни одного достоинства, которое было бы нельзя признать недостатком. Я узнавал Наташу. Это оказалось очень мучительно. Для женщины окружающие предметы важнее окружающих чувств. К безразличию невозможно привыкнуть. Успокоиться не получается.

Она посмотрела на свои руки. На ее лице появилось хитрое выражение, она словно раздумывала, говорить ей правду или нет. Я испугался. Это было неожиданно. Никогда прежде я не считал себя трусом.

Она вела себя как– то странно.

– Наташа, в чем дело?

– Золотой мой, я должна тебе кое– что сказать.

– По– моему, лучше не надо.

Наташа с минуту молчала. Потом сказала:

– А мне кажется, я должна. Думаю, в этом есть смысл. Сейчас было бы слишком ужасно молчать.

Ласковая улыбка неожиданно исчезла, а лоб рассекла вертикальная морщинка – она о чем– то думала.

– Что случилось? – спросил я.

– Скоро ты перестанешь меня любить. Я должна быть к этому готова.

– Не думай обо мне плохо.

– О чем же я должна думать?

– О нас. Думай о нас, – я сказал не то, что она хотела услышать.

– Похоже, что я не слишком– то тебя огорчаю

– Ко всему можно привыкнуть.

– Ни одной женщине никогда не удастся избежать разочарования в мужчинах.

Я не знал слов, которые могли бы переубедить ее.

Не пойму, как только не вскочил я тогда и не заорал. Только как можно спокойнее попросил:

– Продолжай.

– Как тебе кажется, правильно мы думаем? Я начинаю чувствовать себя счастливее, когда перестаю ожидать от мужчины многого.

– Не издевайся, – мне никогда не нравились мои разочарования. – Ты не смеешься надо мной?

– Почему я должна смеяться?

Разве я ошибался? Об этом невозможно спросить самого себя. Мне было не нужно ее признание своей вины.

Наши отношения перестали быть простыми. Я ждал, ко-

гда Наташа потребует что–нибудь за любовь. Наверное, у меня был растерянный вид, потому что она рассмеялась. Я совсем не хотел, чтобы мне удалось разочаровать ее в себе.

– Разочарование в чувствах к мужчине неизбежно, – объясняла Наташа.

– Как просто ты сказала. Перечеркнула мою любовь.

– Я умею быть снисходительной к твоим слабостям.

– Я не могу поверить тому, что ты говоришь. Ты же любишь меня.

– Люблю? Это ведь, знаешь ли, не обязательно может длиться вечно.

– Я хочу быть с тобой.

– Все не так просто.

Я не спросил ее – почему. Рядом с Наташей меня не унижала собственная глупость.

Она смотрела мне прямо в глаза и вроде говорила правду. Просто не припомню, чтобы она когда–нибудь так долго старалась объяснить мне что–то.

Я не сомневаюсь, что выгляжу глупым. Никогда не найду объяснение происходящему только в себе.

Разве я мог хотеть отомстить ей? Бессмысленно злиться на Наташу за то, в чем виноват я сам. Не хочу видеть себя злым. Мне кажется, Наташа довела меня до состояния, когда я уже перестал различать добро и зло. Любовь изменила меня. Нужно признаться, что я не стремился к этому.

– Каждый мужчина старается притвориться искренним, –

сказала она.

– Ты не сможешь меня обидеть.

– Женщина верит мужчине, только когда хочет верить, – чтобы проговорить эти слова, она приблизилась ко мне и уткнулась лицом в плечо. Я поднял ее голову и посмотрел на нее.

– Ты меня любишь?

– Не знаю.

Вопросом ничего нельзя объяснить. Я оказался вне ответа. Мне очень сложно сопротивляться Наташе. Я слабее. Невозможно быть уверенным в правильности всего, что делаешь. Но я не нахожу противоречий в своих чувствах.

– Есть слова, которые я тебе еще не сказала, – желание обмануть делало Наташу неестественной. – Ты хочешь узнать их?

– Нет, не хочу, – я не люблю ложь в других людях и не ищу обман в себе.

– Мне нравится причинять мужчинам боль. Иногда для этого достаточно сказать человеку правду о нем. Я вижу перед собой клоуна, – она знала обо мне что– то такое, чего я еще не знал.

Я потряс головой, словно не понял, словно ее слова были для меня слишком сложны. Только любимая женщина может сделать меня несчастным.

Я засмеялся. Смешного было мало, но я смеялся. Мне очень хотелось убедить себя, что я смеюсь над собой. Ис-

правлять собственные недостатки бесполезно. Влюбившись, я мог признать умной даже самую глупую женщину.

– Клоун. Я никогда не смогу относиться к тебе иначе. Ни одна женщина не может избавиться от ощущения необходимости унижать мужчину, – она казалась очаровательной только самой себе. – Ты очень смешон. Ты даже не понимаешь, как смешна твоя любовь.

Наташа рассмеялась, но ее смех звучал неубедительно. Я чувствовал, что она почему– то нервничает. Не понимал, зачем ей был нужен весь этот разговор. Она знала, что обидит меня.

Слушая ее, я не мог разобраться, в чем она права, а в чем – нет. Но я чувствовал ее разочарование.

Когда Наташа оказывалась в таком настроении, угодить ей становилось вообще невозможно. Она сердилась и раздражалась, если я во всем послушно соглашался с ней. Но возражения или молчание злили ее не меньше. Уверенность в любви женщины может быть только выдуманной.

Я не говорил Наташе то, что хотел сказать. Мне мешал страх. Я бы унизил свою любовь оправданиями. Зачем признаваться женщине в том, в чем я не признавался себе? Я чувствовал, что Наташа старалась убедить не только меня, но и саму себя. Я объяснил ее поступок. Любовь делает человека непредсказуемым и непонятым. Нет смысла сомневаться в очевидном.

Поцеловал ее и сказал, что никогда не боялся выглядеть

смешно. Никогда не боялся, что люди станут смеяться надо мной.

Я делал, что мог. Мне не в чем оправдываться.

– Быть уверенной в искренности мужчины можно лишь обманывая себя, – Наташа пыталась разглядеть фальшь в моих словах.

– Иногда мне кажется, что я лишь воображаю себя любимым.

– Ты никогда не умел шутить.

– Ты хочешь сказать, что я плохо использую свои возможности?

– Я не понимаю, для кого ты бережешь свои силы.

– Ты у меня одна.

– А что бы ты сделал, если бы я тебя действительно разлюбила? – Наташа злилась. И ей нравилось злиться.

Я знал, что она обманывает. Слушал ее, как слушал бы правду, потому что ведь неудобно обвинять любимую женщину во лжи. У меня был странный вид. Как будто ничего не случилось.

Больше она ничего не говорила. Она начинала страдать. Невозможно было понять, как она относится ко мне. Плохо или хорошо? Она слушала меня, опустив голову и закрыв лицо руками. Мне были видны только ее волосы. Иногда я начинал злиться на Наташу только потому, что она была мне необходима.

Впервые увидел ее такой и испугался. Любая женщина мо-

жет разочароваться в самой себе.

Наташа сидела напротив меня, замкнутая и неприступная. Мы могли оба выиграть или оба проиграть.

– Я просто задумалась о любви. О том, почему мужчины, которых я люблю, не такие, как мне бы хотелось, – она простила меня еще раз.

– Мальчик все понял. Он исправится, – всегда очень сложно извиняться перед женщиной за то, в чем не чувствуешь свою вину.

Мне было невыносимо терпеть, как она смотрит на меня. Только научившись обвинять мужчин в своих разочарованиях, женщина перестает обвинять себя.

– Прости, что я так себя вела, – сказала Наташа.

– Все нормально. То есть мне кажется, я тебя понял. По-моему понял.

– Твое серьезное отношение выдает наивность.

– Ты желаешь мне зла.

– Мне нравится причинять боль мужчине, которого я люблю. Посмотри на меня. Не будь таким сердитым и чужим.

– Ты не можешь не обидеть.

Я был обманут. Мне приходилось быть жертвой ее смеха. Я хотел видеть в ее глазах слезы.

Любовь сделала меня уязвимым. Мне никогда не нравилось быть смешным. Не знаю, есть ли разочарования, которые нельзя пережить. Делал вид, что ничего не произошло.

– Женщинам нравится мучить мужчин, – сказала она. –

Есть привычки, с которыми быстро не расстанешься.

С нежностью, без всякой злобы я подумал: «Ты сказала так, чтобы унижить меня».

Вид у нее был странный, но, как я понимал, он и не мог быть другим. Иногда Наташа пугала меня так сильно, как это не удавалось никому другому. Женщина, вообразившая себя умной, уверена, что может разочароваться в любом мужчине.

Я был снисходителен к недостаткам Наташи. Мое воображение делало ее интереснее, чем она была. Ни одно условие любви не кажется мне невыполнимым.

Уже мог представить себя нелюбимым. Рано или поздно это должно было случиться. Я знал о том, о чем Наташа еще не догадывалась.

Мне было неловко, я не знал, что сказать. А она делала вид, что не замечает меня. Я не мог изменить Наташу. Мне не хотелось понимать ее. Я люблю тайны.

Я чувствовал свою незащищенность перед женщиной. Повторял себе, что Наташа во всех отношениях взрослее меня и как мне крупно повезло, что она меня любит. Не мог сомневаться, что она меня действительно любит. Иначе вообще ни в чем нельзя быть уверенным в этой жизни. Я умею быть глупым, когда необходимо .

Мне хочется быть подробным в описании того, как все происходило. Обида не всегда позволяет мне помнить Наташу такой, какой она была в действительности.

Все, что она говорила, было правильным и логичным. Но понял я это позже. А тогда я только растерянно смотрел на нее, не веря тому, что слышал. Я чувствовал себя одиноким. Меня злило, что мои слова не производят на Наташу никакого впечатления. Никогда не следует стараться узнать то, что скрывает женщина.

Мне казалось, что я обезумел от ощущения своей беспомощности. Не знаю, что заставило меня подумать именно так.

Наташа была далеко от меня. Она была со мной, но где-то очень далеко. Так было всегда.

Ищу слова, которые передали бы, что со мной происходит, но слова коварны и своевольны. Мне не удастся почувствовать себя обиженным Наташей.

Если я и был неискренним, то совсем не в том, в чем притворялась она. Не только сомнения делали меня неловким и смешным. Старался не злиться. Было бы обидно, не сумею я выместить на ней свою злость. Ненавидеть Наташу было бы правильнее. Но разве любовь, какая бы она ни была, имеет что-нибудь общее с логикой?

Если бы слова Наташи были правдой, она бы вела себя иначе. Мне не удавалось поверить в искренность ни одного из ее признаний. Было необходимо убеждать ее в искренности моих чувств. Я не ощущал себя убедительным. Мне больше нравилось чувствовать себя обиженным. Я не знал, кому из нас сложнее, кто из нас ошибался больше.

Мне хотелось, чтобы Наташа разоблачила мое притворство. Я запутался. Она меня запутала. Мое притворство разочаровывало нас обоих.

Наташа заставляла меня чувствовать мою уязвимость. Я ждал, когда ее желание унижать перестанет быть ей необходимо. Оправдываться перед любимой женщиной мучительнее, чем оправдываться перед собой.

Мне приходится оправдывать свои неудачи. Был неумел и смешон. Иногда мне хотелось обидеться на самого себя. Никто не знает всю правду обо мне.

Нам с Наташей было не легко обоим. Почему я раньше этого не замечал? Я ощущал ее равнодушие ко мне. Она вынуждала меня быть жестоким по отношению к самому себе.

У нее появилась привычка щипать меня. Она захватывала своими пальчиками, как щипцами кожу у меня выше локтя или еще где—нибудь и сжимала изо всех сил. Я весь

покрылся синяками. Иногда, чтобы разозлить женщину, достаточно во всем соглашаться с ней.

– Наташа, что с тобой происходит?

– Я сыта по горло.

Я не спросил – чем.

– Нельзя говорить так с тем, кого любишь. Нельзя, – я хотел убедить ее.

– Я ничем не могу тебе помочь.

– Знаю.

– Я не могу поднимать каждого упавшего.

Лишь женщина, не способная любить, старается не забывать рядом с мужчиной о своей разумности.

Мне не хотелось сомневаться в любви Наташи. Я труслив. Она не умела быть снисходительной. Очень сложно обвинять любимую женщину. Мне не нужны причины для сомнений в любви.

– Наташа, – спросил я, – ты меня любишь?

– Да. Но, наверно, недостаточно. Или не так, как нужно.

Она говорила так спокойно, что невозможно было обидеться. Не знал, что ей ответить. Я всегда завидовал людям, которые твердо знали, – или считали, что знали, – как надо жить и что надо думать.

– Любовь – это эгоизм, – сказала она. – Обычно, когда знакомишься с мужчиной, всегда преследуешь несколько целей. Только глупая женщина доверяет мужчине во всем.

– Вот видишь.

– Что я вижу, крошка?

– Ты любишь меня.

Я не был уверен, что Наташа не притворялась. Женщины боятся своих желаний. Хотел ей сказать про это. Про то, что думал и о чем словами не скажешь и не сказал ничего.

Любая женщина непредсказуема. Наташе нравилось огорчать меня. Но я не верил, что она будет такой всегда. Попытался собраться, почувствовав себя неувереннее. Что– то в ее поведении подсказывало мне, что установленные между нами отношения нарушаются. Я испугался этого. В моем страхе нет ничего удивительного. Я не хотел чувствовать себя несчастным. Но унижение любовью всегда неприятно. У меня возникло желание противоречить себе.

– Есть ситуации, которые нельзя распутать, – сказала Наташа. – Твоя беда в том, что ты все хочешь понять. Это невыполнимо. Такова истина.

– К черту истину.

– Я завидую твоей уверенности.

– Перестань издеваться надо мной.

– Ты смешон.

Сделал озабоченное лицо и ответил, как будто эта мысль только что пришла мне в голову:

– Я такой, какой я есть.

– Ну– ну, – еле слышно прошептала она. – Кто бы мог подумать такое?

– Тебе хочется подразнить меня? – спросил я.

Было невозможно понять, притворяется ли Наташа. Я притворялся. Хотел убедить себя в случайности происходящего. Никак не мог отказаться от своих иллюзий. Видел лишь то, что хотел видеть.

Она ответила не сразу и, пока длилось молчание, я чувствовал себя беззащитным перед нею. Был вынужден скрывать свое состояние не только от Наташи, но и от себя. Она вообразила, будто подчинила меня полностью и хотела убедиться, что я по-прежнему покорен ею.

– Я скажу тебе все: я с тобой ничего не чувствую. Ты знаешь, о чем я говорю, – Наташа рассказывала о себе то, что я не хотел слышать.

– А ты сама – то знаешь, что говоришь?

– Я не хочу повторять свои ошибки.

Не следует требовать от женщины ответы на все свои вопросы. Я ждал, когда она ответит, но дождавшись, совсем не обрадовался. Мне не нравилось, что она говорила. Спорил и боялся проиграть в нашем споре. Уверенность Наташи делала меня слабым. В такие моменты я думаю только о себе и ощущаю себя очень несчастным.

– Мне необходимо понять, – сказала она.

– Понять что?

– Что ты делаешь в моей жизни?

– Я все сейчас тебе расскажу, – я пытался разобраться, кому говорил это: ей или себе. – Я сделаю все. Все, что ты хочешь.

– Я знаю. В этом– то и заключается проблема.

– Что ты имеешь в виду?

– Ничего. Забудь.

Наташа улыбнулась, словно мы просто обменивались шутками. Я не заметил, как стал ей безразличен.

Боялся, что расплачусь. Закрыв глаза, я пробовал овладеть собой. Равнодушие любимой женщины всегда повод для отчаяния.

Я не старался понять ее. Не хотел с ней соглашаться. Убеждал себя в своей правоте.

– Извини меня. Ты видишь, я не знаю, что говорю, – Наташе нравилось мучить меня.

– Дай мне во всем разобраться. Я, знаешь ли, уже вполне взрослый человек, – невозможно говорить лишь то, что хочет слышать женщина. – Может, для тебя все лишь шутка? Кажется только забавным? Наташа, не надо все портить.

– Что именно?

– Не надо, – я бы меньше страдал, если бы она знала, что я страдаю.

Но я не спешил объяснять себя. Не мог сказать того, о чем следовало кричать. Мне не удавалось убедить себя, что я понимаю любимую женщину.

Сделал еще одну попытку быть честным с собой, но опять тщетно. Никак не мог решиться на такую простую вещь. Безразличие Наташи ко мне было правдивее моего безразличия к ней.

– Ты меня любишь. И мы понимаем друг друга. А это редко бывает, ты сама говорила, – я должен был избавить наши отношения от неопределенности.

– Я понимаю. Или понимала. Когда любила тебя. Я ничего не хочу, – она была уверена, что понравится мне любой. – Я делаю то, что должна. Женщины никогда не доверяют мужчинам только потому, что редко доверяют самим себе. У тебя тоже есть свои проблемы?

– У кого их нет?

– Но ты о них не говоришь.

– Зачем говорить?

– А чтобы легче стало. Я должна с кем– то поделиться. Совета я у тебя не прошу. Или прошу? Нет, не думаю. Просто хочу поделиться.

– Ну что ж, делись. Любовь делает меня глупым. Может быть, я вижу в наших отношениях то, чего в них нет.

– Мужчина всегда найдет причину, чтобы подозревать женщину во лжи. У тебя нет права что– то требовать от меня.

– Почему ты говоришь так, словно угрожаешь мне?

– Потому что это так и есть. Я начинаю тебя бояться. Тебя невозможно понять, – Наташе удавалось притворяться дольше меня.

– Если бы.

– Твоего недовольства хватит на десятерых. Это не смешно. Это даже не смешно. Мужчина всегда начинает ненавидеть женщину, которую ему не удастся удержать рядом с со-

бой.

Я не верил своим догадкам. Мне не хотелось убедить себя в правоте Наташи. Я отлично знал, что именно мне хотелось сказать ей, но не решался. Обычно она выглядела моложе своих лет, сейчас – намного старше. Любим из своих признаний я мог унижить ее.

Я плохо слушал, что она говорила. Смотрел, как она говорит, а это было совсем другое дело. Я был уверен, что она видела все, выражавшееся в моих глазах.

Она говорила совершенно спокойно. Как будто мы болтали о пустяках. Наташа была откровенна со мной только потому, что мы двигались в никуда. Она говорила все то, что обычно говорят человеку, с которым хочется расстаться.

Мне было необходимо оправдаться.

Наташа хотела почувствовать себя сильной. Для меня это оказалось неожиданностью. Скрыть удивление невозможно. Защищаться следует только при нападении.

Я не знал, что мне следует делать. Наташа не позволяла мне быть довольным собой. Не каждый влюбленный может понять свою любовь.

– Я чувствую, что мы оба что– то умалчиваем, – сказала она. – Я уже не молода.

– Как будто вместо тебя может быть другая.

– Будь же наконец взрослым.

– Не надо считать меня ребенком.

– Ты всегда говоришь то, что мне хочется услышать. Жа-

лости мне не надо. Я не люблю страдать, – Наташа уже была готова обидеться на меня.

– Что с тобой происходит? Может, ты на что–нибудь сердисься?

– Да нет, не в этом дело. Просто, по–моему, нам с тобой надо расстаться.

– Но почему? Почему так вдруг?

– Вовсе не вдруг.

– Я не понимаю.

– Все ты прекрасно понимаешь.

Я рассердился. Остро почувствовал обиду, – обиду, которую чувствуешь особенно остро, когда сам знаешь, что ты неправ. Мне следовало перестать выдумывать свои чувства к Наташе.

Я чувствовал себя виноватым, как будто она уличила меня во лжи. Совсем не хотел, чтобы мои чувства обезоружили меня. Был в совершенной растерянности. Это еще мягко говоря.

Что–то кончилось. Не стоит отрицать, эта мысль приходит мне в голову. Я не создаю себе никаких иллюзий. Я устал от всех сомнений. Между нами все–таки что–то произошло. Словами невозможно объяснить любовь.

Наташа взяла мою ладонь в свою. Я не сопротивлялся. Не находил в себе желания возражать женщине, которая чувствовала рядом со мной превосходство.

Мне казалось, что она знает о чем я думаю. Я не сомне-

вался в своей любви. Сомнения были не нужны нам обоим.

Любовь становилась мучительна для меня. Боялся проговориться о том, что Наташа не должна была знать. Не мог привыкнуть к ее равнодушию. Не понимал, что происходит. Мне было нелегко, но и через это нужно пройти.

Наташа сделала меня беззащитным перед собой. Я не мог ожидать, что она приобретет такую власть надо мной. Не понимал, как одновременно в женщине могут уживаться жестокость и нежность. Для меня важно объяснить это самому себе.

Глядя на Наташу, я чувствовал сильную усталость. Мне следовало быть внимательнее к ее желаниям. Она мне не безразлична. Я находил для нее оправдания. Продолжал выдумывать любимую женщину. Я не позволял себе быть несчастным. Но все было только плохо. Все. Я думал, что так не бывает. С возрастом жизнь не становится легче.

Я расстроился, очень расстроился. Но говорить об этом с Наташей не имело смысла. Ей уже не удавалось скрывать свое безразличие ко мне. Человек никогда не бывает благодарен, когда его любят. Почему она не задумываясь разрушала мое счастье? Иногда даже любимая женщина может заставить сожалеть о любви.

Я уговаривал себя, все твердил себе «она говорила несерьезно». Только любовь женщины может наполнить мою жизнь смыслом.

Стиснув зубы, я повторял себе: «все, что произошло, было неизбежно, раз оно произошло». У меня не должно было остаться вопросов. Я почти знал, что мне делать. Все становилось по своим местам. Не следует обвинять женщину в том, в чем она никогда не признает себя виноватой. Эгоизм Наташи уже не удивлял меня. Прощал ей больше, чем простил бы себе. Я не хотел любить, сомневаясь.

Я начинал привыкать к своему унижению. Мужчина всегда боится соглашаться с женщиной. Я боялся узнать о Наташе больше того, что уже знал. У меня была причина для страха. Ненавидеть женщину всегда легче, чем любить.

Все, что я делал, отнимало у меня много времени. Нужно было постараться обойтись без оправданий. Я старался заставить Наташу думать так, как думал сам. Неудачи делали меня умнее. Ошибки полезны.

Мне действительно было сложно с ней. Постоянно доказывать свою любовь очень утомительно. Непредсказуемых желаний в Наташе всегда оказывалось больше, чем мне хотелось. Неопределенность в любви – это очень больно.

– Почему ты молчишь? – спросила Наташа.

– Думаю.

– Если я много думаю, мне становится грустно. Чувствую себя вдруг постаревшей.

– У тебя расстроены нервы.

– Не то слово, – подтвердила она. – Еще бы не расстроены.

Мне казалось, что я не удивлен. Но я притворился удивленным. Очень неубедительно. Ни одна женщина не стремится стать умнее.

Почему я так часто говорил себе, что эта женщина мне дороже всего в жизни? Этого вопроса я боюсь больше всего – я не знаю, как на него ответить.

– Мне нравится твоя новая стрижка. Я говорил тебе?

– Мы говорим не о моих волосах.

– Не понимаю, что ты имеешь в виду.

– Я думаю, понимаешь.

– Если я тебе мешаю, надо так и сказать.

– Никому не удастся избежать ошибок.

– Нет, – соглашался я, не сомневаясь. Конечно, нет. – Почему у тебя такой голос?

– Какой?

– Злой, – иногда я говорил Наташе то, что было бы правильнее скрыть.

Она посмотрела на меня с каким– то сочувствием, словно я сказал какую– то глупость. Потом махнула рукой, что означало: «он сам не знает, что говорит».

– Подходящий момент для ссоры, – сказала она.

– Мы не должны ссориться.

– Моя уступчивость может быть только притворством. Самих себя женщины обманывают так же часто, как и мужчин.

Я застыл, чувствуя, что сейчас, возможно, пойму, какую же ошибку совершил. И не знаю, что больше – удивили меня ее слова или огорчили. Наташа словно торопилась оправдать все мои подозрения.

Я ощутил, как к глазам вдруг подступили слезы. Но – нет. Нет. Я не стал плакать. Уступить женщине было бы глупостью.

– Я отказываюсь тебя понимать, – сказал я.

– Не капризничай.

– Ты делаешь мне больно.

– Не будь занудой.

– Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю, – мне очень хотелось унижить ее. Я перестал говорить то, что Наташа ожидала от меня. Любовь сделала ненужным любое притворство.

– Мне совсем не интересно твое мнение..

– Было бы честнее, если бы ты предупредила меня об этом заранее, – я сердито усмехнулся, как будто собираясь причинить ей боль, и ненавидел ее за это. Наши отношения нельзя было назвать простыми.

– Я – то тебя понимаю. А вот ты меня – нет. Беспомощность делает всех мужчин похожими между собой. Тебе сле-

дует успокоиться.

Мне было так обидно, что я с трудом нашел слова для ответа:

– Какая ты злая.

– Я просто пытаюсь сказать тебе то, что важно для нас обоих.

Наташе нравилось чувствовать себя умнее меня. Я не мог понять то, что уже поняла она. Мы не понимали друг друга. Ее упрямство разочаровало меня. Было очень мучительно сознавать свою зависимость от Наташи. Мне казалось, что я никогда не привыкну к ней. Женщина умеет быть только эгоистичной.

– Я всегда чувствую, когда ты на меня сердишься, – для того, чтобы разочаровать любую женщину, мне достаточно оставаться естественным.

– Мне не нравится выслушивать от тебя упреки. Ты бы не говорил так, если бы любил меня, – то же самое ответила бы мне любая женщина.

– Я хочу, чтобы ты относилась ко мне серьезно.

Я не мог разобраться в себе. На самом деле не мог. Чувствовал себя совершенно беспомощным: у меня не было над Наташей власти. В равнодушии женщины ко мне нет ничего необычного. Больше не сопротивлялся ощущениям, которые она во мне вызывала.

Я никогда не был оригинален в мыслях. Недоверчивость – мудрость дурака. Счастье возможно только в мечтах, иногда

– в воспоминаниях. Женщина обязательно обманет мужчину.

– Почему ты обращаешься со мной, как с ребенком? – спросил я.

– Не будь ко мне таким строгим.

– Почему?

– Ты знаешь почему. Ты – это ты, а я – это я. Любой человек при желании может привыкнуть к моим недостаткам так же, как к ним привыкла я.

– Я понимаю все, что происходит. Я не верю ни одному твоему слову.

– Ничего не поделаешь, придется поверить.

– Мне не нужно твое безразличие, – сказал я лишь для того, чтобы не молчать.

– Клоун, – она говорила, не слушая меня.

«Держись», попросил я себя. «Ты еще можешь стиснуть зубы». Так и должно было быть. Нужно знать женщин, чтобы согласиться со мной.

Я не догадывался, что необходимо делать в такой ситуации. Узнавать мнение о себе любимой женщины не всегда приятно. Может быть, мне не удавалось относиться к Наташе так же внимательно, как я относился к себе. Не старался угодить ей. Невозможно нравиться каждую минуту, если стараешься быть честным.

Она пристально смотрела на меня, и в ее взгляде я увидел что– то похожее на жалость. Я был не так откровенен, как

она: я не ответил. Наташа никогда не услышит от меня этот ответ: «женщинам нравится унижать мужчин».

– Никто не изменит мое прошлое, – сказала она.

Не следует бояться женской откровенности. Не был виноват перед ней. Кто– то другой.

– У меня тоже было прошлое, – я не возражал.

– Тебе нужно меньше, чем другим мужчинам. Не заблуждайся.

– Зачем ты мне это говоришь? – я начинал ощущать тяжесть ее слов. – Что ты мне хочешь доказать?

– Я не тебе хочу доказать. Я себе хочу доказать.

– Не пытайся все опозлить.

– Ты слышал, что я сказала?

– Слышал, но не верю этому.

– Я и сама не слишком верю. Мне не надо было тебе это говорить. Я сказала глупость. Ну прости меня, маленький.

Наш спор был выгоден только ей. Я не хотел быть виноват в саморазоблачении. Всегда боялся разочарований в себе. Почему они стали для меня возможны? Об этом легко спрашивать, лишь когда заранее знаешь ответ. Я не понимал, что происходило. Обида мешала мне думать.

Наташа рассмеялась, но я не смеялся вместе с ней. «Жестоко», подумал я. «Она искренна даже тогда, когда обманывает».

Я узнавал о Наташе много нового. Все, что казалось мне в ней ложью, могло оказаться правдой. Мне не нравились мои

предположения.

– Знаешь, что я думаю? – спросила она.

– Что?

– Твоя беда в том, что ты постоянно недооцениваешь себя.

Не выдавай желаемое за действительное.

– Ты права. Я ничего в себе не понимаю. Объясни.

– Ты знаешь, что я имею в виду. Я смеюсь не над тобой.

Я смеюсь над собой.

– Ты могла бы и не говорить этого.

– Может, мне нужно было сказать это.

– Не надо делать мне одолжений.

– Может, поцелуешь меня?

– Нет.

– Что ж, очень жаль. Потому что мне хочется.

Я испугался того, в чем признался. Конечно, это была неправда. Наташа должна была меня понять.

Я поднял глаза, встретился с ней взглядом и убедился, что она говорила искренне. Ей нравилось мое унижение. Рядом с Наташей мне удалось избавиться от самоуверенности. Я был только маленьким, беспомощным и бесконечно уязвимым. Никто не может унижить меня сильнее, чем любимая женщина. С каждым новым ее словом я становился несчастнее.

– Надеюсь, мы сможем притворяться, что между нами ничего не было, – сказала она.

– Зачем? Наташа, почему ты отыгрываешься на мне?

– Я не делаю этого.

– Делаешь. Не говори так. Мне больно, – я был обижен. Меня легко обидеть.

– Не обращай внимания. Женщины, знаешь, бывают такие злые, такие гадкие, – ее равнодушие делало меня ненужным для себя.

Я услышал то, что не хотел услышать. Наташа не видела во мне мужчину. К горлу подступила боль, физическая боль, которая мешала говорить, душила меня. Мне не удалось правильно угадать момент для расставания.

Она ничего не говорила и закрыла глаза. На ее лице было выражение усталости, которое я никогда прежде не видел.

Я не мог говорить. Да и не знал, что сказать. Такие люди, как я всегда неловки.

Так мы просидели несколько минут. Наташа словно что-то ждала, опустив голову. Обычно она не молчала, даже если ей было нечего сказать. Но эта женщина могла убедить меня и своим молчанием.

Неожиданно я на нее разозлился. Встряхнул ее. Она все еще не открывала глаз.

– Ты не сможешь ничего объяснить своим молчанием. Просто продолжай говорить, – я сердился и на себя за свое любопытство.

– Мы разговариваем.

– Не так, как раньше.

– Нужно уметь избавляться от своих заблуждений.

– Наташа, я не понимаю тебя, – я пытался обманывать. Я

этого никогда не умел.

– Мне нечего тебе сказать. Абсолютно нечего, – она словно не замечала меня.

Я закрыл лицо руками, чтобы спастись. А от чего – сам не знал. И закричал. Этот крик сидел во мне очень долго. И вместе с криком, таким огромным, что он еле проходил в горло, я ощутил, как от меня уходит часть моего прошлого. Я разозлился и стал жестоким. Может быть, ей моя жестокость была необходима больше, чем мне. Мы оба кричали, не слушая друг друга. Я сознавал, что выкрикиваю злые слова, но ничего не мог с собой поделать. Рядом с Наташей мой разум оказывался бесполезен.

Что– либо кричать друг другу было, конечно же, бессмысленно. Вернулось мучительное ощущение своей беспомощности. Нет ничего страшнее разочарования в себе. Я не хотел, чтобы Наташа перестала нравиться мне. Очень старательно помогал ей обманывать меня.

– Зачем ты на меня кричишь? – спросила она.

– Я не на тебя кричу. Я на себя кричу, разве непонятно?

– Это смешно.

А я даже не улыбался.

Не хочу оправдываться. Я виноват не больше Наташи. Может быть, я ощущаю любовь не так, как ощущает она. Я слишком молод. Не всегда понимаю причины поступков других людей. Обвинить себя не удастся.

– О господи, малыш, ты совсем, как я, – проговорила

она. – Слишком близко все принимаешь к сердцу.

– Ну, пожалуйста. Я тебя люблю. Мне тебя надо, – мой голос звучал неуверенно, а слова, казалось, застревали в горле. Но мне стало легче, когда я сказал правду. В наших отношениях не должно было остаться неясностей.

– Я не хочу, чтобы ты просил меня о любви.

Она улыбнулась, но я не улыбнулся в ответ. Мне показалось, будто нужно от чего– то спастись, пока не поздно. Наташей двигала не злость и не любовь, а что– то напоминающее любопытство. Я ничего не понял. Странно. Я не глуп.

От утешений не становится легче. Это было бы чудом. Я не верю в чудеса.

Между нами опять наступило жуткое молчание. Я осознал свою беспомощность. Не мог ничего придумать. У меня нет воображения.

Самое худшее, что Наташа была права. Я чувствовал это. Могу пожаловаться на любимую женщину только самому себе. Разве я должен был ей возражать? Ни в каком другом своем решении я не ощущал себя более жалким. Она, казалось, понимала то, что я понять не мог. Любовь не бывает простой. Как это ужасно, когда женщина, которую любишь, только жалеет тебя.

Узнаю о себе много нового. У каждого человека есть тайна, которую хочется спрятать от всех. В жалости женщины к мужчине нет любви. Я не стыжусь того, в чем признаюсь. Не верить любимой женщине так же невозможно, невозможно

не верить самому себе.

В наших отношениях появилось что– то фальшивое и жестокое. Я не знал, кто в этом виноват. Наташа старалась разлюбить меня. Мое ощущение любви тоже перестало быть прежним. Но я старался не замечать перемены. Ничего особенного не происходило. Просто я узнавал, что убедить женщину словами невозможно.

Утешал себя мыслью, что может она любит меня хотя бы вполчину также сильно, как люблю ее я. Ни один мужчина не привлекает женщину своей искренностью. Иногда мне казалось, что ее равнодушие перестало быть притворством

Я должен был быть уверен, что знаю Наташу. Что она такая, какой я ее видел. Хотел быть уверен в своем знании. Женщину очень сложно уличить во лжи. Она не должна была догадаться о том, что я боюсь с ней расстаться.

– Почему все стало хуже? – спросил я.

– Подумай.

– Я перестану тебя спрашивать.

– Почему ты стараешься вывести меня из себя? Мне приходится прилагать усилия, чтобы сдерживаться. Прошу тебя, не надо.

– Я просто пытаюсь быть объективным.

– А я не прошу тебя быт объективным. Ну когда же ты

повзрослеешь?

Я спрашивал себя об этом чаще, чем меня спрашивала она.

Внимательно смотрел ей в лицо, но на нем ничего нельзя было прочесть. Я замолчал. Наверно, я говорил глупости. Не мог выразить свою мысль.

Желание любви есть в каждом человеке. Я молчал, стараясь заставить пересохшие губы выговорить нужные слова. Мне не хотелось думать о другом. Не следует сдерживать свои чувства. Я умею избавляться от сомнений. Это необходимо уметь.

– Не смотри на меня так, – попросила Наташа.

– Я смотрю на тебя, как всегда.

– Нет, не так, как всегда. Ты смотришь, как ...

– Как кто?

– Женщина любит лишь мужчину, который подчиняет ее. Я не смог объяснить ее слова.

– Ну так в чем же дело? Я вся внимание.

– Я сегодня какой – то глупый, сам не свой.

– Разве у тебя нет другой возможности быть мне интересным?

– Скажи, ну как такое можно стерпеть?

– Все терпят. И не такое еще. Знал бы ты, что приходилось терпеть мне.

– Меня легко убедить.

– Стараюсь. Глупый клоун. Ты мне безразличен. Все зна-

ют, что ты смешон. Я тебя не люблю, просто терплю. Скучный дурак, я просто жду, когда ты оставишь меня в покое.

– Ты злая. Да, ты очень злая.

– Всему можно найти оправдание.

– Нет, – ответил я. – Нет. Обойдемся без объяснений.

– Наверное, мы зашли в тупик, – она никогда ничего не объясняла.

– Ты пытаешься себя в этом убедить?

Я уже давно пытался представить, что она может сказать такое, или мне казалось, что я пытался себе это представить. Но удар оказался очень сильным. Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы это скрыть. Слова Наташи делали меня несчастным. Она обидела меня. Безразличием легко обидеть. Я оказывался не нужен любимой женщине. Иногда мне казалось, что я переставал быть необходимым самому себе.

Я чувствовал, что нахожусь в состоянии такого физического напряжения, когда слышишь собственное дыхание. Боялся сделать что– то непоправимое. Утаить страх от себя невозможно. Я не хотел, чтобы о нем узнала Наташа. Никогда не следует признаваться женщине в том, что может меня унижить. Не хотел в себе разочаровываться. Я не готов измениться из– за Наташи.

– Ведь не можешь же ты бросать меня вот так, даже ничего не объяснив, – сказал я. – Нам надо поговорить.

– По– моему, нам уже совершенно не о чем говорить.

– Когда есть время поговорить, ты не можешь говорить, –

я очень хотел разоблачить ее обман.

– Нет, – женская нерешительность понятна.

– Как будто нам совсем не о чем разговаривать.

– Если и скрываю от тебя, так вовсе не то, что ты думаешь. Мои неприятности не имеют к тебе никакого отношения. Потерпи, через несколько дней все прояснится. Тогда, если будет нужно, я тебе все скажу, – Наташа говорила не обо мне. Я не знал о ком.

Я любил женщину, которую мне не следовало ни о чем спрашивать. Она понимала меня не так, как мне хотелось. Я не искал для нее оправданий. Мне было не нужно убеждать ее в своей правоте. Я решил. Покорился Наташе. Теперь со мной могло случиться что угодно.

– Я – старая, – сказала она. – У меня уже нет чувства будущего, которое есть у тебя. В каждой женщине есть ощущение, которое она старается скрыть от себя.

– Ты какая– то странная сегодня. Зачем тебе понадобилось все портить?

– Теперь твое улыбающееся лицо совсем не радует меня.

– Разве я не смешной?

– Не всегда. Вот сегодня ты совсем не смешной. Я тебе завидую. Я бы дорого дала, чтобы помучиться от любви.

Никогда прежде она со мной так не говорила. Хотел ее обнять, но не мог. У меня перехватило горло. Хотел сказать Наташе еще о многом, о чем прежде никогда не говорил, а теперь говорить уже поздно. Я только сжал зубы. Ей нужно

было увидеть мое лицо: ничего не происходило.

– Я тебе мешаю. Надо было так и сказать.

– Не заводись, – возразила она. – Если мне кто– то и мешает, то во всяком случае, не ты.

– Я не могу понять, что ты хочешь.

– Я не хочу притворяться.

– Видимо, ты подразумеваешь что– то другое.

– Ничего такого, что тебе надо объяснять.

– Это ты так думаешь.

– Я не знаю, что со мной. Мне не легче, чем тебе. Невозможно радоваться каждому своему желанию. Мои оправдания не нужны нам обоим.

Зачем она говорила это? Почему она не могла быть мягкой и нежной?

Я был уверен, что мне хочется знать правду. Наташа могла быть счастлива и без меня. Очень легко почувствовать себя несчастным. У меня получалось плакать без слез.

Она пристально посмотрела на меня. У нее была манера, которая меня злила. Уставится на меня и долго смотрит в упор, словно гипнотизируя.

Разве я должен был соглашаться со всем, что она говорила? Я уже знал о всех недостатках Наташи, но она изменялась быстрее, чем я успевал к ним привыкнуть. Я чувствовал ее превосходство. Я все еще был уверен, что во мне может разочароваться любая женщина.

– Мы должны стараться любить друг друга, – я не пере-

ставал убеждать ее в своей любви.

– Жить надо проще. Быть эгоистом.

– Я не смогу воспользоваться твоим опытом.

– Ты ничем не лучше других. Не воображай.

– Для меня любовь – не игра.

– Притворство естественно в каждом мужчине.

– Ты глупая.

– Ты говорил, что я – умная.

– Извини, пожалуйста.

– Нет.

– Чтобы развлечь меня, не надо заходить так далеко.

– Это не шутка. Ты что, не знал, что я кусаюсь?

– Забыл.

– Каждый мужчина думает о себе раньше, чем о женщине.

– Не вижу в этом ничего страшного.

– Просто ты смотришь невнимательно.

– Нужно оставлять за собой право выбора.

– Ни одна женщина не простит пренебрежения собой. Я не хочу, чтобы однажды ты начал пренебрегать мной, – женская способность обижаться создавала мне много проблем.

– Я подумаю. Решение не должно быть случайно, – я оставался равнодушным. Хотел заставить себя обрадоваться. Женщине невозможно запретить заблуждаться.

– Подумай.

– Ты не должна все решать за меня.

Говорил очень убедительно, но она мне не поверила. Я

наблюдал за ней. Наташа еще никогда не была так красива. Она разочаровалась во мне быстрее, чем я разочаровался в ней.

– Непонятно, что ты ждешь от меня. Ни одному мужчине никогда не удастся изменить меня, – она говорила очень мягко, но то, что она говорила, непонятно почему звучало угрожающе.

Тем же бесконечно ласковым тоном она негромко сказала:

– Ведь мы обманываем себя, да?

– Ты о чем?

– О нас обоих.

– Я никогда не смогу относиться к тебе иначе.

Самое страшное, что Наташа не ответила. Посмотрела так, словно предоставила мне самому решать – да или нет. Чувствовал, что она старалась обмануть меня, но не мог понять, в чем.

Почему она отнеслась к моим словам так безразлично?

Пытался что–то придумать. Я не собирался отказываться от задуманного. Вот и все, чем ограничивалась моя власть над ней. Я слаб для ненависти.

Не следовало огорчаться больше, чем необходимо. Я догадывался, что Наташа притворялась. Недостаток, который не нравится женщине в одном мужчине, может привлечь ее в другом.

«Если она засмеется», подумал я, «то она останется».

Наташа засмеялась.

Она рассмеялась своим привычным смехом, который радовал меня, даже если она смеялась надо мной, даже если она и не объясняла, почему смеется. Я не пытался спрятаться от ее смеха. Никогда не бегу от неизбежного.

– Что тут смешного? – спросил я.

– Ничего.

– Ну что с тобой? Что происходит? – словно спрашивал самого себя.

– Извини. Я не должна была так говорить.

– Не мне тебя останавливать.

– Скоро моя власть над тобой закончится. Слишком часто мне приходится слышать слова о любви. Слова никого не могут изменить.

Не понимаю, почему мне нравится обижаться на Наташу. Но мне не удастся разочароваться в ней. Не хочу этого сильнее, чем хочет она.

Только рядом с Наташей у меня получалось говорить о самом важном – о себе. Я избавлялся от сомнений. Я знал причину своих поступков: равнодушие женщины мучает только влюбленного мужчину. Все дело в том, что я любил ее сильнее, чем она любила меня.

Я чувствовал себя в дурацком положении. Наташа демонстрировала свое превосходство надо мной. Жалеть себя некрасиво.

«Прекрати», сказал я себе. «Ты ведь упрямый, упрямее всех на свете». Мне приходилось убеждать не только ее, но

и себя.

– Успокойся, – проговорила она. – Лучше постарайся успокоиться и понять. Женщина никогда не поднимает упавшего мужчину.

Не поднимет она. Мне не удастся выдумать о Наташе злые слова. Не хочу этого.

Какое– то время мы молча смотрели друг на друга, затем она тихо вздохнула. Наташа для меня не была загадкой. Чем угодно, но только не загадкой.

Не всегда удается предугадать последствия своих переживаний. Не мог решить, какая реакция на ее слова будет для меня выгодней. Старался думать о ней по– честному. Это было все, что я мог для нее сделать. Для женщины мысли не имеют никакой ценности.

Соппротивление любви всегда болезненно. Мне было не нужно мое признание вины. Почувствовал неожиданный приступ жалости к себе. Я был прав и знал это. Словно вырос и стал взрослым. И словно смотрел на любимую женщину другими глазами. Я не мог не удивляться тому, что происходило между нами. Очень неудобно быть виноватым в любви. Я мог вызвать у Наташи только чувство жалости.

– Любая женщина может убедить себя в том, в чем ей необходимо быть убежденной, – сказала она. – Извини, что я тебе говорю это.

– Да, конечно. Нам нравится причинять друг другу боль, – я пытался подражать Наташе.

– Общение с людьми не делает добрее. Ничего не говори. Дай на тебя посмотреть.

Я еще раз удивился. Теперь – ее доброте. Несколькими словами эта женщина вырвала из моих рук оружие, которым я собирался воспользоваться.

«Она смеется надо мной», подумал я.

Мне хотелось, чтобы Наташа заплакала, чтобы все рассказала, доверилась мне полностью. Но она скрывала от меня свои страхи. Она притворялась ласковой, как будто ей было жаль меня. Я не спросил ее почему. Мне была не нужна ложь.

Я не был уверен, что понял Наташу правильно. Чувствовал неловкость. Почему ей так нравилось унижать меня?

Не мог сказать всего, что хотел. У меня была причина для скрытности. Никакая женщина не захочет терпеть обиду. Не сомневаюсь – ни одна.

Я испытывал ощущение беспомощности и что– то вроде презрения к себе. Иногда мне казалось, что Наташу можно ненавидеть. Ни один человек не способен сочувствовать никому, кроме себя. Понять другого человека невозможно. Может быть, я не хотел соглашаться с Наташей потому, что она была права.

Я чувствовал себя глупым, неловким и не владеющим ситуацией. Я не понимал, почему Наташа изменялась. Наши отношения развивались не так, как мне хотелось. Она словно старалась удивить меня своей жестокостью. Было мучительно сознавать, что мое унижение неизбежно.

Знаю, что невозможно понравиться каждой женщине. У меня получалось быть счастливым только в воображении. Наглость не сменила мою неуверенность. Мне казалось, что Наташа забавляется моими чувствами. Все, что я делал, я делал только для нее. Я не хотел отказываться от любви.

Обычно я не ищу причину своих неудач в себе. Я не мог заставить Наташу смириться с собой таким, какой я есть. Что-то похожее на недоверие росло между нами и становилось все более ощутимым. Не мог понять, что чувствует женщина. Позволял Наташе мучить меня. Не следует искать подтверждение своей глупости.

Я притворялся спокойным. Не мог защититься от Наташи иначе. Не нужно искать смысл во всех признаниях женщины.

– Нам надо поговорить, – я попытался улыбнуться, но, как мне показалось, улыбка показалась неискренней.

– Нет.

– Почему?

– Нам не о чем говорить.

– Разве тебе нечего мне сказать? – Было бы глупо требовать от нее большего.

– Ты вдруг осознаешь – с изумлением, а, может, с ужасом, – что утратила способность любить. Постарайся понять, что со мной происходит.

Ей было сложно со мной. Не легче, чем мне с ней. Может быть, она боялась меня потерять.

У меня так стучало сердце, что я не мог ответить. К горлу подступил комок. Никогда со мной такого не было.

Не спрашивай – не услышишь в ответ лжи. Я делал то, что считал своим долгом, – по– честному. Я не чувствовал за собой никакой вины. Нет никакой вины. Наташа не сказала ничего, чему мне хотелось возразить. Соглашаться с любимой женщиной также просто, как с самим собой.

Невозможно думать о любви больше, чем думаю я. Мне ее не хватает. Отказать своим желаниям не получается. Желание любви невозможно скрыть от самого себя.

– Сделаем вид, что ничего не случилось? – спросила Наташа.

– Мы не понимаем друг друга, – я не хотел, чтобы в наших отношениях появилась пугающая меня определенность.

– Тебе следует перестать мучить себя, – не во всех женских просьбах есть смысл.

– Скажи, что ты хочешь еще.

– Я никогда не получала желаемое. Не получу и сейчас.

– Я тебя люблю.

– Не могу понять – почему.

– Мне очень хочется быть с тобой.

– Зачем?

– Просто так. Все в этом мире просто так. Мне от тебя ничего не надо.

– Ты сам себе противоречишь.

Я знал, что мне надо было ответить ей иначе. Поспешил с ответом. Не со всяким ответом следует спешить. Мне никогда не нравилось оправдываться перед Наташей.

– Ты ведешь себя, как клоун, – сказала она.

– Теперь я не буду клоуном.

– Тогда тебе будет нечего мне предложить, – она учила меня смотреть на самого себя со стороны.

– Я мешаю тебе? Да. Мешаю, – мне были не нужны ее признания, подтверждающие ее правоту.

– Я же стараюсь все тебе объяснить.

– Плевать я хотел на твои объяснения. Я уже не мальчик.

– Каждый мужчина словно старается разочаровать меня в самом себе.

– Это не я так с тобой поступаю, а ты со мной, – я просто подумал вслух, вот и все.

Наташа пожала плечами: какое это имеет значение?

Я уже больше не волновался, постарался забыть все непонятное и вопросов не задавал. Мне казалось, что я поступил очень умно. Радоваться каждому своему признанию невоз-

можно. Не следовало воображать себя более влюбленным, чем я был влюблен в действительности. Я поклялся себе никогда ничего никому не объяснять. Рядом с Наташей я разочаровывался в себе.

Моя покорность была только снисхождением мужчины к прихоти женщины. Все, что она хотела сказать, лежало на поверхности, подтекста не было. Я позволял Наташе разоблачать мое притворство.

– Ты глуп, – сказала она.

– Я так не думаю.

– О себе ни у кого не получается думать плохо. Думай. Думай хоть немножко. И не только о себе. Я никогда не верила в искренность мужчин.

Наташе было невозможно запретить заблуждаться.

Я закрывал глаза. Затыкал уши. Очень хотелось быть любимым.

Я не понимал, что происходит. Почему – то я оказался наедине с незнакомой мне женщиной. Ждал, когда это ощущение закончится.

– Я никому не верю, – ее признания были мучительны для меня. – Иногда это неудобно. Мне кажется, что ты обманываешь меня. Научившись не доверять мужчине, любая женщина перестает сомневаться в своем уме.

– Наташа.

– Не надо слов. Их и так уже было много.

Рядом с Наташей я не мог остаться прежним. Каждая

женщина старается изменить мужчину. Мне очень хотелось уличить ее в притворстве. Но, наверно, я был недостаточно упрям. Хотел перестать притворяться. Мне было очень сложно. Наташа разочаровывала меня реже, чем я разочаровывал себя сам.

– Слишком поздно, – сказала она. – Мы хорошо знаем, что слишком поздно.

– Я не знаю.

– Похоже, ты что– то не понял. Тебе следует думать хотя бы иногда.

– Наташа, не говори так, как будто ты меня ненавидишь, – я ее не понимал.

– Мне жаль, что я это сказала. Не следовало так говорить. Моя откровенность никогда не будет лестной для меня. Обычно каждая женщина скрывает от себя свои желания.

Ее голос доносился до меня как будто издалека, с огромного расстояния, которое невозможно преодолеть. Но мне все еще хотелось быть рядом с ней.

Я утаивал от Наташи больше, чем она скрывала от меня. Боялся ее. Мне следовало перестать убеждать себя в своей способности нравиться Наташе. Я не нравился себе.

Оказалось, что я разочаровывал ее своей уступчивостью. Презирать себя совсем не обязательно. Ждал и не понимал, что хотел дождаться. Женщины всегда играют. Но зачем же брать случайные роли?

Я не смог скрыть свое недовольство. Все в Наташе начи-

нало казаться обманом. Ощущение ее лживости мучило меня.

– Ты как– то сказала, что счастлива со мной. Теперь я этого не чувствую, – обида подсказывала мне слова обвинения.

– Не выдумывай.

– Почему ты заставляешь меня огорчаться?

– Любой женщине нравится видеть унижение мужчины.

– Может, это плохо?

– А может, наоборот, хорошо?

– Зачем тебе понадобилось издеваться надо мной?

– Я вовсе не над тобой издеваюсь. Не надо на меня сердиться.

– Значит, ты меня не любишь?

– Не задавай таких вопросов.

– Почему?

– Ты что, хочешь, чтобы я закричала? Я всегда знала, что словами мужчину убедить невозможно.

У Наташи на любой вопрос был ответ – такая уж она есть, Наташа.

«Возможно, она говорит правду», подумал я. Но именно поэтому все звучало так невероятно. Слова отдаляли нас друг от друга.

Я совсем не смелый человек. У меня внутри все дрожало от страха. «все равно это должно случиться», сказал я себе. Я уже не удивлялся, когда Наташа подтверждала мои самые худшие предположения. Она не способна испытывать чув-

ство стыда. Эта правда неудобна для меня. Очень быстро я перестал сомневаться.

– Я не верю ни одному твоему слову, – я ответил слишком торопливо. У меня не было иной возможности удержать любовь рядом с собой.

– Ты говоришь не то.

– А что еще можно сказать?

– Ни один мужчина не может избавиться от своего эгоизма.

Я мог бы ей ответить, но не ответил. Мне хотелось перестать огорчать ее и себя.

Положил руку на ее плечо. Вот сейчас пишу и чувствую ее тепло. Не сложно любить лишь ту женщину, о которой ничего не знаешь. Не умею притворяться равнодушным. Я смотрел на Наташу, не понимая. Влюбленный хуже всех знает свою любимую. Не хочу избавляться от всех заблуждений в отношении женщин.

Я чувствовал, что должен немедленно доказать ей, что она ошибается. Был обижен, хотя ошибаться не следовало. Ощущал себя так, словно мне открыли, неизвестно зачем какую-то ужасную правду, страшную тайну, которая была мне совершенно неинтересна. Я не хотел оправдывать Наташу. Она не смогла примирить меня с самим собой. Никто еще не находился в таком положении, как я. Иногда словно приходится напоминать себе, что я – любим.

У Наташи было больше смелости, чем у меня. Она не де-

лала ничего наполовину. Узнать правду о себе от нее было неприятно. Я и любил, и ненавидел. Наташу. Сейчас я не понимаю, как мне удалось выдержать это.

Вдруг подумал: «Она мне не нужна, мне никто не нужен». Не смог придумать ничего лучшего. Я унижен любовью.

Я не верил, что мое отношение к Наташе может измениться. Не обязательно скрывать разочарование. Я не хотел, чтобы в наших отношениях были тайны.

– В главном я не врала, – сказала она.

– Смотри что считать главным.

– Женщина верит своему притворству больше, чем искренности.

– Перестань. Кроме шуток, что это значит?

Я очень медленно умнею. Мне необходима помощь Наташи. Я сомневался, что говорю убедительно. Она не хотела меня понять. В ее глазах я не увидел ничего, кроме усмешки.

Наташа внезапно заговорила и назвала меня по имени, словно это было все, что она могла мне сказать. Я был удобен для ее равнодушия. По ее взгляду, вдруг ставшему каким-то робким, я сразу догадался, что она не поверила ни одному моему слову. Почему она медлила с ответом?

– Ты думаешь, что у тебя есть право спрашивать меня об этом? – спросила Наташа. Ты сам виноват.

– Как? Опять я виноват?

– Да, ты.

– По– твоему, я все выдумал или мне приснилось? – мои

возражения могли быть только притворством.

– Ты думаешь, что я дурочка?

– Я? Думаю, что ты дурочка? Конечно, нет.

Я не понимал, что делало меня виноватым. Прежде ни одной женщине не удавалось заставить меня унижаться.

Наташа опять становилась чужой для меня. Слова безразличия оказывались важнее слов любви. Она смотрела на меня в упор, но ничего не говорила. Не знаю более бессмысленного желания, чем желание мужчины убедить женщину в своей правоте.

Я оказался менее привлекательным для Наташи, чем вообразил. Ей нравилось разочаровываться во мне. Я не был уверен в правильности того, что делал. Мне угрожало непонимание. Мне приходилось спорить с любимой женщиной. Я не был убедителен даже для себя.

Наташа взяла меня за подбородок и заставила на нее посмотреть. Мы не могли не зависеть друг от друга.

– Все, что бы ты теперь не сказал, не имеет значения.

– Я тебе не верю, – не верить – легко.

– Ты мне противен. Оставь меня в покое.

У меня в памяти осталось все. До мельчайших деталей.

– Неужели? А я думал, все идет хорошо, – мне очень хотелось сделать свою злость насмешливой.

– Ты мне надоел.

Не следовало ждать, когда она скажет это. Но я словно старался привыкнуть к любому унижению перед Наташей.

– Мне нравится быть жестокой. А ты согласен это терпеть. Следует избегать женщин, стремящихся отомстить за свои прежние обиды, – ей было необходимо лишиться моей любви уверенности.

Я испугался. Всегда неприятно сознаваться, что я – труслив.

– Для меня твое прошлое не имеет значения, – я не хотел сожалеть о том, что делал. Очень важно ни о чем не сожалеть.

Испугался того, что боятся все мужчины. Чувство любви изменило меня против моего желания. Я оказался не способен обмануть Наташу.

Если бы не упрямство, я бы признал свое поражение. Я не хотел приучать себя к унижениям. Редко изменяю своим привычкам.

Рядом с Наташей мне становилось так же неуютно, как и без нее. Надо быть честным хотя бы с самим собой. Она мне ничего не объяснила.

Почему все это случилось?

Хотя, в общем, я понимал почему. Любовь – это всегда неизбежность сложных отношений.

Я улыбался с видом человека, знающего больше, чем он говорит. Сомнения в любви не делают счастливее. Мне делала больно женщина, которую я любил. Наташа не хотела замечать мои страдания. Мне казалось, что я могу сделать что– то непоправимое.

– Если я потеряю тебя, я не переживу, – я думал, что никогда никому не скажу этого. А вот сказал.

– Тебе следует успокоиться. Зачем ты сказал это?

– Потому что я так чувствую.

– А я нет.

Ее слова были жестокими, но честными. Даже и винить ее не могу. Сам во всем виноват. Я почувствовал себя загнанным в угол. Подумал, что это и есть любовь.

Я молчал и не пытался дотронуться до нее. Мужчинам и женщинам нравится разочаровываться друг в друге.

Я видел широко открытые глаза Наташи, но заглянуть в них не мог. Она смотрела прямо на меня, но не хотела замечать. Она была права только потому, что я чувствовал себя виноватым. Не понимаю, как можно разочароваться в любимой женщине. Но я знал: презрения долго не выдержу. Мне не следовало искать в наших отношениях повод для обиды. Но я не мог не чувствовать, что Наташа обижает меня.

Не могу объяснить, почему терпел унижающее отношение к себе. Искренность мужчины всегда глупа.

Мы продолжали молчать. Что мне следовало сказать? Ни одну женщину невозможно убедить откровенностью. Из моей любви исчезла легкость и естественность. Наташа изменяла меня. Не умею быть сильнее любимой женщины.

– Ты не знаешь реальной жизни, – сказала она.

– Я не ребенок, – я не мог согласиться, что не знаю реальной жизни.

– Дело не в годах, детка, а в опыте, – она была разочарована. Она всегда была немного разочарована.

Каждый человек может ошибиться. Мое воображение всегда делает женщину сложнее, чем она есть в действительности.

Наташа смотрела на меня, а я на нее. Ощущал силу ее

взгляда. «Нет, ее невозможно убедить», подумал я. Во время отступить – это еще не поражение.

– Ты для меня – один из многих, – Наташа избавляла меня от самоуверенности. – Мне никогда не было хорошо с тобой. Другие мужчины, я знаю, чувствовали меня иначе.

– Ты обо всем забыла?

– Почти обо всем.

– Я не смогу забыть.

Я сказал Наташе правду. У меня это получается лучше обмана.

Я начинал сомневаться, что любим. Эта мысль делала меня несчастным. Рядом с Наташей был мальчик. Мне никогда не повзростеть. Я выдумывал много ненужного о себе.

Я не понимал происходящее с нами. Иногда мне казалось, что я хочу понять в Наташе то, что лишено смысла.

– Женщина может найти повод для разочарования в любом мужчине, – она смотрела на меня, как на клоуна. Она была обязана так посмотреть. Наташа смеялась надо мной. Все еще слышу ее смех.

– Ты права. С тобой я веду себя, как клоун. Я очень несчастен. Это очень смешно, – я радовал ее признаниями, которым не мог обрадоваться сам.

Я утешал себя: я ждал этого. Чувствовал себя одиноким рядом с любимой женщиной. Меня можно пожалеть. В любви мы пришли к тому, что следили за каждым шагом друг друга.

– Женщины чаще мужчин ошибаются в любви, – она смотрела мне прямо в глаза.

– Не верю ни одному слову. Но продолжай, – я не хотел, чтобы Наташе удалось убедить меня.

Сделаем вид, что ты этого не говорил? Меня унижает твоя глупость.

Я выглядел смешным. Приходилось врать для того, чтобы Наташа мне поверила. Мучил сам себя больше, чем меня мучила любимая женщина.

– Не пытайся думать, – попросила она. – К тебе невозможно относиться всерьез. Ты перестал быть для меня человеком, а превратился в какой– то предмет, в какую– то вещь. Ты помнишь, как я вывернула тебе палец и сделала тебе больно?

– Да.

– Я сделала это для того, чтобы проверить, действительно ли ты умеешь чувствовать.

– Да, я умею чувствовать. Ты мне делала очень больно.

– Обычно женщина старается не упустить ни одну из возможностей, чтобы унижить мужчину.

Иногда мне нравится ненавидеть Наташу.

– Ты честнее меня, – признался я и чуть не добавил: «и сильнее», но удержался. Мне не хотелось подтверждать ее превосходство.

– Ты знаешь, почему я тебя люблю?

– Ты меня не любишь.

– Каждая женщина может выдумать любовь в себе. Ты не понимаешь о чем я говорю?

– Не надо объяснений. Я не хочу их слушать. Не сейчас. Не все сразу, – я старался не смотреть на нее все то время, что говорил.

Я сначала не мог понять смысл сказанных ею слов – они показались мне просто шуткой. Любовь вынуждает меня быть глупее, чем я глуп в действительности.

Не могу в точности сказать, что произошло с моим лицом – то ли оно побелело, то ли слова Наташи были настолько сильными, что на нем вообще ничего не отразилось. Я не знал, смеяться мне или плакать. Был не в силах произнести даже слово.

Я позволял Наташе обманывать меня. У каждой женщины преувеличенное мнение о своих возможностях. Некоторые люди думают, что говорить о любви – значит любить. Старался, чтобы она не заметила моего состояния. Я не мог ожидать, что меня испугают ее слова о любви. Противоречия естественны в каждом человеке.

– Тобой руководят только тщеславие и зависть, – я объяснял Наташе все не так, как объяснял себе.

– Я не хочу притворяться.

– Мне трудно.

– Наверное.

– Помоги мне.

– Зачем?

Иногда она переставала быть похожей на себя. Мы не понимали друг друга. Казалось, что она говорит не обо мне. Но сложные отношения с любимой женщиной лучше, чем совсем никаких отношений.

– Не шути так, – я не хотел замечать в Наташе то, что мне не нравилось. Моя любовь к ней не зависела от ее слов. Я не страдал. Просто ничего не понимал. Не знаю, что мешает людям понимать друг друга.

– Каждая женщина ждет от мужчины признание, что он боится с ней расстаться, – сказала Наташа.

– Рядом с тобой я очень много узнаю о своей беспомощности.

– Глупый. Ты совсем не знаешь, что такое много.

– Как ты думаешь, ты когда–нибудь сможешь полюбить меня?

– Может быть, смогу. Не хочу давать никаких обещаний.

– Боишься обещаний? Слов?

Мой голос дрожал. Но отступить было поздно. Ссора так ссора.

Смотрел на нее, на эту упрямую женщину. Мне показалось, что я впервые смотрю ей в лицо. Я позволил Наташе обидеть меня. Не нужно признаваться во всем, что знаешь о любимой женщине. Не хочу ненавидеть сильнее, чем люблю.

– Не прикасайся ко мне, – ей нравилось быть жестокой. – Оставь меня в покое. Разве это сложно?

– Когда ты так говоришь, я начинаю думать, что мы со-

всем не знаем друг друга, – мне нравилось ощущать себя обиженным Наташей. Из нас двоих обманывал я, и она могла догадаться, почему я это делал. Я не люблю себя злого.

– Миленький, не глупи.

– Я отказываюсь тебя понимать.

– Не кричи, пожалуйста, – перебила Наташа.

Глупо, я и не думал кричать.

– Не притворяйся дурачком. Ты отлично понимаешь, что я имею в виду, – ее слова удивили меня. – Как тебе удастся быть счастливым?

– Мы совсем не похожи.

– Ни один мужчина не может обрадовать женщину больше, чем самого себя.

Я не только не спорил. Даже не возражал. Ни одно мое возражение не смогло бы убедить Наташу. Лишь хотел объяснить, что я ей не враг. Моя любовь вынуждала меня совершать глупые поступки. Она лишила меня уверенности. Этот разговор был нужен мне. Но человек не способен говорить правду, рассказывая о себе. Мне очень сложно. В саморазоблачении нет ничего приятного. Вынужден не замечать того, что я знаю.

Убедить другого человека так же сложно, как убедить самого себя. Я не был уверен, что смогу найти решение возникшей проблемы. Каждый мужчина защищается от женщины по– своему.

– Иногда мы смотрим на жизнь одними глазами, – я уни-

жался перед Наташей.

– Ты умеешь разозлить.

– Я думаю также о тебе.

Мы злились друг на друга. Это было мучительно.

Что она ждала от меня? На какой ответ рассчитывала? Я не умел понимать ее и это пугало.

Почувствовал себя лишним с Наташей. Мои возражения казались мне глупыми. Из меня выходила вся моя глупость. Позволял ей выйти наружу. Когда это было сделано, я успокоился. Я часто говорил правду любимой женщине даже тогда, когда было бы правильное соврать.

Попытался изобразить улыбку. Наташа заставляла меня ненавидеть самого себя. Но я не умею злиться на себя. Мне предстоит преодолеть еще одно разочарование в жизни. Взрослею.

Я ни о чем не хотел спрашивать Наташу. Был уверен, что знаю все возможные ответы. Ей нравилось видеть меня виноватым.

Мне нужно было успокоиться. Наташа не сделала меня понятнее. Я старался не выглядеть неловким, но она чувствовала мою неуверенность. Я уступал ей и думал, что это глупо. Это и было глупо.

Я не хотел бояться Наташу. И все же боялся. Она видела мой страх. Мне нравилось воображать себя сильным. Я никогда не был сильным. Она сильнее меня. Я это знаю. И мне это нравилось.

Меня радует откровенность моих признаний. Я не обязан быть осторожным и робким. Следует знать свое место в этом мире. Пора уже понять, на что я способен, а без чего могу и обойтись. Равнодушные женщины всегда похоже на презрение.

Наташа смотрела на меня, как на капризного ребенка. Иногда в ее глазах появлялось выражение жалости. Это меня добило. Нашим отношениям мешал женский ум.

Мои признания могут разочаровать любую женщину. Я думал о своих недостатках больше, чем следует. Злиться на самого себя бесполезно.

Отчетливо видел цвет ее глаз – больших, очень темных. Ее пухлые губы выглядели чуть надутыми. Она смеялась надо мной, а я не мог даже улыбнуться. Мне не следовало унижаться. Я не хотел говорить с Наташей о ее нелюбви. Она могла понять мои слова только как желание оправдаться. Моей любимой женщине были не нужны мои признания в любви.

– Ты думаешь только о себе, – я не понимал того, что чувствовал.

– Да, – ответила она. – Всегда. Каждая женщина знает, для чего ей необходим мужчина.

– Ах так.

– Да так. Да.

Я отвернулся. Во мне возник страх, и я не знал, что ответить. Был вынужден притворяться равнодушным.

Не могу объяснить, что я чувствовал тогда и что чувствую сейчас. Не хочу думать о своих страхах.

Я не понимал Наташу. Для меня нет более навязчивого желания, чем желание понять свою любовь. Бояться любимую женщину унизительно.

– Все женщины могут быть жестокими, – я не строил себе никаких иллюзий. – Но это не имеет значения для человека, который любит.

– Ты мучаешься очень натурально. Но твое отчаяние закончится раньше, чем ты полюбишь опять, – Наташа старалась изменить меня.

– Я презираю себя за то, что позволяю тебе меня утешать.

– Как тебе это удастся?

– Что?

– Делать все простое сложным.

– Мне хочется пожалеть тебя.

– Мужчина всегда торопится вообразить, что общается с женщиной глупее себя.

Она говорила тихо и уверенно, и я был убежден, что она говорит то, что думает. Ее выбор был сделан. Я не мог сказать ничего, что имело бы для нее значение. В Наташе не было ничего, кроме эгоизма.

Просить о любви унизительно. Мне не нужна женская жалость.

Наташа явно совершала ошибку, а я даже не знал, как ее предостеречь. Она просто не понимала, что делает. Мне ни-

когда не нравились женщины, воображившие, что у них нет ни одного недостатка.

Я хотел избавить себя от объяснений. В словах Наташи была жалость унижающая меня. Женские слова всегда ложь. Не хочу сомневаться в этом.

Я видел откровенно насмешливую улыбку. Она никогда не заблуждалась в отношении меня. Мое лицо – маска клоуна.

Мне было трудно ее слушать, словно я не понимал отдельных слов. Не понимал, что от меня хочет Наташа.

Она вдруг прижалась ко мне и тихо попросила поцеловать ее. Притворство – естественное состояние женщины.

Я всегда стараюсь избегать неясных ситуаций. Мне не нравится любить, обманывая. Не зная, прав я или нет. Чувствуя себя виноватым только потому, что я хочу быть единственным у любимой женщины. Очень сложно винить самого себя в своих неудачах. Почему вместо меня должен быть кто-то другой? Неужели так уж глупо любить лишь однажды? Жизнь меня ничему не учит.

Я смотрел на Наташу с нежностью. Весь день я провел в грусти и сомнениях, но сейчас, устроившись рядом с ней, я чувствовал себя счастливым и мне было не в чем упрекнуть ее.

Все еще прощал, и это значило, что все еще любил. Может быть, я притворялся перед собой больше, чем перед любимой женщиной. Боялся, что моя догадка может оказаться правильной.

Что во мне не так, если со мной случается такое? Я не ищу сложности. Жизнь и без поисков слишком сложна. Я не был уверен, что поступаю правильно. Самого себя я удивлял не меньше, чем Наташу.

Смотрел на нее с любопытством, ведь всего лишь час назад я хотел ненавидеть ее. А теперь я просто не понимал, как такое могло быть возможно. Я не знаю, кого из нас мои признания унижают больше.

Иногда я чувствовал, что опять счастлив – в самое неподходящее для этого время. Из-за Наташи я был готов спорить с собой.

Она смотрела на меня, а мне не хотелось встречаться со взглядом ее глаз, не хотелось, чтобы мое лицо ей о чем-то говорило.

– Я никогда не позволяла мужчинам использовать себя, – сказала Наташа. – Не следует доверять чувствам. Для меня очень важно уметь скрывать правду о себе. Я вынуждена притворяться. Мужчина всегда требует от женщины ложь.

– Какая– то глупость, – я запоминал ее слова, чтобы на помнит их ей в будущем.

– Я в этом не уверена.

Мое спокойное лицо могло быть только маской. Я даже не улыбался. Чувство, которое я ощущал к Наташе мешало мне контролировать себя. Никогда прежде не оказывался в таком положении.

Никак не мог изобразить на лице глупую, беспечную улыбку, чтобы представить происходящее шуткой. Не знаю, кто из нас был разочарован больше. Мне уже не удавалось убедить себя, что безразличие любимой женщины было только притворством.

Я не мог сказать ей правду. Все мои признания взаимоисключали одно другое. Пытаться возражать Наташе было бы еще глупее, чем соглашаться. Она не позволяла мне быть искренним. Я не чувствовал себя спокойно. Мне хотелось сказать о том, что я ее ненавижу. Любимая женщина сделала меня злым. Я не ищу для себя оправданий. Мне не нравятся люди, которые выдумывают свои чувства. Каждое слово Наташи было правдой. Но я не позволял себе думать об этом.

– Ты делаешь мне больно, – я мучился сильнее, чем мне хотелось.

– Мужчина никогда не требует от себя честности в отношениях с женщиной.

– Мы не понимаем друг друга. Мы говорим на разных языках.

– Ты молод. Но разве это надолго?

Она меня не слышала или не хотела слышать.

Я совсем не такой, я старше, я уверен в себе. Смотрел на нее, не понимая, как можно не соглашаться с тем, что очевидно. Мне все еще хотелось думать, что Наташа любит меня, как прежде. Не верил ни одному ее слову.

Она с сожалением смотрела на меня, как смотрят на глупого ребенка. Она задумалась, ее лицо было печально. Каждая женщина всегда противоречит самой себе. Что она делала со мной? И почему это делала? Мне всегда хотелось узнать, что обо мне думают другие люди.

Я чувствовал себя очень несчастным. Наташа забыла, что я ее люблю.

– Не пытайся меня растрогать. В душу ко мне тебе все равно не залезть, – она говорила слова, которые говорить не имела никакого права.

– Не надо так. Пожалуйста. Только не так, – я уже не хотел быть уверенным, что люблю.

Не мог сказать правду. Ничто не заставило бы меня ее сказать. Возможности женского ума всегда ограничены способностью женщины подражать уму мужчины. Я не мог убедить Наташу в своей правоте. Она заставляла меня быть недо-

вольным самим собой. Мне удастся быть необходимым только женскому желанию презирать мужчин.

– Я одна из тех женщин, для которых жизненный опыт не проходит бесследно. Искренность моих признаний не может обрадовать ни одного мужчину, – ее слова всегда заставляли меня врасплох.

– Не понимаю. Раскрой мне глаза.

«Не психуй», сказал я себе. «Она видит, что я злюсь. И делает все назло». Я старательно молчал.

Я не знал, что подумать, что сказать. Я не знал. Слушал и не знал, как реагировать.

– Отодвинься, – попросила Наташа. – Пожалуйста, отодвинься.

– Тебе нравится требовать от меня невозможное, – я не хотел, чтобы ей удалось убедить меня.

– Иногда кажется, что вес мужчины отличаются друг от друга только внешностью.

Нам обоим было легче от того, что я не мешал ей так думать. Оправдываясь, я не сожалел о том, что делал. Меня увлекала противоречивость своих чувств. Нам было необходимо мучить друг друга. Спорить с Наташей было так же неудобно, как спорить с самим собой.

– Я всегда знал, что хорошее не может длиться долго, – в моем страхе перед ее признаниями не было ничего необычного.

– Всегда старайся все упрощать.

– Но не на столько, чтобы получилась бессмыслица.

Я не ищу для себя оправданий. Уверен, что не найду их. На месте Наташи я бы сказал себе то же самое. Узнать правду о себе не всегда приятно. Нужно уметь не замечать то, что говорит обиженная женщина.

– Я не могу быть прежней, – от ее слов зависело больше, чем от моих.

– Теперь ты никогда не бываешь со мной хорошей.

– Нет. Все. Хватит.

«Нет», понял я. Не в ближайшее время. И я не сдержался.

– Я вижу в тебе только глупость, – я не умею сдерживаться.

– Нам придется расстаться.

Она опять все решила за меня. Рядом с ней от меня никогда ничего не зависело. Рассказывать о своих неудачах всегда неприятно. Я уже был уверен, что Наташа торопилась забыть обо мне.

Любовь никогда не бывает простой. Я должен был быть терпеливее. Признания Наташи уже не обманывали меня. Я был ей не нужен. Происходящее не могло быть случайностью. Она могла делать со мной все, что захочет.

– Маленький, у меня никогда не получалось скучать по любимому мужчине.

Наташа не хотела меня видеть. Невозможно объяснить понятнее. Каждая моя встреча с ней словно последняя. Я устал от объяснений. Я должен был устать. Меня уже не удивляло

безразличие Наташи. Я не знаю способа защиты от разочарования.

– Я старалась быть с тобой доброй лишь потому, что ты был добр со мной.

Правда о любимой женщине мучила меня не меньше, чем ее ложь.

– Знаешь, ты не очень – то красивый. Я говорю не для того, чтобы обидеть. Просто это – правда.

Я понимал, что она права. Мне становилось страшно.

– Ты не единственный мужчина, которого я могу представить рядом с собой. Разве это не правда, в которой ты боишься признаться себе?

– Ты меня любила?

– Откуда я знаю.

– Я очень несчастен. Иногда я думаю, что было бы лучше для нас обоих, если бы мы были другими людьми.

– Ты говоришь, не подумав, малыш.

– Извини, – я никогда не смогу стать таким человеком, каким Наташа хочет меня видеть.

Всегда стараюсь забывать то, о чем мне не следует помнить. Я позволял Наташе обманывать меня. Я не знал, в ком из нас больше притворства. Мои желания очень противоречивы.

Не следует убеждать женщину в том, в чем она должна убедить себя сама. Не умею рассказывать о случайном.

– Ты знаешь, почему ты не права? Ты хочешь, чтобы я

тебе это объяснил? – моя правота была выдуманна.

– У тебя получается, что все должно быть или черное, или белое. Ты совсем запутался.

– Скажи мне, что я должен делать.

Наташа старалась лишить меня уверенности. Она вообразила, будто это возможно. Я не хотел видеть себя оправдывающимся. Не могу сказать, что чувствовал. Лишь подумал: «вот сейчас это случится». Притворство любимой женщины оказывалось искренностью.

– Клоун, – сказала Наташа. – Клоун, клоун, клоун.

Она открывала рот и из него выходили одинаковые слова. Каждый человек утешает себя, как умеет.

– Успокойся, – сказал я. Просто чтобы что– то сказать.

Еще никогда не видел ее такой. Это была совершенно другая женщина.

– Клоун. Ну, ладно. Тебе от этого легче? – спросил я.

– Нет. Ты не рад?

– Чему я должен радоваться? – я не искал другой ответ. На вопросы любимой женщины не следует отвечать правдиво.

Очень хорошо чувствовал, что она старалась унижить меня. Нужно уметь говорить себе правду. В чем же тут можно сомневаться? Я не нуждался в ее снисходительности. Никогда не мог понять, чем мое унижение нравится женщинам.

– Ты никогда не бываешь довольна, – я засмеялся каким–то незнакомым смехом. – Никогда.

– Бывают в жизни такие вещи, к которым никак не удается

привыкнуть.

– Я тебя не понимаю.

– Я сделаю так, чтобы ты меня понял, – у нее был голос, которого я никогда до этого не слышал.

Я не умею защищаться от Наташи. Презрение любимой женщины очаровывает меня также, как и ее нежность.

Смотрел на нее и злился. Я любил ее, она была моей собственностью. Я был обречен на все мучения любви. Я открыл рот, не зная, что сказать. Когда я открыл рот, у меня перехватило дыхание. Однажды я должен был понять бесполезность своих усилий.

Легко можно было избежать разговора – достаточно было уйти. Не стал этого делать. Я еще не был готов к нашему расставанию.

– Кажется, ты не любишь меня так, как люблю тебя я, – мне следовало перестать сомневаться раньше.

– Мне уже не удастся вообразить себя влюбленной.

– Скажи, что это не правда. Это не может быть правдой.

– Я не люблю тебя. Наверное, я тебя ненавижу. Но мне не хочется сомневаться в своей правоте, – разочарование всегда делает женщину упрямой.

Она улыбалась, очевидно, очень довольная собой, а у меня опять возникло ощущение, что передо мной какая–то незнакомая женщина.

Мы вдруг замолчали, как бы обо всем договорившись. Я хотел избавить себя от любви. Наташа лишь пользовалась

мной. Я уже не мог примириться с ее превосходством. Был уверен, что она смеялась над моим терпением. Слова безразличия не могут не быть жестоки.

Я все еще смотрел на нее, пытаюсь понять, что мне делать, пытаюсь устоять при новом поражении, при этом очередном ударе от любимой женщины. Неизбежность нашего расставания мучила только меня. Не у всякого отчаяния есть границы.

Чем меньше я видел Наташу, тем больше о ней думал. Так хорошо воображал себе ее лицо, голос, что, когда мы встретились, она даже казалась мне менее настоящей. Ощущал свои чувства реальнее, чем тело. Моя любовь не может быть иной.

Каждую ночь мне снилась Наташа, но когда я просыпался, ее не было рядом.

Мне ничего не хотелось делать, только ждать и ждать ее. Было бы странно, если бы я ничего не чувствовал. Я не сравнивал ее с другими женщинами. Ее капризы не должны были разочаровывать меня. Иногда страдания бывают привлекательны.

Я искал виноватого. И не хотел его найти. Оказался вынужден извиняться сам. Старался радоваться ощущению превосходства Наташи надо мной.

– Поцелуй меня, если хочешь, – сказала она. – Женщина продолжает любить, пока ей нравится мучить мужчину.

– Не приказывай мне. Я не ребенок. Я уже взрослый и вполне способен решать, что я хочу.

– Так веди себя, как взрослый.

Мои слова были неправдой, но что мне оставалось делать? У меня возникло такое ощущение, будто я парализован. Не

решался смотреть в ее сторону. Пытался подыскать еще какие-нибудь слова, но на ум ничего не приходило. Завидую людям, которые могут смеяться над тем, что мне совсем не кажется смешным.

– Мне больше не нужно, чтобы ты любил меня. Мне не нужно, чтобы я любила тебя.

– Ты не хочешь полюбить. Ты себе враг. Моя радость вызывает у тебя какую-то злость.

– Я-то думала, что у тебя нет воображения.

Я сказал что-нибудь необычное? Или нет? Я не понимал.

Не хочу упрекать себя за ошибки. Невозможно объяснить женщине все, чему она требует объяснения. Пытался гнать от себя всякие мысли о Наташе, думал только о пустяках. Для меня начинался самый настоящий ад: я унижал себя больше, чем меня унижала она.

– Ты не имеешь права так поступать. Ты же знаешь, что не имеешь, – любые мои возражения лишь подтверждали мою неправоту.

– Знаешь, я, наверно, не создана для того, чтобы любить мальчиков, – ее признания отдаляли нас друг от друга.

– Ты что же, не любила меня?

– Я старалась лишь подражать тебе, ничего не чувствуя.

Значит, это правда. Наташа меня не любит. Иначе она не стала бы так со мной разговаривать. Лучше было отвернуться. Лучше никогда не видеть любимую женщину, которая никогда не будет моей.

– Неужели тебе не хочется быть нежной? – я опять спросил устало и растерянно, уже не надеясь получить ответ, который, как мне казалось, Наташа сама не могла найти.

– Ты не получишь, что хочешь.

– Знаешь, иногда очень трудно следить за ходом твоей мысли.

– Понять меня не сложно. Тебе ничто не мешает.

– Разве мы не должны помогать друг другу?

– Не могу представить, почему ты решил, что мне это интересно.

– Мы нужны друг другу.

Жалею о том, что говорил. Всегда не просто искать оправдания для себя. Я не хотел измениться. Мне не удалось разозлиться на Наташу и огорчить ее безразличие. Мои слова оставляли ее равнодушной. Иногда я бываю скучен даже для самого себя. Никому не могу рассказать об этом.

– Когда я отворачиваюсь, – сказала она, – я даже не могу вспомнить, какой ты. А когда тебя нет, я совсем о тебе не думаю. Это происходит со всеми.

– Нет, – я не посмотрел на нее. А следовало. Наташа – единственная женщина, с которой мне не хотелось спорить.

Она не сомневалась в своей власти надо мной. Мое отчаяние мучило только меня. Иногда казалось, что Наташа вымещает на мне свои беды, о которых ничего не говорит. Мне хотелось ощущать виноватым только себя.

– Клоун, – сказала она.

– Во мне невозможно ошибиться. В споре всегда проигрывает тот, кто любит сильнее.

Умение унижить мужчину необходимо каждой женщине.

– Я все– таки мужчина.

– Конечно, прежде всего, все вы – мужчины.

Я знал, что Наташа смеялась надо мной. Обида делала меня более беспомощным. Я был для нее мальчишкой, а мне хотелось быть жестоким и несговорчивым. Даже не смотрел на нее. Но мне никогда не удавалось быть грубым, когда я злился.

– Ты хочешь что– то спросить у меня? – каждая женщина старается вообразить себя умнее мужчины.

Я боялся узнать, что Наташа разочаровалась во мне. Это опасение преследовало даже во сне.

– Я не люблю тебя, – почти шепотом сказала она. – Ты же сам это понимаешь. Ты меня тоже не любишь.

– Этого не может быть. Мы не любим друг друга. Разве такое возможно?

– Мужчины выдумывают свою любовь также часто, как и своих любимых. Я ведь говорила тебе – никогда не делай этого, никогда. Оставь меня в покое. Ты что оглох? – Наташа вынуждала меня чувствовать себя виноватым.

«Что случилось?» подумал я.

Что– то действительно случилось? Я не понимал.

Она смотрела на меня, не то улыбаясь, не то с гримасой боли.

– Наташа, я очень тебя люблю, – я не знал, почему это говорю. Просто чувствовал, что надо сказать ей это.

– Не пытайся измениться. Какой–нибудь женщине ты сможешь понравиться и таким, какой ты есть.

– Я никогда не ношу масок, за которые удобно прятаться.

– Ты все еще хочешь что–то доказать самому себе.

Она не сказала ничего, против чего я мог бы возразить. Боялся стать чужим для нее. Невозможно убедить женщину, которой безразличен. Наташа относилась ко мне не так, как мне хотелось. Очень долго старался не думать об этом. Но невозможно не замечать равнодушие любимой женщины.

Я избавлялся от сомнений в любви. Нужно уметь отказываться от всего лишнего в себе. Что я хотел? Как плохо я знаю себя.

– Не понимаю, как можно быть такой жестокой, – мне нравилось обвинять женщину, которую я любил.

Лицо Наташи после моих слов передернулось, как от удара. Мне стало стыдно, что я произнес такие злые и к тому же неискренние слова.

– Пожалуй, я была права, что раньше отгоняла от себя мальчишек.

– Я не хочу с тобой спорить, – мне было необходимо спорить с ней.

– Если стараешься причинить кому–нибудь боль, то незачем выбирать для этого более удобное время. Пытаясь быть добрым, обычно причиняешь еще большую боль, – желания

Наташи всегда были убедительнее ее мыслей. – Зачем я тебе это говорю?

Я подумал «мне это неизвестно».

Я не хотел радоваться тому, что печалило Наташу. Противоречить самому себе очень легко. Все вдруг изменилось. Стало еще хуже для меня, хотя я с самого начала не был хозяином положения. Любовь – главное препятствие между нами.

– Тебе очень хочется избавиться от меня, – я не знал, радоваться этому или огорчаться.

– Как ты догадался?

– Что– то не так?

– У твоей любви очень много условий. Зачем ты выдумываешь меня? – она спросила не для того, чтобы услышать правдивый ответ.

– У тебя такое лицо, как будто ты оправдываешься, – я мог согласиться с Наташей, но не соглашался с собой.

– А что же я делаю? – ее лицо стало растерянным, и мне это было приятно.

– Ты оставляешь меня одного?

– А тебе страшно оставаться наедине с самим собой?

– Значит, по– твоему, я так думаю?

– Откуда я знаю, как ты думаешь?

Своим видом она напоминала провинившегося ребенка. Смотрел на нее, и мне вдруг показалось, что я понял то, чего она мне не сказала и чего не скажет никогда. Мужчина может

убедить в своей правоте только влюбленную в него женщину.

Как она смогла заставить меня страдать? И как смогла обмануть?

Мне хотелось закричать на нее, испугать. Говорить с женщиной бессмысленно.

Молча смотрел на нее. Я подозревал, что мы боимся одного и того же.

– Что ты все ходишь? – спросила Наташа. – Я уже устала смотреть. Постой на одном месте или сядь. Или уйди совсем.

– Прости.

– Мы говорим сейчас о нас обоих. Я не жду от продолжения наших отношений ничего, кроме разочарования. Думаю, мы понимаем друг друга. Интересно, и на что ты только рассчитывал.

Я слушал ее с каким– то интересом. Она еще колебалась, но если уже начала, надо было добивать меня до конца. Наташе, наверно, казалось, что я вел себя странно. Да так оно и было. Я не сомневался только в одном. Чем дальше, тем больше мы отдаляемся друг от друга. И эта уверенность причиняла мне боль. Я не знал, что делать дальше. Не знал с самого начала.

Мне казалось, что я защищался. Только страдания могут научить любви.

– Не следует делать всего, о чем может попросить мужчина. Сказать «нет» не сложно. Необходимо говорить «нет» при первой возможности, – в чувствах женщины всегда мно-

го случайного и капризного.

– Я знал, что ты так скажешь.

– Успокойся.

– Я очень несчастен. И я нуждаюсь в тебе.

– Не унижайся. Вот посмотришь, пройдет неделя, и ты вдруг сам начнешь говорить себе: а может, она и в самом деле была права.

Сделал вид, что не слышал этого.

«Дурак», сказал я себе. «Ты что вообразил? Она такая же, как все».

Я не мог ошибиться. Просто не мог.

«Все оказалось совсем иным», думал я. «Совсем иным».

Пытался подыскать, что бы ответить Наташе, но в голову ничего не приходило. Мне совершенно нечего было ей сказать. Ни одна женщина не способна оценить мою любовь.

Вдруг увидел все так ясно, что сам удивился – почему я не мог ничего понять раньше?

Искренность делает меня уязвимым. Наташа старалась испортить все хорошее, что еще оставалось в наших отношениях. Она смеялась надо мной. Я не мог ответить ей тем же.

Привыкаю к новым ощущениям. Наташа изменила меня. Не сделала взрослым. Но изменить изменила.

Я говорил себе: не надо торопить события. Пусть Наташа сама скажет, что она меня больше не любит. Ждал, когда она скажет правду вместо меня.

Наташа не позволяла мне исправлять мои ошибки. Я страдал от своей беспомощности. Не хотел признаваться себе, что как бы я не старался, что бы ни делал, мне никогда не удастся заставить ее полюбить меня. Я был глуп, когда надеялся, что мои слова могут изменить женщину.

Я был унижен любовью. Теперь я знаю, что такое быть раздавленным. Наташа сломала меня. Она словно ждала, чтобы я помог ей закончить наши отношения. Но я не хотел этого.

– Видел бы ты себя со стороны, – сказала она. – Женщина никогда не забывает свои разочарования.

– Я понимаю. Это я понимаю, – иногда моя способность быть разумным удивляла даже меня. – Я понимаю даже больше, чем ты хочешь сказать.

– Нет.

– Наверное, если бы я знал, что этот сок отравлен, а отравила его ты, я бы его выпил.

– Некоторые люди так и остаются зелеными на всю жизнь.

– Ты хочешь сказать молодыми, – поправил я.

– Да нет, – возразила она, – дураками.

– А что это значит?

– Клоунами, – уточнила Наташа.

Никогда не сомневался, что она может заставить меня страдать. Я не умел быть равнодушным к ней, и это делало меня уязвимым. Не мог стать сильнее Наташи. Прошло-го нет. Мне казалось, что его не было никогда. Я всегда был несчастен. Мне просто хотелось видеть ее.

– Тебе от меня так легко не отделаться, – я всегда был неловок.

– Наивный. Мне кажется, что тебе следует это знать.

– Что бы я ни говорил, все тебя только раздражает. Что ты хочешь, чтобы я сказал?

Старался говорить весело, с беспечностью ребенка, который шутит. Я злился. Ничего нельзя было поделать с тем, что чаще я злился на самого себя. Иногда недостаточно быть только счастливым. Повзрослел я немного или нет? Своей лжи я боялся больше, чем лжи любимой. Я умею быть правдивым с самим собой. Только глупость может позволить мужчине вообразить себя любимым женщиной.

– Помнишь, какой терпеливой ты была со мной в самом начале? Теперь моя очередь, – откуда я мог знать, что все так закончится?

Наташа смотрела на меня, как будто не понимая смысла сказанного. Видно было, что такая мысль до сих пор не приходила ей в голову.

Она сказала, что обманывала себя, когда мы говорили о

любви. Я старался не относиться к ее словам всерьез. Мы никогда не говорили всего до конца, мы говорили лишь то, что можем сказать. Я никогда не понимал женщин.

Я не хотел больше ничего слушать. Но Наташа была безжалостна, и я должен был слушать дальше. Женщине всегда необходимо убеждать мужчину в своем безразличии.

– Не понимаю, почему ты смеешься, – удивилась она.

Я не хотел сделать из своей любви трагедию.

«Да уймись ты», уговаривал я себя. Но все было бесполезно. Бывают в жизни моменты, когда ужасно хочется пошутить.

– А мне весело. Был бы умнее, так не радовался бы, когда все – хуже некуда.

– Что хуже некуда?

– Да так, ничего. Что я тебе сделал?

– Я тебе все объясню. Ты обо всем узнаешь.

Эта минута казалась мне переломной – либо теперь, либо никогда. «Нужно было ее обнять», подумал я, «и держать изо всех сил, пока она не перестанет сопротивляться». Но я не мог заставить себя пошевелиться. Я не хотел ощущать свою любовь только как отчаяние.

– Не разговаривай со мной так. Я тебя люблю, – мне были не нужны подтверждения ее слов.

– Каждая женщина может оправдать любую свою вину перед мужчиной. Я ничего не чувствую.

– Не надо. Не унижайся.

Я не знал, что делать дальше. У меня было такое чувство, точно меня сейчас разорвет от обиды. Все, что должно было происходить, происходило не так, как хотелось мне. Это была не та женщина, которую я любил, а совсем другая.

– Объясни, почему ты меня разлюбила.

– Объяснять здесь нечего. Я тебя никогда не любила.

– Ты хоть понимаешь, как сильно я тебя люблю?

Она с насмешливой улыбкой посмотрела на меня:

– Ну– ну, не преувеличивай.

– Это что – еще одно замаскированное оскорбление?

– Теперь я стала той, кого ты видишь, – и никем больше. Хорошо, что уже не придется прятаться, оправдываться, объяснять.

Наташа не подражала любви. Смешно, в ней мне это нравилось.

– Может быть, лучше, чтобы любви не было? – я старался вернуть себе прежнюю беззаботность.

– Все, что я говорила сводится к одному. Нам с тобой больше не надо видеться.

– Может, нам лучше поговорить завтра?

– Я могу сделать для тебя только одно. Немного, но тебе станет легче.

– О чем ты говоришь?

– С тобой мне не удастся радоваться своему умению разочаровываться в мужчинах.

Мне хотелось зажать руками уши, чтобы избавиться от

ее голоса. Наступила минута нашего объяснения, которого я так долго и мучительно ждал и очень боялся. Ненавижу обман. Ложь – единственный способ защититься от любви.

Я сидел неподвижно и молча. Чувствовал, как капля пота ползет у меня по спине, и закрыл глаза, как будто если не буду видеть Наташу, то и слышать тоже перестану.

До чего же я боялся Наташу – в самом деле. Я уверен, что каждая женщина может разочароваться во мне.

– Я от тебя никогда ничего не скрывала, – сказала она. – Женщины уступают обману мужчин совсем не потому, что не знают о нем.

– Перестань меня мучить.

Словами легко обидеть.

Ничего не поделаешь, приходилось мириться с несправедливостями. Завтра Наташа причинит мне боль. Этот прогноз был так же неотвратим, как и наступление завтрашнего дня. Я так же бессилён помешать этому, как и заставить себя разлюбить ее.

– Зачем я тебе все это говорю? Ведь ты клоун и клоуном останешься.

Какую, оказывается, боль могут причинить несколько обычных слов. Человек смешон, когда он никому не нужен.

Я хотел, чтобы все происходящее было сном, но понимал, что это не так. Боялся слушать слова, которые говорила Наташа. Но я их уже знал. Мужчина беспомощен перед безразличием женщины.

Я перестал чувствовать себя любимым. Правильнее было бы не думать об этом. Мысли Наташи не должны были стать моими мыслями. Я скрывал от нее больше, чем следует скрывать от любимой женщины.

Я услышал ее голос:

– Я никогда тебя не любила. Никогда.

Я слушал собственный чужой голос:

– Нет. Нет. Нет.

Мне приходилось все ей объяснять несколько раз.

Мне не нужны сомнения. Я любил Наташу еще больше, чем раньше. Слишком большой любви не бывает.

– Я даже не понимаю, о чем ты говоришь, – я не хотел чувствовать любовь только как боль.

– Никто не обижается на глупцов.

– Тебе не надо любить меня, – лишь терпеть.

– Не получится, маленький. У меня – ничего. Надеяться – глупо.

Я подумал: «Может, я ослышался?»

Оправдываться было сложно. Я устал от унижений.

Я старался успокоиться, чтобы голос не дрожал. Даже улыбался. Искал и боялся найти. В жизни учишься не тому, что хотелось бы знать. Женщина никогда не знает, каких пределов может достичь в своей жестокости, когда чувствует, что делает это ради справедливости.

Лицо у Наташи было растерянное. Я не сомневался: ей также плохо, как и мне. Я раскаивался, что был несправед-

лив, не прав, невеликодушен.

– Ты можешь быть плохой только для других людей, – я чувствовал себя виноватым.

– Моя искренность – всего лишь прием обольщения. У каждой женщины есть свои способы обмана мужчин.

– Скажи мне, когда все идет так, как сейчас, какое значение имеет, люблю я тебя или нет?

– Не знаю.

– Я тоже. Я хочу быть любимым.

– Для тебя это невозможно.

– Зачем тебе нужно, чтобы я перед тобой унижался?

– Ты клоун.

– Ты это серьезно?

– Серьезно.

Я был для нее смешон. Иногда казалось, что она даже меня за что– то презирает. Помнить об обидах не сложно.

Моя жизнь превращается в мучение. Не могу думать ни об одной другой женщине.

Раньше отсутствие Наташи рядом со мной не значило так много, не ощущалось так сильно. Записываю все. Боюсь что– то забыть.

Мне нравится вспоминать вкус ее губ. Лишь когда любишь, жизнь перестает казаться уродливой.

Что произошло? Что происходит? Я не находил ответ на свои вопросы. Я не понимал, кто из нас изменился.

Я навсегда покончила с любовью к мальчишкам, – сказала Наташа.

Если однажды я тебе надоем, мы всегда сможем поговорить и об этом, – ответил я.

Мои возражения казались мне глупыми. Забыть о любви можно только научившись обманывать себя.

Почему ты не понимаешь, что тебе говорят? – спросила она.

Я казался себе сильным. Наташа всегда хотела, чтобы я почувствовал себя взрослым. Старался не давать ей поводов для упреков. Мой обман был необходим нам обоим.

Мне никогда не нравилась моя серьезность. Почему я был так самоуверен? В отношениях с женщиной вопросов всегда больше, чем ответов.

Я должен был заставить Наташу относиться ко мне внимательнее. Было унижительно думать, что я зависел от нее.

– Чего ты добиваешься? – спросил я. – Хочешь доказать мне, что я эгоист?

– Ничего я не добиваюсь. Никакой ты не эгоист.

– Нам не следует обвинять друг друга в своих неудачах.

Почувствовал, что краснею, и это было мучительно. Наташа задела мое больное место. Она понимала меня лучше, чем я понимал себя сам.

– Может быть, я просто неправильно любил? – я понимал, что притворяться мне уже давно незачем.

– Твоя уверенность в любви может быть только выдумана тобою.

– Прости.

– Я тебя не виню.

– Зато я себя виню.

В неискренности легко подозревать любого человека. Я, как и все люди, стараюсь скрыть самое неприятное о себе. Не следует любить женщину, рядом с которой ощущаешь свою беспомощность. Наташа понимала все мои слабости.

– Раз уж мы об этом заговорили, то мне еще хуже от того, что ты все время говоришь за меня, – я должен был спорить с ней.

– Если ты не хочешь слышать правду, зачем тогда спрашивать? Каждая женщина всегда притворяется такой, какой ей хочется казаться.

Она делала это назло. У меня не было других объяснений. Я ее понимал. Она не любила.

– Я не хочу причинять тебе боль, – я не знаю ничего беспомощнее своих угроз.

– Если разобраться серьезно, мне даже не в чем тебя упрекнуть. Просто мы не созданы друг для друга. Вот и все, –

ей очень хотелось убедить себя, что она меня не любит.

Ее голос звучал тихо, мягко и без иронии, но я все отлично понял. Ее слова ударили меня. Быть благодарным женщине невозможно.

– Не притрагивайся ко мне, – очень сложно возражать любимой.

– Теперь ты знаешь, какая я.

– Я по–прежнему ничего о тебе не знаю, – мне не удавалось разлюбить женщину, которая не любила меня.

Как я ни старался скрыть раздражения, Наташа его почувствовала. Она смотрела на меня, склонив голову набок, прищурив глаза, покусывая нижнюю губу и явно размышляя о чем–то.

Мною овладел испуг. Придет ли наконец день, когда я узнаю, чего хочу? Что мне надо в этой жизни? Как это глупо – позволять фантазиям управлять собой.

Наташа делала мне больно, унижала, но мне это нравилось. Странно. Я мог быть только смешным.

– Ты никогда не изменишься. Поверь мне, – она продолжала внимательно смотреть на меня.

– Что ты хочешь? Что можно хотеть от меня?

– Не строй из себя невинного младенца. Постарайся сдерживать свои чувства и не впадай в истерику.

Наташа могла бы и не отвечать. Я бы никогда не ответил.

Я не хотел ее слушать, но заткнуть уши было невозможно. Женщина всегда хорошо знает, какой мужчина ей необ-

ходим.

Если бы я только мог ответить почему все так происходило. Если бы я мог это как-то изменить, я бы что угодно сделал. Я бы стал другим человеком. Но ничего никогда не меняется к лучшему. Я понял это уже давно.

– Не объясняй мне, что я хочу, – я очень старался быть любимым.

– Мужчина, уверенный, что нравится женщине своим умом, может быть только глуп.

– Обидеть меня не сложно. Я уже не обращаю внимания на обиды.

– Никогда не считай себя неповторимым. Не заблуждайся. Непонятно, как можно быть таким неловким.

– Почему ты так говоришь?

– Почему? Что ж, я расскажу тебе почему. Ты меня слушаешь?

Как будто я мог упустить хоть одно ее слово.

Я молчал. Все, что она говорила, было ужасно, и мои слова не могли нам помочь. Я чувствовал, что Наташа меня не понимает. Убедить можно лишь человека, который хочет быть убежден. Мы продолжали мучить друг друга. Я пытался делать то, что не умел. Мне не мешали сомнения. «Клоун». Не сказала, так подумала. Я знал Наташу.

– Ты не сделала мне ничего плохого. Не больше, чем остальные, – я находил достоинства в ее недостатках.

– Я обманывала тебя.

– Это неправда.

– Женщинам нравится разочаровывать мужчин.

Я не ответил. Просто не мог. Растерялся. Когда невозможное становится фактом, я мог только лепетать что– то бессвязное.

– Хватит, – я говорил это не впервые, но Наташа уже не обращала внимания на мои слова.

– Ты обязательно успокоишься, если останешься один. Боль пройдет. И у тебя получится узнать что– то новое о себе. Неожиданное.

– Не хочу.

Правде сложно поверить. Я старался не казаться наивным. Мне следовало перестать притворяться. Наташа сказала то, что должен был сказать я.

Я любил женщину, которая смеялась надо мной. Она умела унижать. Я боялся понимать ее шутки. Мне не удавалось радоваться тому, что происходило.

Людям нравится быть безразличными к чувствам, которые важны для меня.

Я ощущал себя обманутым. Нужно было скрывать слезы. Всею свое время. Мое время еще не пришло. Подумай о будущем. Попробуй заглянуть в завтра.

Потом я услышал свой голос, хриплый и резкий:

– Совсем не обязательно, чтобы кто– то учил меня, как поступать.

– Лучшее, что ты можешь сделать – это не делать ничего.

Пытался разными словами высказать одно и то же. Наташа не понимала меня.

– Какие же вы все ненормальные, – сказала она.

– Кто все?

– Да вы, мужчины.

Для каждой женщины очень важны ее заблуждения.

Я должен был разозлиться на Наташу. Нет подтверждения моей вины.

– Сейчас я вижу и чувствую только одно: ты меня не любишь, – я обидел себя недостаточно сильно.

– Ты или другой. Не все ли равно.

Никому нельзя верить. Ни о чем не следует жалеть.

– Ты никогда меня не полюбишь? – я не должен был уступить отчаянию.

– Думаю, что нет.

– Но почему?

– Разве это можно объяснить? Не спрашивай. Спроси о чем угодно. Только не об этом. Ты вынуждаешь меня почувствовать себя старой. Искренность женщины – это ее прикрытие.

– Я не требую от тебя любви.

– Снисходительность мужчины необходима женщине не меньше, чем его заботливость.

– Наверное ты даже не знаешь, за что делаешь мне больно.

– Ощущение превосходства над мужчиной очень важно для меня.

Я ничего не ответил. Испугался, что, если не замолчу, она встанет и уйдет.

Мы смотрели друг на друга с чувствами, не сближавшими, а отдаляющими нас. Мне было трудно говорить с Наташей. Я казался беспомощным не только ей, но и себе.

Я не сомневался, что перестану мучиться, если сумею довериться Наташе. Никогда не стремился разоблачить ложь в каждом ее признании. Не умею защищаться от женских обид. Меня никто не оценит. Я не надеюсь. Каждый человек может ошибиться. Хотел убедить Наташу в том, в чем не был уверен сам. Я не умею врать. Мне необходимо научиться очень многому. Я – человек без воображения. Время все расставит на свои места.

– Ты меня обманула, – я не мог понять, как мне относиться к своей любви.

– Перестань верить в чудеса. Почему ты так на меня смотришь?

– Как я смотрю на тебя?

– Со страхом. Это уже не любовь. Не настоящая любовь.

– Так сразу человека разлюбить невозможно, что бы он не сделал.

– Дурачок.

– Очень многое в моей жизни зависит от тебя. Иногда мне страшно от ощущения, что зависит все.

– Уверенность женщины в правдивости признаний мужчины может быть только самообманом.

Я не должен был обижаться. Не следует стараться объяснять женщине то, что она не хочет понимать. Мне никогда не нравились люди, которые боятся понять самих себя. Я казался себе старше Наташи. Она не могла унижить меня сильнее, чем я унижал себя сам.

Мне начинало вдруг казаться, что я со стороны вижу себя и свою любовь. Все мои поступки и слова как бы раздваивались, теряли свой истинный смысл и приобретали какой-то нелепый вид. Я уже не могу быть прежним.

Открыл рот, чтобы что-то сказать, и понял, что сказать нечего.

Я был побежден, раздавлен. Мне была необходима эта женщина. Я не знал почему. Рядом с Наташей я всегда оказывался в проигрыше. Я не понимал, как ей удавалось оказываться сильнее и делать мне больно. Я хотел, чтобы равнодушие любимой женщины перестало причинять мне боль.

Смотрел на Наташу и думал: «Ты меня не любишь. Ты меня предаешь».

– Я должен тебе кое-что сказать, – я смотрел на ее лицо, так похожее на ее прежнее лицо.

– На твоём месте я ничего не стала бы говорить.

– Не волнуйся, я знаю. Я должен смириться со всем.

– Перестань. Стоит ли расстраиваться. Ведь этого нужно было ждать.

– Я без тебя не могу.

– Не говори глупостей. Прекрасно проживешь и без меня.

– Я без тебя умру.

– Хватит дурить.

– Я говорю об этом только потому, что люблю тебя.

– Каждый влюбленный мужчина вынужден выдумывать любимую женщину. Никому не хочется разочаровываться очень быстро.

Я сказал себе, что это мне хороший урок. Влюбленный всегда воображает, что он и его любимая – одно. Это ошибка. Но я чувствовал, что у меня хватит любви на обоих. Я не вырос.

– Ты для меня – самый близкий человек, – я говорил это просто и спокойно, не поднимая головы.

– Невозможно любить того, кто стоит на коленях. Того, кто не человек без тебя. Любовь – это всего лишь игра.

Никогда не следует оправдываться перед женщиной. Не нужно никому рассказывать о своей боли.

– Мне трудно тебе поверить, – я вдруг почувствовал, что слишком устал, чтобы сопротивляться. – Я не хочу сказать, что ты это выдумала, но просто мне трудно поверить.

– Постарайся.

Если не знаешь, что делать, не делай ничего.

Я почувствовал какое-то беспокойство от близости Наташи, – даже скорей неудобство, чем беспокойство.

«Она совсем близко, слишком близко», подумал я. Или мне это только казалось?

– Как ты можешь жить без любви? – спросил я.

Наташа прижалась ко мне и поцеловала долгим поцелуем. Давно она меня так не целовала. Непонятно, чему она радовалась. Не хотелось думать, что моей беспомощности.

Плохо мне было. Плохо, как никогда прежде. Почему я не скорчился, не встал на колени? Не взвыл, не зарыдал?

Постараюсь быть предельно искренним, постараюсь до конца обнажить свою душу. Ни одна женщина никогда не заставит меня сомневаться в своей правоте. В любви самое большое преступление, самое большое предательство – представлять себя с другой женщиной, мечтать о другой.

Мне некому жаловаться на самого себя. Наташа неудобна для слов. Что между нами общего? Что? Может быть, я выдумал свою любовь раньше, чем встретил Наташу?

Сначала я ни о чем конкретно не думал. Подумать надо было о слишком многом. Просто давал чему– то созреть внутри и очень медленно начинал понимать, что со мной творится.

Я не смогу полюбить другую женщину. Уж такой я есть. Не получится.

Я понял. Слишком хорошо все понял. Когда начинаешь думать о прошлом, значит, будущего уже нет. О любви не следует просить. Я не хочу учиться не любить.

Мы смотрели друг на друга, как люди, хорошо понимающие, о чем им следует говорить.

«Нет», подумал я. «Мне никогда не вернуть Наташу. Я не смогу стать тем человеком, кого она надеется найти во мне.»

Как будто только теперь Наташа начала существовать самостоятельно, перестала быть частью меня. Это ощущение было очень мучительно. Я старался защититься от него.

Она не любила меня. Она была от меня далеко. Любая женщина может быть счастлива и без меня.

Я наблюдал за Наташей. Моя любовь беспомощна.

– Не делай такое наивное лицо, – сказала она. – разве ты меня немного не ненавидишь? Разве ты не хочешь, чтобы я умерла – хоть ненадолго – нет?

– Я не могу быть эгоистом. Все мои беды от этого.

– Наверное, ты непонятен и самому себе.

Меня удивило не то, что она смотрела на меня, а то, как она смотрела. Взгляд ее был удивленный, как будто она увидела лицо человека, которого видела раньше, но не может вспомнить где.

Я со всей своей беззащитностью стоял перед своей любовью, стыдясь ухищрений, с помощью которых я надеялся эту любовь заглушить. Мне было удобнее молчать.

Человек становится смешон, если хочет казаться или быть не тем, кто он есть. Мне не нравится всегда быть добрым только потому, что я не умею быть злым.

– Умение быть неблагодарной естественно для любой женщины.

Я старался убедить себя, что она сказала это случайно.

Меня охватила паника и, ища поддержку, я сжал руку Наташи, забыв, что она – это она, а я – это я.

– Ты шутишь, – откуда– то издалека услышал я свой голос.

Невозможно рассказать о себе так понятно, как хочется. Я не мог сказать Наташе о самом важном. Мои объяснения были бы похожи на оправдания.

– Объясни мне, что происходит.

– Я не люблю тебя. В моих глазах ты сможешь увидеть только безразличие. Чувство к мужчине очень быстро перестает ощущаться новым и неповторимым.

– Не знаю, что тебе сказать.

– Со мной трудно разговаривать.

– Что ты делаешь со мной? Что ты делаешь с нами обоими?

Не следует верить в искренность всех женских признаний. Наверное, я что– то не понимал в ней. Кажется, что я не понимал очень многого. Мне было сложно, но я не хотел ничего менять. Легко любит лишь человек, который ничего не чувствует.

Наташа продолжала смотреть перед собой, сидела ссутулившись, руки где– то между коленями. Это меня разозлило – она насупилась, как обиженный ребенок.

– Ты совершаешь ошибку, – я не хотел говорить этого вслух.

– Я так не думаю.

«Не будь дураком», сказал я себе. «ты поступишь правильнее, если оставишь ее в покое. Ты ничем ей не поможешь».

Но я должен был попытаться. Это было самое простое решение из всех, какие мне когда– либо приходилось принимать. Если не сейчас, то когда же?

– Ты можешь любить меня так, как тебе хочется, – я делал вид, что ничего не замечал.

– Я уже ничего не хочу.

Ах, вот оно что, думал я, вот куда она клонит. И ответил:

– Я боюсь твоего равнодушия.

– Ты повторяешься. Сколько можно говорить об одном и

том же?

– Я просто не выдержу этого.

– Конечно же, выдержишь. Ты очень сильный. И ты сам должен постоянно напоминать себе об этом.

Я вовсе не чувствовал себя сильным. Чувствовал себя маленьким мальчиком. Я понимал, что смешон. Но мое положение было не только смешное, но и безвыходное. Наташа не боялась нашего расставания.

Она находилась рядом со мной, но казалась такой далекой, словно была очень далеко.

– Ты огорчаешь меня, маленький, очень огорчаешь, – женские признания умеют быть ненужными.

– Споры никогда ничего не решали.

– Кто тебе это сказал? Боишься проиграть?

Она была маленькая, некрасивая и злая. Иногда искренность любимой женщины может только огорчать.

Наташа спокойно смотрела на меня, когда мне было очень больно. Она ничем не могла мне помочь, и с этим ничего нельзя было поделать.

«Потерпи», сказал я себе.

Наташа с притворным сочувствием посмотрела на меня:

– Я должна что– то сказать?

– Да.

– Мне очень жаль.

– Нисколько тебе не жаль, сама знаешь.

Я думал, что мне снова придется испытать боль. Но на

самом деле я не ощутил ничего или почти ничего. Я уже не боялся. Хуже быть не может.

Я не создан для того, чтобы обманывать и вымещать свое зло на других людях. Но весь этот день, как я не старался собой владеть, обман и злоба не раз появлялись в моих словах.

Я не хотел смотреть на Наташу. Хотел забыть о ее существовании. Но раны, наносимые любимой женщиной, никогда не забываются.

– Почему ты так со мной говоришь? Мне от этого очень одиноко, – я не мог уступать ей всегда.

Наташа посмотрела на меня, потом пожала плечами, как будто смирилась с тем, что я все равно ничего не пойму. Ее опыт не мог стать моим. Мне никогда не удастся понравиться женщине искренностью своей нежности.

– Ты никогда не был убедителен. Ну почему ты всегда находишь, на что жаловаться? – она говорила до противоположно искренне. Ей редко удавалось быть сложной в своих чувствах.

– Еще вчера ты меня любила.

– Каждый мужчина может убедить себя в любви женщины.

Я смотрел на Наташу так, словно видел впервые в жизни. Когда женщина бьет, она хочет убить.

Невозможно не замечать положения, в котором я оказался. Полная безысходность. Я ненавидел свою беспомощность. Я злился. Неприятно сознавать, что злился на самого

себя. Разве можно обвинять любовь?

– Почему ты уверена, что знаешь обо мне все? – я не мог согласиться с Наташей.

– Ты не хочешь понять, что уже вырос.

Я вдруг испугался. Испугался слов, которые был готов сказать.

В моем распоряжении только два чувства: отчаяние и надежда. Я боюсь думать о безвыходности моего положения. Кажется, я загнал себя в угол. Мне очень сложно найти для себя слова утешения. Не знаю, что я должен понять. Мне сложно обвинять себя. Каждый человек может гордиться недостатками, которые ему не удастся исправить.

Наташа все–таки обидела меня. Я позволил ей надеть на меня маску клоуна и не сбросил ее. При воспоминании о том, что я говорил и каким тоном, я превращаюсь в ничтожество. Рядом с любимой женщиной я всегда выглядел дураком.

Я ощущал во всем теле только усталость. Ненавидел себя больше, чем ее.

– Ты просто ребенок, – этого ей говорить не следовало. – скажи, ты меня еще любишь?

– Не знаю. Я уже не знаю, что такое любовь.

– Не мучайся.

– Легко сказать.

– Нет, сказать это не легко.

– Может быть, мне нравится унижаться перед тобой?

– Только влюбленный мужчина может забыть о своем эгоизме.

Я спросил ее почему, а она ответила мне вопросом на вопрос:

– Неужели ты действительно не понимаешь?

– Нет. Но я попытаюсь. Не знаю, смогу ли. Но попытаюсь.

Наташа посмотрела на меня так, словно я сказал глупость. Мне вдруг показалось, что я должен защищать ее от чего–то ей неизвестного, опасного. Я в самом деле чувствовал себя защитником этой жестокой женщины.

– Мужчины, которые рассчитывают на женщин, чтобы выпутаться из своих проблем, самые настоящие уроды, – она неправильно меня поняла.

– Ты сама не знаешь, что говоришь. Ведь ты меня еще любишь. Признайся в этом.

– Ничего не получится.

– Я бы хотел понять, что с тобой произошло.

– Я сама часто спрашиваю себя об этом.

Я испытал мучения, причем не столько от ее слов, сколько от тона, которым они были сказаны. Иногда мне казалось, что Наташа сама себя не понимает.

– Как ты можешь быть такой жестокой? – я знал ее ответ. Знал и спросил. Человек состоит из противоречий. Я не исключение.

– Извини.

– За что?

– За то, что разочаровала.

– Я не разочарован. Я удивлен, – иногда мне хотелось забыть о существовании любви.

– Почему ты любишь меня?

– Я только что спрашивал себя об этом. Я бы хотел не любить тебя.

– Взрослеешь.

– Тебе видней.

– Ты должен мне верить. Тебе не остается ничего другого.

– Ты уверена, что хочешь именно этого?

– Соглашаться с женщиной всегда правильнее, чем возражать ей.

– Да.

Да. Я знал, когда следует соглашаться. Наташа смотрела на меня не то улыбаясь, не то с гримасой боли. Уступить было не сложно.

Мне вдруг показалось, что я постарел. Это ощущение отчетливо запечатлелось в моей памяти.

– Любовь – обязательно трагедия, – я этого не хотел. Я к этому не стремился. – Я начинаю подозревать, что иначе быть не может.

– Мальчишка. Ты сам выдумываешь все свои проблемы.

Я не хотел думать. Не нужно осознавать свое отчаяние. Я был только мальчишкой.

Наташа замолчала, а я думал о звуке ее голоса, о том, что нам одинаково больно. Она оправдывалась. А я бы этого не

делал. Никогда не окажусь в таком положении.

– Почему ты молчишь? Твое молчание сводит меня с ума, – я не хотел верить ее равнодушию.

– Потому что нам не о чем говорить. Вспомнить о тебе было бы приятно. Но мне нечего вспоминать. Женщина помнит не того мужчину, который любил ее, а того, кого она любила сама.

– У тебя все?

– Я свое сказала.

Если бы об этом говорил кто– то другой, я бы не стал слушать. Я не люблю учиться. Мне нравится учить.

Разве я действительно был плох? Наташа смогла убедить в этом только себя. Не хочу соглашаться с ней. Но какой– то голос убеждает меня, что я должен это сделать. Ничего более оригинального мне в голову не приходит. Я чувствую, что изменился. Или мне это только кажется?

Любовь возвращается ко мне безразличными словами. Я устаю от любви. Понять это в себе не просто.

Хочу, чтобы правду обо мне узнала женщина, которой ее следует знать. Разве я не мог посмеяться ей в лицо? Нет. Только желание понять, что со мной происходит вынуждает меня вспоминать все. Смотрю на свою любовь, как зритель. Все, что происходило не кажется мне странным. Прекрасно вижу, что далеко не за все веревочки дергал я. Некоторые я упустил. Их подобрала Наташа.

Я понимаю, что от себя никуда не денусь. Буду по– преж-

нему жить день за днем. Не сломаюсь, и никто никогда не услышит, чтобы я закричал. Наташа не сможет услышать меня, даже если я закричу.

Не могу освободиться от Наташи. Не могу спать, не могу думать. Это моя жизнь. Хочу смотреть на нее. Глаза в глаза. Наташу не рассмотреть иначе.

Иногда глядя на Наташу, я уже не видел ее такой, какой видел прежде. Она перестала быть для меня красивой, уродливой, молодой, старой. Я уже не мог сравнивать ее ни с кем другим, даже с ней самой. Мне становилось страшно. Я бы хотел не думать о Наташе.

Я ждал. Почему— то был уверен, что проиграю. Вся моя жизнь — это серия маленьких неощутимых проигрышей. Все, что падает, необходимо еще толкнуть.

Я, казалось, не верил Наташе. Не полностью верил. Пытался найти какие— то объяснения. Такие объяснения, которые никогда не приходили мне в голову раньше. Зачем думать о себе только плохо?

— Ты меня никогда не любила, — за меня говорила моя обида.

— Почему ты об этом заговорил?

— Мне просто хочется знать, вот и все.

Каждый мужчина упрекает меня в эгоизме. Я знаю, что это никогда не закончится. Не думай обо мне слишком плохо.

Мое лицо переменилось даже с того времени, как я видел ее в последний раз. Это Наташа неизвестно как воздействуя на меня, сделала его взрослее. Но я— то знаю: я тот же. И все

прошлое – не сон.

Какие– то слова вертелись у меня в голове, но ни одного из них я не мог произнести. Слова разочарования никогда не были для меня важнее слов любви.

Посмотрел на Наташу, понимая, что она знает что– то, чего не знаю я. Что я мог сделать? Просто улыбался. Как идиот.

– Не могу тебя понять. Не могу, – я унижался перед женщиной.

– Чего же именно тебе не хватает?

– Ясности и определенности.

– Будет правильнее, если у нас не останется тайн друг от друга. Мне никогда не удавалось довериться мужчине полностью. Но рядом с тобой я не знаю, что мне следует постараться скрыть о себе.

Мне всегда было сложно понять, что хотят женщины.

Наташа смотрела на меня чуть прищуренным взглядом. Я молчал, мне было нечего возразить. Я думал, что только я такой умный. Может быть, в ее словах был тайный смысл? Может быть, я выдумывал его сам?

Попытался улыбнуться Наташе, но так и не понял, удалось ли мне это. Боялся выглядеть смешно. Я никогда не выглядел иначе.

Почувствовал, что порвалась тоненькая ниточка, связывающая нас. Я перестал спешить. Я уже опоздал.

Сейчас я понимаю: это мне показалось. Но тогда я был уверен.

– Я не могу вообразить себя любимой, – она снова заговорила, очень спокойно, словно о каких– то пустяках. – Я не умею любить. Ты должен понять, что ты мне безразличен.

– Ты хочешь казаться хуже, чем ты есть. В этом твое несчастье.

– Что ты пытаешься объяснить?

– Не знаю. Я люблю тебя. И ненавижу за то, что вынужден любить.

– Это не имеет значения.

– Мне не хочется расставаться с тобой.

– Тебе все еще удастся обманывать самого себя.

– Я бы любил тебя. И все прощал.

Я испугался своего собственного голоса. Он показался мне каким– то чужим. Все слова уходили в пустоту. Не знаю, так ли это было. Я не уверен.

И вдруг я увидел, что Наташа все поняла. Мои страхи. Она догадалась о них. Я знал, что так будет. Но когда это произошло, моя любовь показалась мне злой шуткой.

Наташа хотела убедить, что я люблю ее меньше, чем это было в действительности. Я возражал. Никому и никогда не нравились мои возражения.

Никогда прежде я не желал так мучительно любви. Старался найти слова, которые могли бы удержать Наташу еще на две минуты, хотя бы на минуту.

– Я хочу быть с тобой, – а что еще мне оставалось? – Что бы ты не говорила, что бы ты не делала, но я все равно хочу

быть с тобой.

– Не умея презирать женщину, мужчина никогда не понравится ей.

– Я хитрый. Я умею скрывать свои чувства.

– Только не от меня.

Отвечать или нет? Не знал, что лучше. Иногда я обманываю. И не всегда убедительно.

– Не усердствуй так, – усмехнулась Наташа.

– Времени совсем нет.

– У кого?

– У нас у всех.

– Я знаю, как тебе трудно. Не думай, что я не знаю.

Ее голос звучал уверенно. Она говорила откровенно и требовала откровенности от меня. Я все понимал или притворялся, что понимаю. Человек, который любит, или не сомневается ни в чем, или же сомневается во всем. Женщинам нужна причина, чтобы сделать то, что они хотят. Им нужно оправдание.

Я не могу быть счастливым без любви. Объяснить себя не просто. Но невозможно отрицать, что однажды я все же был счастлив.

Наташа смотрела на меня, и я не могу сказать, что означал ее взгляд. Улыбался фальшивой, бесчестной улыбкой. Очень сложно смеяться, когда хочется плакать.

Я не особенно ловок в отношениях с людьми. Я не из тех, кто с улыбочкой минует острые углы. Может быть, это при-

дет со временем. Оказавшись ненужным любимой женщине, я перестал быть нужным самому себе.

– Каждая женщина стремится избавиться от необходимости быть зависимой от мужчины, – Наташа возражала не мне, а кому – то другому.

– Не можешь дождаться, когда избавишься от меня?

– Ты меня не понял.

Я не хотел ее понимать. Почти не был удивлен. Разве я не знал об этом всегда? Да, все так, я знал. Но мне не хотелось думать об этом.

За что? Я искал причину, искал оправдание для нее. За что? Ни одна женщина не сможет ответить мне на этот вопрос.

Как будто любви не было. Я не хотел мириться с реальностью. Не хотел делить Наташу с ее прошлым. Не видел выхода и не мог в это поверить. «Вот и все», подумал я, «это конец». Совсем не удар способен причинить самую сильную боль.

Виноват ли был я, или произошло то, что должно было произойти? Мой мозг сверлила только одна мысль: как бы побыстрее уйти. Никогда прежде я не ощущал такое желание остаться наедине с собой и обдумать все, что происходило. Ничего нельзя объяснить женщине, которая не любит.

От осознания, что невозможное все же произошло, я окаменел и как будто даже остался один. Замерев, я только смотрел на нее. Я тот, кто есть. Клоун. Наташа никогда не по-

смотрит в мою сторону.

Она смотрела на меня, как на незнакомого человека. Я остался один. Только человек, не умеющий чувствовать, не может ощутить боль от расставания.

– Обними меня на секунду, – Наташа была уверена, что все еще нравится мне.

Близость ее тела вызывала чувство брезгливости, почти отвращения. Я не удивился этому. Иногда мне кажется, что я уже не способен удивляться.

Я не все услышал, что она говорила. Не хотел услышать. Обещал себе не расстраиваться из– за ее слов. В моих отношениях с Наташей слова всегда были важны.

Что еще она говорила тогда? Что? О чем я думал рядом с ней? Мне было тошно от нее, от себя, от всего вокруг. Объяснить себя не просто. Не знаю ничего мучительнее поиска самооправданий. Ощущение вины не может заставить измениться ни одного человека. Я не сержусь на Наташу за это. Я люблю ее. Боюсь причинить ей огорчения. Можно это назвать любовью или нет? Единственный человек, которому я могу что– то доказать – это я сам.

Почему я все время думаю о Наташе? Разве любовь требует самообмана? Любовь – дорога, ведущая в тупик.

Я мало дорожу тем, что получается легко. Для меня важно знать о своих успехах. Я хотел слишком многого. Кто хочет многого, ничего не получает.

Когда можно сказать, что знаешь человека? Может, лишь после того, как поймешь, что это невозможно и смиришься с этой невозможностью. Наташа видела во мне не того человека, которого я видел в себе сам.

Лучше быть обманутым, чем недоверчивым. Наши отношения были игрой, для которой я сам придумал все правила. Ясность исчезла, исчезла надежда – осталась только любовь. Зачем Наташа искала для меня самые унижительные слова?

Смотрел на нее, не шевелясь. Я знал, что наше расставание будет ужасным. Наташа дала мне возможность самому признать свое поражение. Чувствовал себя униженным, вдруг сразу поглупел. Она менялась так быстро, что я не успевал реагировать на ее признания.

– Я очень устал от твоего равнодушия, – моя любовь не могла зависеть только от меня.

– Ты меня еще любишь?

– А ты сомневаешься?

– Нет, но было бы проще, если бы не любил.

Это был удар. Я дрогнул, но тут же сказал себе: а почему

бы и нет? В желании уступить любимой женщине, нет ничего необычного.

Не могу забыть ее взгляд: злой и несчастный одновременно.

– Я тебя никогда не любила, – она сказала это очень спокойно. Уже не в первый раз. – Ну и что? Почему я должна была любить тебя? Почему вообще надо кого– то любить?

– Ты говоришь с какой– то обидой.

– Наверное, так оно и есть.

– Я думаю, что не любить – глупо.

– Не могут же все быть такими умными, как ты.

А ведь на самом деле она говорила: «Я не люблю тебя».

– Скажи что–нибудь хорошее, – мое горло сжалось, трудно было произнести даже слово.

– Что тебе сказать?

– Выдумай, что ты меня любишь.

– Зачем? Ищешь сострадания? Совета? Смысла? Объяснения?

Хотел смотреть и смотреть на нее. Смотреть не отрываясь, но все–таки опустил глаза. Мне было стыдно, что она так легко читала мои мысли.

Почему Наташа говорила мне это? Что во мне было не так?

Я был намерен вытерпеть все, что она мне скажет. Оправдание любимой женщины не требует усилий.

– Ты меня просто используешь, – мне хотелось только со-

глашаться с Наташей.

– Я никогда не умела чувствовать себя виноватой перед мужчиной.

Я знал, что не смогу изменить ее. Мне было неприятно сознавать свою беспомощность. Но разве я боялся ее? Да. Мне незачем врать самому себе.

Ненадолго наступило молчание. А на меня навалилось отчаяние, показалось, что стало холодно. Руки у меня дрожали, но эта дрожь была вроде бы внутренней, для Наташи незаметной. Мне очень хотелось научиться ненавидеть ее. Но не следует признаваться женщине в том, что она не способна понять.

– Почему ты такая задумчивая? – спросил я.

– Так, вспомнила что–то.

– Вот и я тоже.

– Я не люблю тебя. Я никого не люблю. Я не хочу никого любить.

– Кто будет любить тебя, как я? – мои возражения убеждали только меня.

– Твои желания выдумывают любовь.

Повернулся, чтобы заглянуть ей в глаза, но она упрямо смотрела перед собой. Наверное, я не умею любить так, как любят все. Наташа изменила мои представления о любви. Я не хотел оказаться прав. Не следует искать логику в своих поступках. Я оказался не готов понять правду о себе. Любимая женщина вынуждала меня ощущать себя жалким, но я

не мог от нее отказаться – от ее тепла, ее глаз. Не хотел ничего исправлять.

Непонимание между двумя людьми может длиться долго. Я боялся убедиться, что преодолеть его невозможно.

– Иногда мне начинает казаться, что ты меня любишь, – мои признания удивляли меня не меньше, чем ее.

– Любовь может быть только самообманом. Я уже не хочу выдумывать в себе ощущение любви.

– Но я же люблю тебя.

– Не будь смешным.

– Ты понимаешь, что я должен буду ненавидеть тебя?

Ее губы изогнулись в насмешливой улыбке:

– Можно сказать и так.

«Разве так можно?» подумал я.

Не мог же я сдать все позиции. Заставил себя улыбнуться, как если бы она пошутила. Зешил, что имею право на маленькую ложь.

Вспоминать о своих неудачах неприятно. Хочу знать о них один. Мне следовало перестать удивлять любимую женщину глупостью своей доверчивости. Я ясно понимал свое положение – ни в чем другом ясности не было. Клоун. Никогда не смогу стать для Наташи кем– то другим.

– В отношениях женщины с мужчиной всегда есть расчет, – ей нравилось злить меня.

– Я не хочу изменить свое мнение о тебе.

– Ты не выглядишь убежденным. Тебе следует научиться

делить людей на плохих и хороших.

Исправить свою любовь невозможно. Я не хочу исправлять. Совсем необязательно было искать возражения против ничего не означающих фраз Наташи. Ее безразличие делало меня ненужным самому себе. У меня было ощущение, будто я играю роль, которую не успел выучить.

– Я еще не поставил на себе крест, – мне хотелось сказать ей очень злые слова. – А вот ты поставила. И шагаешь по мне. Не отвечай. Я у тебя ничего не прошу, тем более ответа. Просто я хочу, чтобы ты знала.

– Ты смешон.

А я хотел унижить.

Наташа смеялась. Я тоже, через силу. У меня нет желания оправдывать ее.

Есть вещи, случившиеся с нами, которых я совершенно не помню. Зато другие отчетливо стоят перед глазами.

Смотрел на Наташу и пытался понять: зачем ей все это? Я подумал, что нельзя ничего оставлять недосказанным.

– Совсем не обязательно надо мной смеяться, – я уже не надеялся, что она поймет меня.

– Не будь злым. Тебе это не идет. Мужчина никогда не сможет оправдаться перед женщиной, которой он безразличен.

Только теперь понимаю, что она хотела сказать. Тогда же я лишь спросил:

– В каком смысле?

– Безразличие всегда длится дольше любви.

Хотел ответить – и не смог. Не чувствовал ничего, кроме усталости. Я молчал. Мне было нечего сказать. Не ко всякому признанию любимой женщины хочется быть готовым.

Старался не смотреть ей в глаза. Сам не знаю, почему. Я ненормальный, говорил я себе. Ненормальный.

Теперь мне предстоит расплачиваться за любовь – всю жизнь. Я об этом знал, но не мог представить.

Наташа находит удовольствие в том, чтобы дразнить меня и мучить. Я никогда не хотел ощутить себя правым в споре с любимой женщиной. Она и не подозревает о том, какую имеет надо мной власть. Мне это нравится. Я только теперь понимаю, что мне это нравится.

Я все делал правильно? Не хочу думать о себе. Думаю о Наташе.

Люди выживают в этом мире благодаря умению делать выводы. Однако все мои выводы оказались ошибочными. Ты можешь быть только смешным, сказала Наташа.

Ощущаю свое одиночество. Оно не только пугает меня, но словно мешает думать и дышать. Одиночество – состояние, которое находится не только во мне, но и вокруг меня.

Ищу жалости. Хочу, чтобы меня жалели. Шептали тихие бессмысленные слова. Гладили по голове.

Кто меня пожалеет?

Пока не сказаны последние слова, всегда остается надежда: а, может быть, Наташа любит меня. Всегда остается надежда, даже если я знаю, что она не любит. Я чувствую боль, думая о любимой женщине.

Любовь словно ускользает от меня. Уходят мысли, воспоминания. Все на свете, целый мир – все соединялось в ней одной. В Наташе. Без нее все рассыплется. Я это чувствовал.

– Я хочу, чтобы ты была счастлива независимо от того, счастлив ли я. Мне остается только ждать, – я не верил в то, что говорил.

– Твоя любовь, дойдя до меня, становится чем– то совсем другим, чем– то таким, что мне просто не нужно.

– Прекрати, Наташа, ты меня убиваешь.

– Тебе не обязательно скрывать свою злость.

Как она могла такое сказать? Что она хотела от меня? Я подумал, что она ведет себя, как ребенок, но ничего не сказал. Я не был уверен в правильности того, что делал. Мне не удавалось избегать ошибок.

Настроение Наташи или, возможно, ее слова почему– то вызвали у меня чувство неполноценности. Я не мог убедить ее в своей любви. Смотрел на ее лицо и, хотя в нем ничего не изменилось, я увидел, что это лицо несчастного человека.

Ее признания были не нужны нам обоим.

Я закрыл глаза, но продолжал ощущать мучительное присутствие Наташи рядом с собой. Лучше быть одному, без этой женщины. Мне не всегда удается радоваться, узнавая правду о себе.

Я знал, что уговоры бесполезны и она действительно уходит. И все же сказал беспомощно, как ребенок:

– Останься, Наташа.

– Ни одной из женщин никогда не удастся избежать разочарования в мужчинах.

Не уверен, что мне есть чем хвастаться. Я привыкал быть беспомощным. Мне не легко говорить правду. Я чувствовал себя одиноко рядом с любимой женщиной.

– Дай себе еще немного времени, – я говорил это не для неё. Такие слова говорятся только для себя.

– Зачем ты это повторяешь? Тебе не кажется, что уже хватит?

Хотел что–то ответить, но тут же забыл что. Был слишком взволнован. Разве я не видел в ее глазах любовь? Или мне казалось?

Я улыбался. Словно со стороны видел я эту свою улыбку. Не улыбка, а растянутая щель рта. Веселость, под которой таится обман. Хуже не бывает. Знакомое чувство жалости к себе снова овладело мной.

Знаешь, что самое смешное, Наташа? Иногда мне кажется, что тебя просто не было.

– Я буду ждать, – я постарался произнести это, как само собой разумеющееся. Я не хотел, чтобы она подумала, что меня это гложет.

– Что?

– Тебя.

– Я не ожидала, что ты такой.

«Какой такой?» – подумал я. – «Какой я такой?»

– Иногда мне кажется, что я недооцениваю тебя.

– Мне тоже.

– Прости меня. Вернуться от безразличия к любви невозможно.

Наташа смотрела на меня как бы издалека. И опять я почувствовал ее сожаление. Я боялся, что она уйдет от меня. Чего боялся, то и происходило. Это логично.

– Ты – моя боль, Наташа, – никогда мне не приходилось говорить слов сложнее этих.

– Я тебя предупреждала. Любовь женщины разумнее любви мужчины.

– Ты права, как всегда.

– Не надо так говорить. Лишь иногда. Любовь пройдет. Ты же сам понимаешь, что любовь проходит.

– Как ты все хорошо знаешь.

– Я знаю тебя.

Не мог ответить «да». Но и не хотел говорить «нет». Не стал возражать. В этом не было никакого смысла.

Наташа, наверное, получала настоящее наслаждение, от-

ведя мне дурацкую роль клоуна, с которой я смирился. Взглянув на нее, я подумал: не сомневаюсь, что ты опять поступила бы так же, повторись все еще раз. Такова жизнь. Воспоминания делают меня несчастным.

– Нам просто необходимо расстаться, – сказала Наташа. – Ты знаешь это не хуже меня.

– Пожалей меня.

– Каждая женщина может ощутить жалость к мужчине, который ей безразличен.

Хорошо видел ее глаза. В них не было сожаления. Просто глаза человека, который наблюдает за своим врагом. Раньше мне казалось, что я понимаю женщин.

Я понял, что Наташе нельзя говорить правду. Совсем нельзя. Мне хотелось сказать это ей. Так и не попытался. Трус. Это была моя не первая неудача.

– Не ешь себя, – сказала она. – Желание обидеть мужчину есть в каждой женщине.

– И это все о чем ты думаешь? – я пытался выглядеть удивленным. Не получилось.

Мне хотелось перестать верить самому себе. Сейчас я не понимаю, почему это было необходимо. Говорил правду и тогда, когда должен соврать. Мне удастся быть откровенным.

– Даже ради того, чтобы ты понимал меня, я не могу быть глупее, чем есть, – Наташа слышала только саму себя.

– Ты же сама этому не веришь.

Я понимал – она говорит правду. Происходящее не было

ложью. Все понимал, но мне не хотелось на эту тему говорить. Мне не нравится, когда мои несчастья недооценивают. Злиться на самого себя долго невозможно. Наташа посмеялась над моей искренностью. Только сейчас сообразил, как это было жестоко.

Я завидовал умению Наташи не сомневаться в правильности сделанного. Нужно уметь забывать о неприятном. Утешал себя тем, что таких, как я, мало, но это было слабым утешением. Мне не нравится этот мир, полный измен и обманов.

– Расставаясь с мужчиной, женщина всегда сожалеет, что обидела его недостаточно сильно, – ей нравилось унижать меня.

– Я в жизни ничего более мучительного не испытывал, но раз ты довольна, я не жалею. Я страдаю. Ты сама знаешь. Я терплю, потому что причиной – ты. И терпел бы и дальше, – я не мог не зависеть от любимой женщины.

– Предсказуемый мужчина перестает быть интересен.

– Рядом с тобой все мои разочарования в себе перестают быть только выдумкой.

– Ты еще ребенок.

– Никакой я не ребенок. И никогда ребенком не был. Я не знаю, как можно защититься от любимой женщины. Может быть, тебя следует пожалеть.

«Неужели нет ничего сильнее злобы?» – подумал я. Что-то умерло между нами. Никакие слова были не способны

остановить Наташу. Я не мог успокоиться от мыслей. Я не хотел узнать о ее способности ненавидеть.

– Поцелуй меня, – попросила она.

– Нет.

– Ты не хочешь меня поцеловать? Разве ты не только забавен? Ты очень серьезно относишься к происходящему. Жизнь – проще. Ты же хочешь меня.

– Нет.

– Ненавижу тебя.

– Нет, – я говорил ей лишь одно слово и поступил вполне разумно. И еще раз сказал:

– Нет.

Как, однако, легко врать, когда обстоятельства вынуждают. Самого себя я обманывал не меньше, чем Наташу. Не важно то, что я сделал или не сделал. Важно то, что я сказал все, что считал необходимым сказать.

Надо терпеть. Я так научился терпеть, что мог бы давать уроки терпения. И все это из– за женщины, которая сидела рядом со мной и улыбалась.

Не думай о Наташе.

Не думай.

Рассказывая о любви, легче выдумывать, чем говорить правду. Я слишком долго принимал воображаемое за действительность.

Мне еще придется мучиться из– за Наташи, я знаю, но я уже не буду винить ее в этом и злиться на нее. Вот так. Слова

любви есть, а сказать их некому.

По- моему, я просто в отчаянии. И такое странное выражение лица. Вдруг подумал, как же я постарел.

Все мои чувства были настороже. Я старался замечать все, что могло бы помочь мне. Пробовал возражать Наташе. Не уступал ей лишь потому, что хотел уступить.

– Не стану говорить, что меня мучают угрызения совести или что– то похожее. Врать не буду, – вот так, несколькими словами она выбивала почву у меня из– под ног.

– Любовь существует.

– Нет. Меня никто и никогда не любил. Ты понимаешь меня?

– Нет.

– И я тоже не понимаю.

«Не думай о ней», говорил я себе. Делал все, что делать не следовало.

– Мужчины умеют забывать о любви быстрее женщин.

– Кто может тебя забыть? Даже если бы он хотел? Почему ты мешаешь мне любить тебя?

– Что ж, я заслужила этот упрек.

– Я не шучу.

– Я тоже. Ты просто не хочешь слушать меня.

– Не хочу. Мне следовало бы догадаться. Это правда: ты меня не любишь. Ты совсем не думаешь обо мне.

– Не указывай мне, что мне следует делать.

– Ты знаешь, что ты делаешь?

– Я почти всегда знаю, что я делаю.

– Так что, значит, это правда? Все кончено? Ты это знаешь?

– Да. Я знаю. Ты что– то хочешь сказать?

«Как всегда, догадалась», подумал я.

– Нет, ничего.

– Не отвечай. Я давно это знаю.

Я так не могу. Я должен любить.

Говорил каким– то злым голосом, хотя даже не понимал, был ли на самом деле зол. Может быть. Я никогда не был уверен ни в чем, кроме своей любви.

Самое интересное, что я не нуждался в утешении. Возможно, конечно, я ошибался. Не знаю, почему я вел себя так глупо.

Смотрел на Наташу и видел, что все происходящее с нами означает «нет».

– Рядом с женщиной мужчина может быть только эгоистом.

Я ответил «да», хотя это и не соответствует правде. Но я решил, что так будет правильнее.

Мы смотрели друг другу в глаза. Я должен был сказать здесь и сейчас самые злые слова, какие мог найти:

– Я кое– что забыл тебе сказать.

– Что?

– Я люблю тебя.

Не знаю чувства более сложного, чем любовь.

– Почему ты до сих пор меня любишь? Почему?

– Судьба, – подумал я. Подумал вслух..

– Не смотри на меня так.

– Мне будет тяжело жить без тебя.

– К обещаниям мужчины не следует относиться серьезно.

– Это ужасно.

Я и на самом деле так думал. Каждый человек плачет по-своему. Из моих глаз не выкатилось ни слезинки.

– Я должна была тебе это сказать, – женщина всегда убеждает себя сама.

– Лучше бы не говорила. Ты ошибаешься, если думаешь, будто ты меня совсем не любила.

– Любой женщине нравится быть неблагодарной. Сходить с ума из-за мужчины – глупость.

Я не сразу понял, о чем она говорила. Потом догадался. Но почему так? На это я не мог ответить. От недостатка воображения можно только страдать.

Мне не хотелось слушать Наташу. Не испытывал даже обыкновенного любопытства. Не знал, что сказать. Мне казалось, что лучше всего молчать и ждать, пока она поймет свою ошибку. Просто потерпеть какое-то время.

Я ждал. Ждал.

Я чувствовал мучение – меня все больше засасывало отчаяние. Я боялся признаний Наташи.

– Я не могу с тобой говорить, – в ее словах звучала такая

уверенность, что я поверил ей. – Нам нечего больше сказать друг другу.

Я зажал рот ладонями.

Мы молчали. Она все еще смотрела на меня, но постепенно перестала меня видеть, ее взгляд устремился куда– то вдаль.

– Ты не мужчина, – Наташа сказала это очень убежденно и без злобы.

Моя память не может ничего исправить в словах любимой женщины. Никогда не думал, что любовь завершается так странно. Изумление переходило в боль и мне хотелось кричать. Что она сделала со мной?

Клоун. Возможно. Но может ли любовь быть иной? Словно ждал, когда мне на этот вопрос ответит Наташа.

– Неужели ты не поцелуешь меня на прощанье? – она просила о невозможном.

Наташа наклонилась ко мне и прижалась горячими губами к моим губам. Я подумал: «прощай».

Мне никогда не удастся заставить себя ненавидеть любимую женщину. Никогда не думал о том, что могу ее потерять.

Не помню, что я чувствовал. На самом деле я уже ничего не чувствовал. Не мог чувствовать. Разве что, к собственному ужасу, намек на облегчение. Слишком хорошо помню все.

«Расти всегда трудно», подумал я. «И очень больно».

Моя жизнь зашла в тупик. Я мгновенно и навсегда стал

взрослым. Что— то во мне умерло, и я ненавидел Наташу за то, что она была этому причиной. У каждого человека есть тайна, которую он никому никогда не раскроет.

У меня была любимая женщина, а потом — ничего. Я старался думать о чем—нибудь другом. Ничего не помогало.

Меня тянет к Наташе. Со страшной силой. Прошлое владеет мной. Есть люди, которые, пережив в жизни трагедию, перешагивают через нее. Мне это не удастся.

Иногда случившееся кажется мне сном, вроде того, когда снится, что я умер, но знаю, что этого не может быть, что надо только проснуться. Может, со мной произошло что—то непоправимое. А, может, ничего не произошло, и именно это непоправимо.

Никогда не смогу сказать, что разлюбил Наташу. Я — не ее судьба. Это моя судьба — Наташа. Хочу видеть ее, хочу слышать ее голос. Хочу, чтобы она была рядом.

Я хочу быть прав только в одном. Жить без любви нельзя. Наташа это может, а я не могу. Моя любовь никогда не закончится. Никогда.

А может быть, любовь всего лишь иллюзия?

Я думаю и думаю над тем, что произошло и почему так произошло. А когда человек живет только прошлым – это уже старость.

Расставание с любимым человеком противоестественно. Я уверен в этом. Знаю, что мне никто и никогда не сможет заменить Наташу. Она мне нужна. Единственная.

Она не хочет замечать мое присутствие. При встречах просто проходит мимо. В ее мире я уже не существую.

Воспоминания о Наташе мучают меня. Не могу не вспоминать. Я дошел до такой степени отчаяния, когда не получается думать ни о чем другом и не ждешь никакого облегчения. Не уверен, что это когда-нибудь закончится.

Глупо пытаться утешиться словами.

Опять не могу уснуть. Попробовал почитать. Но и с этим занятием ничуть не лучше. В лице, которое смотрит на меня из зеркала, есть лишь боль и обида. Это Наташа сделала его таким. Я встретил любимую женщину и потерял ее.

Не могу зачеркнуть свое прошлое и смотреть на него, словно оно произошло не со мной, а с кем-нибудь другим. Мой мир опрокинулся. В нем все сместилось так, что прежний порядок уже вряд ли сможет восстановиться.

Не могу жить без любви. Не могу дышать. Хожу по ули-

цам и не вижу, какого цвета небо. Мне нужно, чтобы Наташа любила меня.

Оказавшись ненужным Наташе, я перестал быть необходимым самому себе. Думаю о себе, как о чем-то ненужном. Без любви я перестаю ощущать себя живым.

Отказываюсь быть нелюбимым. Эта возможность пугает меня. Я не могу примириться с невозможностью любви.